

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

РАДИАНТ

РАДИАНТ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиант

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

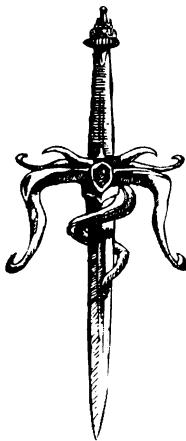

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Радиант

Роман

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2018

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации

Бушков А. А.

Б90   Радиант: Роман / Александр Бушков. — М. : Абрис,
2018. — 334, [2] с. — (Сварог — фантастический боевик). — ISBN 978-5-00111-290-7.

Никто и не мог предположить, что именно так все обернется на Нериаде. Всего-то и планировалось дня за два воспроизвести операцию «Невод». Хотя, конечно, всегда есть шанс, что события встречи с Великим Зодчим могут повториться...

Но чтобы получить благодарность самого Великого Мастера?.. Сварог такого уж точно не ожидал.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-290-7

© Бушков А. А., 2017
© Торговый дом «Абрис», 2018
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2018
Все права защищены

*Смотрите, я иду на вас
в полный рост.*

Александр Зиновьев

Глава I

О СМЕРТИ И ЖИЗНИ

Действительно, прогалина оказалась столь маленькой, что обычный самолет здесь ни за что не сел бы — только замаскированная под него вимана. Более подходящей не виделось лиг на двадцать вокруг, Сварог в этом убедился, подлетая.

Аккуратно посадив виману, он выключил двигатель. Вокруг оставалось свободного места уардов на пять, не больше. Он еще не успел встать с кресла, как один из его людей распахнул дверцу и проворно выставил легкую лесенку. Сварог спустился и направился прямиком к стоящему у крайних сосен Гаржаку. Понадобилось всего-то четыре шага — Сварог зачем-то подсчитал их машинально. Гаржак понурил голову, он выглядел подавленным. Сварог впервые видел его таким, обычно граф, несмотря на все невзгоды и удары судьбы, шагал по жизни со своей знаменитой хищной улыбочкой, пусть и наигранной порой.

Гаржак стоял без шляпы, волосы всклокочены, на левой щеке три длинных царапины, уже подсохших, одежда перепачкана смолой, порвана кое-где. Но не похоже, с радостью отметил Сварог, что он ранен.

— Докладывайте, — распорядился он бесстрастно. Не поднимая глаз, Гаржак начал:

— Я ничего не мог сделать, кроме... У меня не было приказа брать их непременно живыми... да и будь такой приказ, я бы его не смог выполнить, нас наверняка в минуту перебили бы всех до одного... Иначе не получилось бы, только так...

— Бросьте, — сказал Сварог, ободряюще положив ему руку на плечо. — Вас не в чем упрекнуть, совершенно. Виноват один я. Мне следовало просчитать все варианты... и вместо вас послать дружих, вооруженных как раз для такого оборота дел... Так что вы не виноваты, мое слово. Давайте о подробностях.

Гаржак поднял на него глаза, полные ярости и боли:

— Здесь мы никак не рассчитывали их встретить. Мы ехали в Каранталь — это такая деревушка лигах в пятнадцати на полуночный восход. После того как их первый раз заметили в этих местах, я посадил людей деревнях в десяти. Как раз из Каранталя прискакал человек и доложил, что они там у одного из местных живут самое малое два дня. Ну, обычное дело для здешних мест: еще один охотник со спутницей, ничего интересного, даже скучно... Мы и поехали в Каранталь очередной звериной тропой, их тут превеликое множество. Сам не знаю почему, но я выслал двоих парней на разведку, вперед. Как толкнуло что-то. Они их и заметили. Оба спокойно ехали верхом, никого больше с ними не было. Ну, я и выбрал единственный возможный вариант. Мы их окружили. Незамеченными остаться ни за что не смогли — полян там нет, но долго тянется редколесье. Показалось, все будет просто: нас — двенадцать, их двое, кони у нас не хуже, да к тому же у всех арканы и боласы... Я крикнул, чтобы они спешились и сдавались. Они буквально в несколько секунд оценили обстановку. И наверняка поняли, что бегством не спастись — мы их окружили довольно плотно, кое-кто из парней уже держал арканы на-

готове... И тут они открыли огонь, оба. Какие-то синие молнии, бьющие с шумным, поганым таким свистом... Никаких видимых повреждений — но люди и кони падали замертво. Я, конечно, по часам не засекал, но впечатление такое, что не прошло и квадранса минуты, как они въкосили шесть человек и еще под двумя убили лошадей. Продолжайся это чуть дольше, они бы нас положили всех до одного. Я скомандовал стрелять... — он, видимо, перехватил взгляд Сварога, натянуто усмехнулся. — Ничего страшного, ваше величество. Когда засверкали эти чертовы молнии и люди с лошадьми стали падать, сиганул прямо с седла за хороший такой куст, густой и большой, а он был из колючих, так что царапнуло немного... Пустяки. Коня они моего они убили, а меня не успели, зато я успел по нему два раза пальнуть. И попал... Ваше величество, ничего нельзя было сделать...

— Я же сказал: виноват один я, — сухо бросил Сварог. — Хозяина дома, где они укрывались, взяли?

— Успели. Без всяких сюрпризов вроде этого... — он показал себе за плечо большим пальцем. — По первому впечатлению — самый обычный здешний житель, из местных шустрыakov. Браконьерство и контрабанда по мелочам, за хорошую денежку спрячет тех, кому нужно спрятаться, и все такое... В доме не нашли ровным счетом ничего интересного, только дорожные сумы с обычными для охотников вещами...

— Ребенок?

— Никто его не видел. Они приехали без ребенка, без спутников. Но зачем-то же они обосновались именно здесь, должно что-то быть, не просто так...

— Пожалуй, — кивнул Сварог. — До горротской границы не будет и полусотни лиг, может, они с кем-то должны были встретиться. Вы оставили засаду в Каратале?

— Конечно. Вообще, мы там постарались не шуметь и уж тем более не показывать, кто мы такие. Обставили

все так, будто это — очередная разборка меж шустряками. Такое у подобного народа не так уж редко случается, окружающие, по старой традиции, носа не суют и притворяются, будто ничего не видели и не слышали. Если кто-то придет, сграбастают...

— А если придет кто-то вроде них? — задумчиво сказал Сварог. — Я, пожалуй что, добавлю к вашим людям парочку своих, мы это попозже обговорим...

Он оглянулся. Семеро прилетевших с ним стояли у лесенки с выжидательно терпеливым видом, свойственным опытным агентам. Двое с длинными металлическими шестами, повыше человеческого роста, которые они держали, как копья, двое с пустыми руками, у троих на плечах — объемистые сумки с кое-какой аппаратурой.

— Шесть из двенадцати, — сказал Гаржак, глядя в сторону. — Таких потерь у меня еще не было. Отличные были ребята, не первый год знал, у половины дети остались...

Ощущив жгучее чувство вины (ничуть не мнимой), Сварог веско сказал:

— О близких и о семьях позаботимся.

Гаржак молча склонил голову. На душе у Сварога было мерзко — любой ливень королевских милостей, любые посмертные почести, ордена и монументы никогда и никого еще не вернули... Старая истина, но всякий раз погано на душе...

— Ну что ж, пойдемте, — сказал он, обернулся к своим и выразительно дернул подбородком.

Гаржак пошел первым меж могучих сосен, обходя самые непролазные заросли кустарника и папоротников выше человеческого роста, равнодушно сшибая крупные грибы, которых в другое время непременно стоило бы набрать пару-тройку корзин — отец Гриук умел их готовить лучше дворцовых поваров. Вскоре, уардов через две сти, и точно, потянулось редколесье, где и конным проехать очень легко, и засады не устро-

иши: заметят тебя издали, и следить за кем-то, оставаясь незаметным, не получится.

Вскоре Сварог увидел первую мертвую лошадь — действительно никаких видимых повреждений... И еще несколько... Они оказались на чем-то вроде прогалины — но все же поросшей деревьями так, что и вимана не опустилась бы. Кучка людей стояла в стороне, держа под уздцы коней. Чуть левее протянулся аккуратный рядок, при виде которого вновь защемило сердце: шесть продолговатых предметов, прикрытых короткими плащами, из-под которых виднелись сапоги.

Завидев Сварога, пятеро сорвали каталаны и поклонились. Коротко кивнув им, Сварог подошел к двум телам, лежавшим почти бок о бок возле мертвых лошадей, — вот эти двое, сразу видно, убиты пулями...

Почуялся резкий запах пороховой гари — скорее всего, показалось, все произошло часа два назад, любой пороховой дым давно развеяло бы...

Он стоял над ними с застывшим лицом. Лица Стакхора он не видел, того пули швырнули ничком (да, вот и четыре следа от них на спине), руки под грудью, ноги поджаты, словно он собирался куда-то прыгнуть в свой последний миг. Эгле лежала навзничь — три пули в грудь, лицо не задето, на нем так и застыла яростная решимость. В откинутой правой руке так и зажат небольшой, никогда раньше не виденный предмет: черная гнутая рукоять, вместо ствола — толстая серебристая спираль. Одеждой ничем не отличаются от местных: зеленые костюмы, высокие сапоги, охотничье ножи на поясах, тут же валяются каталаны с окаймляющими тулью ожерельями из звериных зубов — Сварог не стал присматриваться чьих.

Не было ни сожаления, ни сочувствия, ни чувства вины. Если уж откровенно, только облегчение от того, что разрешалась еще одна проблема, способная стать крайне серьезной из-за своей загадочности: неизвестно было, чего следует ожидать, абсолютно неизвестно.

И, как случается в таких вот ситуациях — что-то вроде тоскливой усталости и легкой злобы на жизнь за то, что она именно такова и другой никогда не станет...

— Давайте, — кивнул он своим.

Ни единого вопроса не последовало — все обговорили заранее. Работа началась: из мертвых рук со всеми предосторожностями вынули неизвестное оружие и упаковали в надежные контейнеры, металлические щесты в два счета превратили в носилки (Марлок настаивал, чтобы тела скрупулезно исследовали, учитывая, что Стахор и Эгле облагали кое-какими с т р а н н ы м и способностями), двое с приборами принялись обследовать деревья и трупы — следовало на всякий случай поискать и следы, какие оружие оставило — если оставило). Сварог, без которого, в общем, все и так крутилось, как часовой механизм, постоял немного, потом, отшвырнув сигарету, подошел к пятерым оставшимся в живых. Те подтянулись на военный манер. Как и Гаржак, они выглядели понурыми и подавленными, но ни у кого Сварог не увидел признаков с л о м л е н н о с т и , и это было хорошо. Твердые ребята, пусть и с пятнышками на биографиях. С двумя он встречался лично во время инструктажа перед очередной операцией, а об остальных знал немало, как и обо всех людях Гаржака. В подобной ситуации людей просто необходимо подбодрить, заверить, что они старались не зря. А потери всегда были и всегда будут...

— Молодцы, ребята, — сказал он, переводя с одного на другого один из сугубо к о р о л е в с к и х взглядов. — Сделали все, что могли, большего от человека и требовать невозможно...

Лица у них стали теми, каких он и ожидал. Великое все-таки дело — похвала Главнокомандующего, как бы он ни именовался. Тот, что стоит справа, брюнет с ястребиным носом, чуть повел головой в сторону покрытых плащами и сказал ничуть не робко:

— Похоронить бы как следует, Ваше величество...

Правильные были парни.

— Уж это непременно, — сказал Сварог. — Сейчас прилетит второй самолет, заберет всех, я распоряжусь, чтобы сделано было все, что надлежит...

Монументов, конечно, не будет, подумал он — людям этой профессии их не ставят. Наград тоже не будет — не по скупердяйству, а оттого, что эти парни ни при какой погоде не романтики, подобная мишурा им абсолютно не нужна, предпочитают брать деньгами. А в общем, как не раз уже было думано-передумано, итог как итог. Не хуже и не лучше многих других...

...Сварог Барг, король королей и прочая, и прочая, пребывал в Малом кабинете. Поместился в кресле, в позе, не вполне приличествующей королю: вытянув ноги, едва не съехав с кресла седалищем, закинув руки за голову. К счастью, свидетелей столь вопиющего нарушения этикета не имелось. А вот повод расслабиться имелся нешуточный.

Над входом в «королевскую половину» с утра висел узкий, золотистого цвета прaporец с тремя плетеными косицами — знак, что король на сегодня изволил быть свободным от всех текущих дел, так что беспокоить его не следует (что, естественно, не касалось всех причастных к спецслужбам). Сварог давно уже с живейшим интересом поглядывал на изящный шкафчик с запасом лучшего спиртного — но лень было вставать.

Он и в самом деле провернул нешуточную работу — ну, не один, конечно, сплошь и рядом с многочисленными помощниками, однако мотором всего предприятия был именно он...

На девственно чистом столе перед ним лежали только три стопы бумаг — долго готовившиеся, но доведенные наконец до ума проекты — и каждую стопу венчал королевский указ, по всем правилам подписанный золотыми чернилами, припечатанный Большой королевской печатью и украшенный двумя подвесными на витых шнурках из золотой канители.

Одну из них назвать стопой можно было из чистой вежливости — не считая указа, там имелось всего-то три листочка, после обнародования которых герольдами крестьяне возрадуются, а благородное дворянство немного закручинится — но это уже его проблемы...

Сим указом Сварог отменял одну из старых привилегий сеньоров — согласно которой крестьяне могли печь хлеб исключительно на господских пекарнях. Далеко не самая важная привилегия — но дворянство за нее держалось, как за все прочие, а крестьяне, соответственно, терпеть не могли, это им обходилось в год в нешуточную копеечку — этакий исполнительный налог. Повинность эта не раз становилась не главной, но серьезной причиной крестьянских мятежей и всегда вносилась в список требований (если таковой составлялся).

Вот так я вас, подумал Сварог, — буду гуманно рубить кошке хвост по частям. А там еще одно послабление, и еще. В меру, конечно, не увлекаясь чересчур, не пробуя с маxу развалить тысячелетиями вертевшиеся механизмы...

Собственно, хватило бы и одного-единственного листочка — но пришлось присовокупить еще парочку, где Лемар со свойственным ему изяществом и краснобайством обосновывал очередное мудрое решение короля. Проглотят, подумал Сварог. Это все же не покушение на основы, перетерпят, поворчат и привыкнут — конечно, как порой бывает, может вынырнуть псих с кинжалом, но не будет ни общего возмущения, ни рокошей — ну, разве что д е р н у т с я провинциальные романтики вроде графа Сезара. Вот, кстати. Нужно будет еще продумать указ об отмене рокошей, чересчур уж архаичного пережитка, во времена регулярных армий, самолетов и пушек казавшегося дурной комедией.

Вторая стопа — толщиной с широкую мужскую ладонь. Указ об учреждении Сословия Огненного Ко-

леса, над которым давно уже работали герцог Брейсингем и его советники. Все проработано и прописано до мелочей: права и обязанности, особые плащи, отличительные знаки, головные уборы. Объединяет всех инженеров, работающих с паровыми машинами, электричеством (оно хоть и в зачаточном состоянии, но кое-где применяется), паровозами и пароходами, рудниками и фабриками — одним словом, со всеми здешними передовыми технологиями. На базе всех технических училищ (пусть они здесь и называются иначе) будет создан Университет «Огненное Колесо». А рядовые мастера и те, кого можно назвать техниками, для поднятия престижа переводятся из Железной гильдии в Серебряную, приписываются к Кораблестроителям. В списке Сословий новое отныне стоит на третьем месте — что непременно привлечет туда дворян и отпрысков других Сословий, среди них немало светлых голов.

Сварог удовлетворенно потянулся, еще раз смерив взглядом толщину стопы — все же неплохая работа проделана...

А вот третья, хотя и в полтора раза толще, особой радости не вызывала — поскольку являла собой исключительно сладкий пряник для благородного дворянства — одной рукой что-то отнимаем, другой даем...

Указ о возобновлении регулярных рыцарских турниров, прекратившихся лет четыреста назад — о чем дворянство до сих пор сожалеет. Четыре больших турнира в год — три по отдельным королевствам, четвертый, выражаясь спортивным языком, финальный. На каждом, кроме главного приза, традиционно имелось еще с полдюжины второстепенных, но тоже престижных — скажем, за трех подряд соперников, выбитых из седел, или победу в стрельбе из лука.

Вот это их проймет до глубины души, моментально забудут и о «пекарной» привилегии, и о парочке других, которые Сварог собирался отменить уже в этом году. Наперегонки станут готовиться, дни считать...

В общем-то, сам Сварог никаких трудов и не затратил — всю работу провернули земные герольдмейстеры, старики из имперской Геральдической коллегии, давние и верные союзники Сварога. Конечно, придется многих наградить — а первым в списке поставить графа Дино.

Именно граф, уже давно излечившийся от черной меланхолии касательно личной жизни, едва услышав о проекте, предложил отличную идею: финансисты тоже немного циники, работа такая... В два счета объяснил Сварогу, как сделать турниры не просто благородной потехой, но и постоянным источником дохода для казны...

Должность главного распорядителя турнира испокон веков считалась почетной. Таковой она и останется — но будет привилегией, за которую как главному, так и полудюжине его ближайших помощников придется ежегодно вносить в казну кругленькую сумму. Раскошелятся, как миленькие, — ни за что честолюбцы не платят так дорого, как за всевозможную почетную мишуру. Свой взнос будут платить и участники турнира. Плата будет браться и со зрителей, правда, исключительно мужского пола (сделаем приятное женщинам). Турнирные доспехи предстоит заказывать не где попало, а в строго определенных мастерских, принадлежащих опять-таки короне. То же касается и оружия. Налог с торговцев, которые всегда кишили на турнирах. Школы выездки турнирных могучих лошадей — в руках казны. Общий итог получался довольно впечатляющим — а в Трех Королевствах деньги нужны постоянно, их там вечно не хватает... А что же вы хотели, господа мои? За развлечения, особенно сопряженные с получением почетных званий, надо платить...

Хорошо бы еще ввести для участников обязательное страхование, это добавило бы к ожидаемой прибыли не менее двадцати процентов. Но тут уж ничего не поделаешь: дворяне-с... Страховое дело здесь процветает

не первую сотню лет, но для дворянина страховаться столь же позорно, как показаться на людях без шляпы или завести гончарный заводик, не располагая сырьем в своих землях. Купцы страхуют корабли и грузы, склады, магазины, лавки и лавочонки, таверны и все прочее, что только возможно, ремесленники — мастерские, крестьяне побогаче — урожай от плодожорки или засухи, а вот дворянину подобное невместно. Правда, в последнее время появились крамольники, в основном из захудальных, начинают помаленьку страховывать дома и те же урожаи, но отношение к ним самое неодобрительное...

И обязательно, как следует обдумав, сделать что-то с дуэлями — совсем запретить не получится, но стоит попытаться оставить несколько самых важных поводов, когда уж честь по-настоящему задета, а превеликое множество пустяковых («лаур, ты кого имел в виду, столь гнусно ухмыляясь?» — поневоле пришло на ум) отменить к чертовой матери.

Стоп, стоп! Это уже дела, и отнюдь не текущие. Так что нужно старательно отвлечься, в кои-то веки выпадает... Может быть, взять Яну и махнуть на денек в Ратагайскую Пушту? Она давно хотела. Но ведь ратагайцы, раньше чем через три дня, не отпустят, иначе получится нешуточный ущерб для чести, по всей степи пойдут пересуды: эти-то, Черные Шапки, гостю уже через день уехать позволили, стыд им и позор, сквалыгам и нарушителям обычав... И не объяснишь им, что в любой момент могут выдернуть по неотложным делам... Забудем пока.

Он позвонил статс-секретарю, чтобы унес документы и передал указы печатникам. С привычной сноровкой накрыл себе небольшой достархан, опрокинул пузатую чарочку и придинул к себе одиноко красовавшуюся посреди стола большую картонную коробку для канцелярских бумаг, заменявшую здесь папки. Эмблема тайной полиции, аккуратнейшим писарским

почерком выведено: «АССАМБЛЕИ». Вытряхнул из нее на стол с дюжину других, толстых и тоненьких. Это уже были не дела, а чистой воды утоление любопытства — порой бумаги Интагара для этого и служили.

На всех стояла та же эмблема, канцелярским почерком выведено где «Безобидно», где «Заслуживает внимания». Одна папка выделялась из прочих, поперек шла жирно намалеванная красная полоса (с канцелярской точки зрения ничего не означавшая, просто чья-то самодеятельность, чтобы привлечь внимание), и уже не полицейский писарь, а Интагар начертал пониже полосы коряво и размашисто: «Сущая мерзость».

Подумав, Сварог решил, что с мерзости начинать не стоит, ее и так хватает, лучше оставить на потом. Поворотив папки, выбрал одну из безобидных.

Ассамблеями здесь именовалось то, что в Англии называли бы клубами, а в Советском Союзе — кружками по интересам. Устав, членство, система рекомендаций для гостей и кандидатов...

Больше всего имелось игорных — карты, кости, копрут*, скидель**. Примерно в половине играли без ставок, интереса ради, в оставшейся половине — на деньги. От обычных игорных домов Ассамблеи такие отличались тем, что туда не мог попасть посторонний с улицы (а вот шулера, маскируясь под приличных, все же просачивались по чьей-нибудь рекомендации). На всех тех, где игра шла на деньги, стоял давно знакомый Сварогу штампик, заключенный в квадрат глаз, означавший, что агентурное наблюдение за данным заведением ведется, и тихари туда внедрены.

Куда только Интагар ни внедрял агентуру, разве что к монахам из боевых Братств не удавалось — чтобы к ним в р а с т и, нужны годы, да и контрразведка у них своя, о которой известно только то, что она существует...

* Игра, во многом напоминающая лото.

** Игра, где мечут кости и в зависимости от выпавших очков двигают фишку по доске. Есть не менее двух десятков разновидностей.

О причинах появления штампика Сварог догадался и без пояснений — бывали печальные примеры. Члены таких Ассамблей — люди денежные, игра частенько идет по крупной, а среди завсегдатаев хватает чиновников, обремененных государственными тайнами. Проигравшиеся в пух и прах, без надежды поправить дела ведут себя по-разному: у военных хорошим тоном считается стреляться, а вот цивильные... Иные как раз и пытаются торгнуть доверенными им государственными секретами, и не всегда вовремя удается схватить за руку. Были примеры, были. А потому таким заведениям уделяют особое внимание иностранные шпионы — и здесь хватало примеров. Да что там далеко ходить, в те времена, когда Сварог еще не был снольдерским королем, люди того же Интагара из внешней разведки...

Он ухмыльнулся и отложил папку — что было, быльем поросло. Немало Ассамблей (кстати, им всем дают названия, стараясь подбирать покрасивее) по сути своей — те же самые дворовые компании, в которых прошла юность Сварога: гитара, бутылочка, все прочее... Правда, в здешних Ассамблеях собирается «золотая молодежь» обоего пола, дворяне и верхушка Сословий, но суть под любыми звездами одинакова: танцы, флирт, бутылочка-другая, а то и задние комнаты для удобства влюбленных пар. Правда, в том случае, если Ассамблея собирается в чьем-то родительском доме, о бутылочках и задних комнатах и речи быть не может: родители бдят (явно помня собственную молодость), обычно отряжают в надсмотрщицы какую-нибудь пожилую тетушку, и та, якобы прикорнув в углу за своим вязаньем, на деле следит за происходящим не хуже интагаровых сыскарей. Да и лакеи стучат, что им в прямую обязанность вменено. А в общем, предоставлять свой дом для таких вот Ассамблей считается хорошим тоном. В чем наверняка есть немало и от житейской практичности — пусть уж дети, особенно дочки, будут на глазах, чем болтаться по друзьям и подругам. Да и

те, у кого дочки на выданье, могут подходящего жениха присмотреть, как это имеет место быть на балах, вообще приглядеться к молодым холостякам...

Те, на чье месячное содержание родители не скрупультятся, проявляют порой побольше изобретательности. Сварог, перелистывая очередную сводку, не без удивления узнал о двойном дне респектабельного ресторана «Золотой олень», где они с Яной порой ужинали и танцевали — кухня там была хорошая, особенно морская и оркестр неплох. Оказывается, ресторан давным-давно перекупила у хозяина (оставив его управляющим) Ассамблея «Лесной василек» — и трижды в неделю заведение было открыто только для с в о и х. А если учесть, что там был еще и второй этаж с неплохо обставленными комнатами... Правда, никак нельзя сказать, чтобы молодежь так уж погрязла в предосудительных развлечениях — все обстояло довольно прилично, в пределах некой нормы — знали меру...

Чего никак не скажешь о некоторых других Ассамблеях, например о «Парчовой маске». В полном соответствии с названием, члены туда являлись исключительно в масках, полностью скрывавших лицо. Никто никого не знал, и уж там-то развлекались по полной. Тут же имелась справка от начальника внедренных туда агентов, сообщавшая, в чем прикол: «верные» жены и «верные» мужья с безукоризненной репутацией в обществе, о которых самые завзятые сплетники не в силах раскопать ничего дурного, да вдобавок благонравные доченки титулованный родителей, которых весь окружающий мир полагал образцом добродетели и невинности. Некоторых агентам Интагара все же удалось проследить и опознать. Тут тоже следовало держать ухо востро: еще одно грибное и рыбное местечко для сбора компромата, способное привлечь иностранных шпионов.

Ну, а уж «Молодая лань», которой и посвящена эта самая папочка с красной полосой, собственноручно

Интагаром подписанная, единственная из всех... Читая, Сварог крутил головой, фыркал, иногда ругался про себя: в конце концов, есть же какие-то пределы светских развлечений. А тут... Не всякий бордель способен конкурировать. Ассамблею создали некий молодой граф с супругой и принимались туда только молодые супружеские пары, на время заседаний, так сказать, Ассамблеи перестававшие быть таковыми. И начиналось...

Он сердито бросил папку на стол, подавив желание вытереть руки носовым платком: положительно, есть же пределы... И все это в паре, тройке кварталов от королевского дворца — граф не из бедняков, а степень престижности здесь определяется близостью жилья ко дворцу. Опять-таки, все члены Ассамблеи приняты при дворе, никто ни разу не дал повода для сплетен, с графиней Сварог несколько раз танцевал на балах, оставалось впечатление чистоты и свежести. А в узком кругу, значит, вот так...

Хорошо еще, настроение подняла следующая папочка, не содержавшая никакой грязи, наоборот способная лишь развеселить. С десяток мастеров цеха Фонарщиков Золотой Гильдии организовали Ассамблею «Тайны земли и неба», на заседания каковой и уходили почти каждый вечер. Женам они с таинственным видом, сплошь недомолвками, сообщали, что занимаются поиском кладов посредством лозоходства, а также кое-чем столь тайным, о чем и близким говорить нельзя. Заседания всякий раз проходили в задней комнате таверны «Кошка и кастрюля» и заключались исключительно в распитии нескольких жбанов доброго пива с хорошей закуской. Жены пока что верили.

Сварог фыркнул, на сей раз весело. Мужички подыскали себе надежную и убедительную легенду. Лозоходство наказуемой магией не считалось, числилось среди «не до конца познанных стихийных сил» и никем не преследовалось. (Ученые, с которыми Сварог

как-то говорил по этому поводу, разводили руками: никто не может объяснить, как и почему, но это работает.) Что не исключает появления шарлатанов, но это уже забота полиции. С некоторым сочувствием к выдумщикам Сварог подумал, что эта благодать до бесконечности тянуться не сможет — рано или поздно кто-то из жен что-то заподозрит, начнет думать, сопоставлять, поделится сомнениями с приятельницами. Подозрительные жены кое в чем не уступают полицейским сыщикам, даже самым хватким. Рано или поздно запорются, а жаль: совершенно безвредные мужики, озабоченные, кроме работы, одним: как бы им собираться на дружеские посиделки за добрым пивом чаще, чем позволяют сварливые жены? Причем женам при этом не изменяют, не то что некоторые — ни единого раза не зафиксировано присутствия на Ассамблее особ противоположного пола, посторонних своего пола, впрочем, тоже. Так-так-так... Матушка* Таммаж, супружница одного из мастеров, недавно замечена в «Кошке и кастрюле». Сovalа монеты парочке слуг, подающих напитки и закусь в задние комнаты, пыталась разузнать, о чем на заседаниях Ассамблеи говорится. Началось. И будет, несомненно, иметь продолжение. Может быть, дело тут не в нелюбви женушек к подобным посиделкам, а в названии Ассамблеи. Весьма возможно, кто-то из жен мог подумать, что их мужья связались с теми предосудительными видами магии, что запрещены и неустанно преследуются. Ведь не успокоятся матушки, туда их батюшку. И ничего нельзя сделать. А почему, собственно, нельзя? Кто сказал, что нельзя? Королю Сварогу Баргу многое можно...

Согнав с лица лукавую ухмылку, он нажал шпенек вызова статс-секретаря, и когда тот вошел, протянул ему одну из бумаг, касавшихся «лозоходцев»:

---

* Обычное вежливое обращение к жене мастера из трех высших гильдий (независимо от ее возраста и наличия детей).

— Приготовьте для каждого из здесь упомянутых Королевскую Привилегию. Поскольку достоверно установлено, что деятельность Ассамблеи «Тайны земли и неба» ни в коей степени не связана с предосудительными разновидностями магии, преследуемыми законами королевства, его величеству благоугодно выдать означенной Ассамблее привилегию и далее продолжать деятельность так долго, как найдут нужным члены Ассамблеи. При условии, что они и впредь не вступят в противоречие с «Кодексом о черной магии и близким оной занятиям». Формулировка... Ничего нового. «За искусное и быстрое выполнение работы, вызвавшей удовлетворение короля». Пусть гонец, который будет бумагу доставлять, выдаст каждому по золотому («За сообразительность», — мысленно усмехнулся он), но моим именем накажет: более число членов Академии не расширять.

Он был доволен собой. Раз в кой-то веки сделал доброе дело, не преследуя при этом никакой выгоды для себя или государства. Любая матушка, если муженек ей с торжествующим видом сунет под нос такую бумагу, навсегда прикусит язычок, не говоря уж о том, чтобы вынюхивать в «Кошке и кастрюле».

— Да, вот что еще, — сказал он. — Эти люди должны знать: привилегия им дана за то, что они искусно выполнили порученную им работу во дворце. Им велено не удивляться и помнить, что король знает все...

Статс-секретарь чуть поклонился в знак того, что все понял, содержание бумаги по своему обыкновению запомнил накрепко и вопросов не имеет. Застыл в выжидательной позе — могли последовать и другие распоряжения.

— Пока все, — сказал Сварог.

Когда за секретарем бесшумно затворилась дверь, взялся за оставшиеся бумаги, коих было не так уж много. Ничего особенно интересного, если не считать жуткого скандала, разразившегося на заседании Ас-

самблеи «Родниковая Вода», несколько лет пропагандировавшей воздержание от алкоголя путем издания за собственный счет соответствующих брошюр и распространения их по кабакам (распространители ломили за свой нелегкий труд жалованье втрое больше обычного, ссылаясь на то, что регулярно подвергаются насмешкам, а то и рукоприкладству). Председатель Ассамблеи маркиз Дегелен явился на заседание вдрязг пьяным, с трибуны швырнул в зал свою нагрудную цепь председателя с эмблемой общества и заявил, что ноги его не будет... (нецензурные определения канцеляристы деликатно заменили парой строк точек). Сварог фыркнул, не удержавшись. Сколько маркиз продержался в громогласно объявленной завязке? Ага, четыре года. Ну, так оно чаще всего с завязавшими и бывает...

Все время, пока он читал бумаги, думал: решится Интагар или нет. Ага, все же решился. Последняя папка содержала один-единственный лист, на котором написано всего несколько строчек. Две недели назад графиня Канилла Дегро создала свою Ассамблею, поименовала ее Ассамблей Боярышника и взяла бразды правления в свои руки. Примерная численность членов. Место проведения заседаний. И все, ничего больше.

Четко все же Интагар понимает субординацию. Уж ему ли не знать истинного лица графини Дегро, ее места и роли в этой жизни. Тихарей к Канилле не подсунул и особенно вникать в ее развлечения не стал, но дипломатично просигнализировал — мало ли что, вдруг король не знает... Король все прекрасно знал — так уж сложилось, что о «Боярышнике» ему известно почти все, так уж обстоятельства сложились, и никакого компромата он тут не усматривает: Канилла соблюдает совершеннейшую благопристойность, если не считать одной интересной детали, но и она, в общем, ни о чем дурном не свидетельствует. Человек тридцать обоего пола, две трети — лары и лариссы (не только из числа юных соратников Сварога), танцы до упаду,

вполне безобидные игры. Есть, правда, и «задние комнаты», но они предназначены исключительно для сложившихся пар, у которых просто-напросто нет своего любовного гнездышка, а пользоваться номерами, пусть даже самых респектабельных гостиниц, они просто стесняются или боятся огласки (как в первую очередь дочки Интагара, тоже состоящие в Ассамблее). Добрая душа — Канилла Дегро. Сама в свое время немало намыкалась без того самого гнездышка, так что покровительствует влюбленным вовсю, коли уж есть теперь все возможности. Хороший все же человечек растет. Впору в который раз мимолетно удивиться: каким чутьем Яна в свое время отобрала в друзья и подруги людей без самой ничтожной капли гнили? А ведь Древним Ветром тогда еще не владела...

Когда замигала синяя лампочка, установленная так, что видна была только ему, Сварог нажал шпенек. Бесшумно вошедший статс-секретарь доложил:

— Текст Привилегии записан и передан печатникам. Господин Интагар только чтоправлялся, можете ли вы его принять...

Формулировка эта давно вошла в обиход: таким образом Интагар давал знать, что ничего срочного или важного у него нет, но кое-какие новости рассказать может. Ну что же, будем считать это очередным мероприятием в рамках объявленного на сегодня безделья, иные сплетни, принесенные верным бульдогом, только веселят...

— Пригласите, — сказал Сварог. — И вот что еще... Пошлите верхового в «Медвежью пещеру». Пусть передаст герцогине Латери, что я хотел бы с ней поговорить. Это не срочно. Скажем, часа в четыре. Идите.

Кое-какие текущие дела все же предстояло решить сегодня, чтобы не затягивать — ну, не особенно и сложные дела...

С первого взгляда Сварог определил, что вид у Интагара крайне удрученный и даже подавленный. Таким

его Сварог видел крайне редко и прекрасно знал: это неспроста, тут что-то кроется. Даже о крайне серьезных опасностях Интагар сообщал с непроницаемым выражением лица...

А посему Сварог первым делом налил ему добрую чарку, от которой Интагар, конечно же, не отказался, никогда в таких случаях не жеманился.

Когда он прожевал прозрачный ломтик мастерски завяленной кабантины (недавно в гости заглядывал отец Грук и привез мешок каталаунских вкусностей), Сварог спросил:

— Ничего не случилось?

— Если говорить о делах — ничего особенного, — ответил Интагар как-то загадочно. — Хотя ваш совет мне необходим.

— Что стряслось?

— По дворцу распространился новый слух, — сказал Интагар. — Достаточно широко, раньше, чем мы успели его за гасить. Вот мне и нужен ваш совет, вам, по-моему, виднее... Понимаете ли, государь, дворцовые сплетники и сплетницы вновь начали болтать о... баронессе Вольмер, точнее, ее истинном лице. Нет, я неточно выразился. Не об истинном, а как бы сказать... Одном из... В общем, широко пошли разговоры, что она — не просто провинциальная дворяночка, а ваша законная супруга, королева Хелльстада. Источник убедительный — король Тейл из Шотера. Хвастался, что был гостем на вашей свадьбе, так что знает все точно и ошибиться никак не может.

Сварог выругался сквозь зубы. Следовало ожидать. Большинство из приглашенных на свадьбу — люди свои, народ серьезный и понимающий, болтать никто не стал бы. А вот несколько особ совершенно посторонних, которых пришлось тем не менее допустить на торжество... Тейл, паршивец. Тот самый королек из Вольных Маноров, что беззастенчиво тырил на свадьбе со стола золотые вилки-солонки. Ну да, неделю назад он

приезжал приносить Сварогу как Высокому Покровителю Вольных Майоров слезную жалобу на соседа — у того, пусть всего-навсего маркиза, и державочка была побольше и покрепче, и армия посильнее. Вот он без церемоний и оттяпал у короля обширные заречные луга, одним махом сократив пастващные земли крохотного королевства на добрую треть. При дворе королек болтался три дня, значит, видел Яну, императрицу в ней не опознал, но вот супругу короля Хелльстада... Скотина клептоманская, хоть свергай... Но не стирать же им всем было память?

— Не подумайте, государь, что я боюсь брать на себя ответственность, — торопливо заверил Интагар. — Просто... В прошлый раз именно вы, а не я, нашли удачное решение. Вот я и подумал, что нужно посоветоваться...

Он нисколечко не льстил — Сварог и в самом деле отыскал изящное, оказавшееся крайне эффективным решение. Когда нашлись болтуны, опознавшие-таки в Яне императрицу (или, по крайней мере, усмотревшие «поразительное сходство»), Сварог моментально применил метод «встречного пожара». Н а с т р е ч у тут же была оперативнопущена другая сплетня: что королю Сварогу, самодуру и бабнику, приелись доступные придворные красотки и балерины. И он приказал тайной полиции хоть из-под земли раздобыть девушку, как можно более похожую на императрицу. Что полиция и исполнила, отыскав где-то в глухи захудалую дворяночку.

Верили этому охотно, поскольку прецеденты давно имелись. Владельцы самых элитных борделей заколачивали немалую денежку, используя двойников (или правильнее будет — двойниц?) самых соблазнительных придворных красоток, знаменитых актрис, певиц. Происходило все это в глубокой тайне — поскольку оригиналы, узнав о таком, могли причинить нешуточные неприятности... Как это было три года назад с Марги-

леной Дино. Проведав, что в одном из борделей-люкс Равены ударно утрудится шлюха, похожая на нее, как горошинка из одного стручка, она не стала топать ногами и гневаться — сказался опыт работы на восьмой департамент. Она просто-напросто созвала своих дворян, ватагу безденежных удальцов, отсыпала им золота и поставила задачу. Ватага, предварительно пропив золото в одном из кабаков до последнего грошика, села на коней и поскакала в бордель, где по причине утреннего времени стояло затишье...

Морды они особенно не били — так, мимоходом, если рожа особенно не понравилась, — и уж тем более не обнажали мечей, но потрудились на славу. От борделя, собственно говоря, остались только стены и крыша, все остальное было превращено в щепки, черепки, осколки и драные тряпки. Владельца по шейку поместили в выгребную яму со строжайшим наказом сидеть так до темноты. Шлюху убедительно попросили моментально исчезнуть из Равены, забиться куда подальше и более не отсвечивать, иначе жутко и представить, что с ней будет. Как и следовало ожидать, полиция не нашла следов разгромивших бордель неизвестных, а вот воспитательный эффект получился знатный. Все остальные заведения, пользовавшие двойников, самое малое на месяц бросили это денежное занятие, а один, самый пессимистически настроенный, вообще отказался от таких заработков. А две «двойняшки», устрашенные случившимся, смылись неизвестно куда.

Но дело было, конечно, только не в этом убедительном примере, отнюдь не единственном. Сплетни прекратились, как отрезало, оттого, что они затрагивали личность Высокой Госпожи Небес, а сие могло плохо кончиться — законы об оскорблении величества существуют не только на земле и мягкостью не отличаются. Недоброжелатели Сварога злорадно посмеивались по углам, ожидая для него нешуточных неприятностей (вполне возможных, если бы речь шла о ком-то дру-

том), и были страшно разочарованы, когда так ничего и не произошло, молния с небес не грянула. Самый упорный из них (Сварог вытурил его родного брата из генералов гвардии за редкую бездарность в военном деле, а самого выпер из департамента мясной торговли за взятки и казнокрадство) даже накатал на Сварога кляузу наместнику — но, получив в ответ строжайший наказ не отвлекать серьезных и занятых людей пустыми выдумками (Сварогом же и продиктованный), затосковал, мрачно запил и в конце концов совершенно добровольно удалился от двора в свое ближайшее поместье.

Вот только сейчас этот прием решительно не годился, поскольку ситуация оказалась совершенно иная. Следовало пустить в ход что-то новое — а кое-какие идеи, между прочим, были и до того, как Интагар доложил о сплетнях...

Сварог разлил келимас по чаркам и сказал:

— Сейчас прикину кое-что, есть наметки...

Интагар напряженно ждал, непроизвольно вертя в толстых пальцах пустую чарку. Сварог наконец поднял глаза:

— У вас, я помню, есть знаток и умелец как распускать слухи, так и противодействовать. Совсем молодой, но толковый. Я с ним как-то встречался у вас... Вихрастый, чуточку забавный, похож на моего Элкона, когда тот только начинал служить — но голова светлая. Он мне еще выкрикнул, когда завязался спор: «Да что вы в этом понимаете, Ваше величество!»

— Мэтр Доритас, — осторожно сказал Интагар. — Вы не рассердились?

— Да вздор, — сказал Сварог. — Не первый год меня знаете. Уж если тогда не рассердился, то почему теперь, задним числом... К тому же, он был прав. Я тогда и в самом деле далеко не все понимал. Итак, Доритас... Имя я забыл, но хорошо помню, что он мне рассказывал о трех категориях знания. Любые сведения, распространя-

няемые, так сказать, из уст в уши, проходят три стадии: сначала сплетни, потом они перерастают в слухи, в том случае, если приобретают полную убедительность, и наконец, становятся точными сведениями, которые власть по той или иной причине признавать не хочет...

— Вот именно. Слишком часто так и обстояло.

— Отлично, — сказал Сварог. — Надеюсь, вы его не выставили за тот случай?

— Конечно, нет. Вы же велели тогда оставить без последствий. А работник он ценный... несмотря на все издержки молодости.

— Ну, молодость — такой недостаток, что с годами непременно проходит... — усмехнулся Сварог. — Бросьте его на это дело, пусть подберет людей и запускает механизм. Задача: сплетням не препятствовать. Наоборот — как можно быстрее и качественнее перевести их из первой категории в третью. Как именно это обеспечить, пусть ломает голову ваш Доритас, но это нужно сделать как можно быстрее, — он посмотрел на изумленного до крайней степени Интагара, усмехнулся. — Да, именно так мы и поступим. Я подготовил операцию в несколько ходов, это ее начало... Нет, это вовсе не один тех случаев, когда вам не полагается что-то знать. Просто она до конца не продумана, а я не люблю выносить такие на обсуждение... Когда начнется, вы все узнаете первым.

— А биография баронессы Вольмер? — уже деловым тоном спросил Интагар.

— Оставьте прежней, — не особенно раздумывая, сказал Сварог. — Дворяночка из захудалого рода, жила в примыкающих к Хельстаду районах и однажды попалась Королю на глаза... Бывало не раз и не только в балладах, в конце концов, с Лавинией Лоранской именно так и произошло... Ну, что же, кажется, у нас не осталось текущих дел?

Он машинально постукивал по краю стола папкой с красной полосой, на которую Интагар уставился с явным неодобрением.

— Да уж, грязь... — сказал Сварог тоном, каким обычно давал понять, что серьезные дела кончились — началась обычная беседа. — Послушайте, Интагар... Не как король с министром, а как мужчина с мужчиной... Такое впечатление, что я чего-то в этой жизни не понимаю. Я о графе с графиней и их спевшейся компании. Как-то в голове не укладывается. Его молодую красавицу жену пользуют сразу двумя «янтарными жезлами», а он любуется. Ну, и остальные не отстают... Что, ничего нельзя сделать?

— Ничего, ваше величество, — угрюмо отозвался Интагар. — Это при Кадарене Свирепом таких жгли, несмотря за знатность рода, но это было четыреста лет назад... да кстати, это и было одной из причин его убийства. Даже Конгер, как ни хмурился, не мог ничего поделать. Там нет ни малолетних, ни принуждения. А «янтарные жезлы» и прочая такая дрянь открыто продаются в аптекарских лавках, хоть и не лежат на самом видном месте... И что хуже всего, за это уцепились в Лоране, там вышла добрая дюжина анонимных памфлетов. Никаких имен, конечно, не приводят, ни малейшей зацепки для дипломатов, я справлялся — но ко всем этим забавам припугивают и «некоего короля», опять-таки без зацепок. У них тоже есть неплохие мастера таких дел. Серьезного вреда не причинят, но все равно неприятно... Занести вам как-нибудь папку?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Посмотрим, как работают у них. Интересно, а мы можем ответить в том же духе?

— Если как следует покопаться, — сказал Интагар, нехорошо ухмыляясь. — Я поручу мэтру Доритасу еще и это, у нас есть кое-что... И вот что еще... Коли уж разговор у нас неофициальный... Вы можете и не знать, но мы-то выяснили совершенно точно...

— Что там опять на мою голову? — спросил Сварог.

— Маркиза Ролатон...

— И что с ней не так?

Интагар чуточку помялся, решительно вскинул голову:

— Ваше величество, с т о г о с а м о г о вечера она всякий раз, когда остается ночевать на земле, проводит ночи в особняке герцога Лемара. Вот уже полтора месяца. Нельзя сказать, что они особенно уж скрываются, так что и сплетникам эта тема уже наскучила...

Вот сволочь, подумал Сварог. Ведь предупреждал же: один-единственный раз...

Интагар осторожно сказал:

— Отношений графини Дегро и графа Гаржака я, как вы и приказали, больше не касаюсь. Но з д е с ь совсем другие характеры, если вы понимаете, о чем я...

— Понимаю, кажется, — сквозь зубы сказал Сварог.

Интагар спросил еще осторожнее:

— Может, на Стагар его? Работать он и там будет.

Сварог вздохнул:

— Ну да. А она, и к гадалке не ходи, поедет за ним туда. Поскольку это Высокая Госпожа Небес, вы ничем не сможете воспрепятствовать, да и я не смогу приказать. А обидится она на меня страшно... Придется терпеть. И ничего тут не попишешь. Вот, кстати, а как у него за эти полтора месяца отношения с д р у г и м и? Он ведь никогда одной подругой не ограничивался.

Интагар поджал губы:

— Самое занятное, государь, что за эти полтора месяца других у него не было. Никаких сомнений — так, как он обложен...

— Ну, вот видите, — сказал Сварог. — Может, и остыпенился — годы, чувства и все такое? В конце концов, не только в балладах случается, но и в жизни порой... Бывало ведь, а?

— Бывало, — пожал плечами Интагар. — Я и не говорю, что такое невозможно вовсе... Но вот от д р у г и х своих привычек он явно не собирается отказываться.

— Чтоб его... — сказал Сварог. — Сколько случаев? Что-то серьезное?

— За эти полтора месяца — один. Как мои люди ни бдили. Снова сообщники, до которых мы еще не добрались. Один почтенный судовладелец лишился ста тысяч ауреев золотом — и на сей раз нет никаких зацепок, чтобы завести дело. И, как всегда, проделано все, надо отдать ему должное, с большим изяществом. Ну, по-другому у него, стервеца, и не бывает...

Крепко выругавшись про себя, Сварог распорядился:

— Ну что ж, пустите все обычным порядком. Купцу устройте какой-нибудь выгодный казенный подряд, чтобы хоть как-то возместил убытки... — он ухмыльнулся: — А знаете, что мне пришло в голову? Не кольнуть ли герцога его же оружием? Да, вот именно. Прoverнуть какую-нибудь аферу, в результате которой он потеряет кучу денег — да вдобавок получится огласка. Осмеянный Лемар — это что-то совсем другое... Нет, ужели два таких, что уж там, прохвоста, как мы с вами, ничего не придумаем? Мало ли у нас умельцев?

На лице Интагара появилось хищно-радостное предвкушение:

— Ваше величество, стоит подумать! Я поговорю у себя кое с кем...

— Я тоже, — сказал Сварог. — Ну, еще по чарке за успех предприятия? Вот кстати... Интагар, у меня стойкое впечатление, что вы чем-то всерьез подавлены. Касайся это служебных дел, вы ни за что не смолчали... Что случилось? Я могу чем-нибудь помочь? Уж вы-то всегда можете на меня рассчитывать... .

— Да нет, ваше величество, — уныло отозвался Интагар. — Это исключительно мои хлопоты, да и помочь тут не нужна...

— Рассказывайте, — сказал Сварог приказным тоном. — Вы же знаете: терпеть не могу, когда мои ближайшие сотрудники отягощены какими-то личными проблемами... Ну, рассказывайте.

Интагар вздохнул грустно и тяжко, как простуженный морж:

— Понимаете ли, ваше величество... Ко мне вчера приехал с визитом граф Субирон, лейтенант Черных Драгун, и по всем правилам попросил руки старшей, Фионеллы...

— Ну и в чем же тут хлопоты? — с искренним недоумением спросил Сварог. — Уж о нем-то я немного наслышан. В свое время проводили некую операцию в Святой Земле силами исключительно офицеров, я тщательно отбирал кандидатов, военная контрразведка представила на каждого внушительное досье. В общем, вполне приличный молодой человек. Семья не из богачей, но и не из захудальных, единственный наследник. В гвардии на хорошем счету, несмотря на то, что драгун, пьет и играет не в пример скромнее иных сослуживцев, да и в борделях не замечен. По-моему, хорошая партия. Что вас останавливает?

— Да ничего, — столь же уныло ответил Интагар. — Я и сам все это знаю и понимаю. Я дал согласие, не особенно и раздумывая. Думать начал потом... Понимаете ли, он держался очень уж уверено, так, словно заранее знал, как отнесется к этому Фионелла. А она, едва услышав, прямо-таки засияла от радости и тут же сказала, что никто другой ей не нужен.

— Вот тут уж я решительно ничего не понимаю, — сказал Сварог.

— Как вам сказать, ваше величество... У них на лицах было написано, что они любят друг друга... но ведь такие чувства не возникают внезапно. Это только в рыцарских романах и балладах блестящий рыцарь проезжает по улице, видит в окне девушку, и... как там это... «стрела любви вмиг поразила оба юных сердца, и они поняли, что не могут жить друг без друга...» Вот, примерно так. В жизни так не бывает. Чтобы возникли о т н о ш е н и я, им должно что-то предшествовать, и порой достаточно долго. Какой-то флирт, роман, свидания, быть может даже... — он покрутился вовсе уж горестно: — А я, получается, все это

п р о с м о т р е л... И ведь все свободное время старался уделять их воспитанию, насколько удавалось... Выходит, просмотрел. Фионелла — не мечтательный подросток с забитой рыцарскими романами головой, да и граф — не сопливый юнец. Что-то должно было предшествовать...

Вот оно в чем дело, подумал Сварог, стараясь сохранять крайне серьезное выражение лица. Действительно, нешуточный удар по самолюбию: всемогущий и вездесущий начальник тайной полиции, опутавший своими шупальцами весь Талар, не видел того, что творилось у него под самым носом, и полагал, что воспитывает дочек п р а в и л ь н о. Затоскуешь тут... И ведь высчитал все верно...

Интагар угрюмо продолжал:

— Вот сижу теперь и маюсь раздумьями, а если и у Вилеретты что-то такое... Не зря говорят, что темнее всего под пламенем свечи...

Так-так-так, подумал Сварог, увидев мелькнувшую на лице Интагара сугубо профессиональную гримасу. С огромной долей вероятности можно предположить, что красавица Вилеретта уже обложена опытными сыскарями так, как не всякий особо опасный иностраный шпион. Нужно будет связаться с Каниллой, чтобы предупредила. Ни Вилеретта, ни ее лейтенант не учены выявлению квалифицированной слежки, а лейтенант ее, судя по отзывам — парень неплохой, жалко будет, если с ним что-нибудь случится. Нрав у Интагара крутой, а уж когда речь идет о дочках, и вовсе свирепеет...

— Ну, в конце концов, ничего страшного не произошло, — сказал Сварог. — Ничего мрачного я пока что не вижу.

— Кроме того, что я оказался слепым дураком... — сказал Интагар. — Под самым носом...

Сварог встал, обошел стол — Интагар торопливо поднялся — похлопал верного министра по плечу:

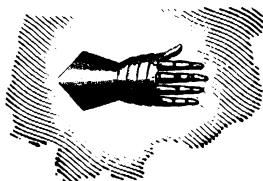

— Бросите вы печалиться. Что уж теперь... Главное, все идет отлично. Сыграете свадьбу, меня пригласите... Хотите в посаженные отцы принца Элвара?

— А это возможно? — уныние на лице Интагара моментально сменилось нешуточной радостью.

— Почему бы и нет? — сказал Свярот. — Принц знает и любит это ремесло, а отношения у меня с ним хорошие. Вряд ли он мне откажет. Смотрите веселей, Интагар. Когда посаженным отцом на свадьбе вашей дочери будет принц короны, а почетным гостем — король, вся эта придворная шушера, которая даже сейчас косится на ваш золотой пояс, подохнет от тоскливой зависти... Ну-ка, смотрите веселей!

Интагар добросовестно пытался.

Глава II

ДЕВУШКА ИЗ БАЛЛАДЫ И ПРОЧИЕ

Когда Томи вошла и села, Сварог не заметил в ее глазах ни напряженности, ни тревоги. Что отнюдь не облегчало ему задачу: какое-то время он откровенно мялся, не зная, с чего начать. Трудное это дело — быть не только командинром, но и воспитателем юной оравы. В особенности, когда речь идет о вещах крайне деликатных. А родительского опыта у него, естественно, быть не могло: ребенок имелся один-единственный, да и тому пока совершенно не за что читать мораль...

— Так-так, — сказала Томи. — Я так понимаю, предстоит воспитательная лекция о моем моральном облике?

— Догадалась? — хмыкнул Сварог.

— Вычислила, — сказала Томи. — Судя по вымпелу, вы сегодня отдыхаете, о служебных делах докладывать мне нечего. Да и Интагар только что прошел мимо, бросив весьма выразительный взгляд. И наконец, все эти полтора месяца за нами таскаются его тихари. Рано или поздно встал бы вопрос...

— Умница ты у меня, — хмуро сказал Сварог. — Облегчила задачу.

Ну конечно, уж она-то в два счета засекла слежку, пусть и весьма искусную — их всех, едва зародился девятый стол, хорошо учили, в том числе и оперативным премудростям...

— Ругать будете? — не без любопытства поинтересовалась Томи. — По вашему лицу не похоже.

— Да за что тебя ругать... — мрачно сказал Сварог. — Ты девушка взрослая. Так, поговорить...

— Ну да, — безмятежно сказала она. — Я его любовница. Все эти полтора месяца. У вас на языке, наверное, вертятся разные слова?

— Ты знаешь, нет, — сказал Сварог — Просто не ожидал как-то... Ты и он...

— Вы это таким тоном произнесли, будто он — какое-то чудовище. А он, между прочим, человек очень интересный, во всех смыслах.

— Вот то-то, что — во всех смыслах... — проворчал Сварог.

Томи прищурилась с видом вполне уверенной в себе зрелой женщины:

— Уж если тихари нас обложили так плотно, должны были донести, что д р у г о й за это время у него не было.

— Верю, — сказал Сварог. — Всякие чудеса на свете случаются. Как выразился бы отец Грук — Господь попускает... Уж не любовь ли на манер принца Люциара и его прекрасной пастушки?

— Вряд ли, — серьезно сказала Томи. — Нам просто хорошо вдвоем, вот и все.

— Бывает... — сказал Сварог. — А как насчет д р у г и х его развлечений на стороне? Уж ты-то о них не можешь не знать.

— Знаю, — сказала Томи. — Ну и что? Другие р а з - в л е к а ю т с я далеко не так безобидно. По крайней мере, он не у бедных вдовушек отбирает на большой дороге последний грошик. Можете не верить, но он всегда о б л е г ч а е т только тех, у кого за душой немало грязи.

— Да? — иронически усмехнулся Сварог.

— Представьте себе. Взять последний раз, того судовладельца... Знаете, что он выкинул месяц назад? Починил и подкрасил два своих самых старых корыта, за взятки застраховал их как совершенно новые, опять-таки за взятки загрузил песком вместо груза дорогих вин. Закрасил старые трюмные марки, новые велел нарисовать так высоко, как только возможно — и отправил на Катайр Крофинд маршрутом, которого обычно опытные моряки избегают, очень уж часто там штормит. Ну, они и затонули при не столь уж сильном волнении. Три моряка погибли, между прочим. А страховую премию он получил немалую, конечно, не сто тысяч золотом, но все же... А историю с гарнитуром из черных алмазов знаете?

— Наслышен...

— Так вот, их хозяйка, милая благонравная старушка, драгоценности эти отсудила у законных наследников, своих юных племянниц, исключительно оттого, что сунула немаленькие денежки коронному судье. И тот навиртуозил с законами. Все остальные не лучше.

— Ну да, — с нескрываемым сарказмом сказал Сварог. — И твой Лемар, конечно же, восстановил справедливость, вернув драгоценности законным наследницам? Ага, потупилась? Значит, не вернул. Что-то не похож он, прости, на благородного разбойника Агилона из знаменитого романа...

— Я его не оправдываю и не защищаю, — чуть покраснела Томи. — Просто принимаю таким, какой он есть. А все эти люди и в самом деле имели на душе немало грязи. Конечно, это не значит, что с ними можно так поступать, и тем не менее... Вы не подумайте, командир, я не попала под его влияние. Просто принимаю его таким, какой он есть. Будете читать нотации?

— Не моя стихия, — сердито фыркнул Сварог. — Собственно, как тебе сказать... Я просто опасаюсь...

— Я, кажется, поняла, — подхватила Томи. — Опасаетесь, что он меня злодейски бросит, и я умру от разбитого сердца, в хорошем стиле тех же романов? Успокойтесь.

Я прекрасно понимаю, что это не навсегда. И умирать от разбитого сердца или бросаться в Ител не собираюсь. Мы давно уже об этом поговорили. Если настанет такой момент... разойдемся без слез и взаимных попреков. Но пока что момента такого не предвидится. Мы друг другу нужны. Честное слово, не стоит за меня беспокоиться.

Сварог испытал нешуточное облегчение: все разрешилось быстро, просто и легко.

— Извини, Томи, — сказал он тихо. — Но я и в самом деле беспокоился. Беспокоюсь за вас за всех, что поделать...

— Спасибо, командир, — сказала она с легкой улыбкой. — Я вас еще и за это уважаю...

Оставшись в одиночестве, Сварог тяжко вздохнул. Вот уж поистине, жизнь наша многогранна и сложна. Томи ни за что не стала бы ему врать, не тот человек. Воровать, конечно, нехорошо и у вора — но никакого лакомого подряда судовладельцу теперь не дождаться, наоборот, следует натравить на него сыскарей из Морской полиции... И, коли уж так с Лемаром обстоит... Не подкинуть ли Интагару идею использовать его в качестве своеобразного индикатора преступлений и темных делишек? Тщательно проверять очередную жертву аферы — не сыщется ли за ней нечто противозаконное?

Увидев загоревшуюся лампочку, он нажал шпенек. Моментально вошедший статс-секретарь по обыкновению бесстрастно сообщил:

— Графиня Дегро только что прибыла в Яшмовый дворец.

— Пусть войдет, как только приедет, — кивнул Сварог.

Посмотрел на часы — ждать осталось минут пятнадцать. Канилла, как и многие, добиралась во дворец, так сказать, обходным путем. Не представляло никакого труда сажать невидимые виманы на плоскую крышу одной из башенок над личными покоями Сварога — но пользовались этим лишь в экстренных случаях. Королев-

ский дворец — это скопище любопытных глаз. Рано или поздно, но непременно пойдут разговоры, что многие молодые придворные из числа новых появляются из ниоткуда и исчезают в никуда. Поступили проще. Виманы садились в обширном парке Яшмового дворца, где персонал состоял сплошь из своих, прибывшие как ни в чем не бывало садились на коня или в экипаж и ехали к Сварогу — все обыденно, никаких странностей, никаких поводов для пересудов...

Канилла, в зеленом мужском костюме для верховой езды, с хлыстиком в руке, вошла, улыбаясь во весь рот. Настроение у нее, сразу видно, превосходное, а значит, есть какие-то новые успехи: не столь срочные, чтобы выходить на связь, а сюрпризы она любила. Уселась, закинув ногу на ногу, привычно извлекла свой плоский золотой портсигар с эмблемой девятого стола на крышке, но открывать не стала, уставилась на Сварога лукаво и загадочно.

— Ну, не тяни кота за хвост, — сказал Сварог. — Все равно не поверю, что случилось нечто эпохальное — иначе ты давно обрывала бы спецсвязь...

— Ничего, когда-нибудь доживем и до эпохально-го, — заверила Канилла. — Но результаты все равно стоящие. Два немаловажных обстоятельства о Радианте, то бишь об этой лупящей по Талару синей пакости, «тройке». Первое. Достоверно установлено, что излучение привязано к какому-то стационарному источнику на Нериаде. Он перемещается в полном соответствии с вращением той либо другой планеты... — она грустно покривила губы. — Вот только не удалось пока установить точку, мы только начали работать, но рано или поздно доберемся... Усовершенствуем и отладим аппаратуру, а там посмотрим, кто кого...

— А второе?

— Командир, какие у вас отношения с математикой?

— Довольно прохладные, — сказал Сварог с усмешкой. — Подсчитать что-нибудь смогу, но к математике

как к науке никогда малейшей любви не питал, давно вылетела из головы...

— Ничего, я объясню доступно, ничего сложного... Знаете, так с иными открытиями и бывает: достаточно его сделать, а потом подробности и детали хлынут, как зерно из распоротого мешка, успевай только фиксировать... «Третий ручеек», как и остальные, не является собой неизменное. Он подвержен модуляциям. Модуляция — это...

— Кани, — прервал Сварог, — Возможно, тебя это удивит, но я прекрасно знаю, что такое модуляция.

— Пр o ш л y й o pыт?

— Ну, да, — сказал Сварог. — Я как-никак был не интендантским офицером и даже не простым пехотным. Приходилось иметь дело с радиоэлектронной аппаратурой, так что прекрасно знаю, что такое модуляция.

— Тем лучше, — кивнула Канилла. — Меньше понадобится объяснений. Всего мы обнаружили семь видов модуляции, которые могут следовать в разнообразных комбинациях, как это присуще другим излучениям искусственной природы. Этакий алфавит из семи букв. Количество комбинаций легко определить путем несложных расчетов — пять тысяч сорок.

— Интересно, — сказал Сварог. — Алфавит... Насколько я разбираюсь в научных делах, такие открытия обычно получают имя первооткрывателя, как это было с «точками Кондери» и многим другим...

Очаровательная и лукавая мордашка Каниллы была исполнена законной гордости, на которую она безусловно имела право.

— В общем так и обстоит, — сказала она с наигранной скромностью.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Весьма, учитывая твоё юные годы и полное отсутствие должного образования. «Алфавит Дегро»...

— Точнее, «Алфавит Дегро-Дальрета», — сказала Канилла, на сей раз нисколечко не играя. — Так будет спра-

ведливо. Одна я либо не справилась бы, либо возилась гораздо дольше.

— Все равно здорово, — сказал Сварог. Особенno если вспомнить иных обрюзгших моржей, которым такие новости будут словно горячие угольки за шиворот... Интересно, а найдутся какие-нибудь «эффекты Уртalo»? Или нечто подобное?

— Конечно, — сказала Канилла. — Все же нельзя стать академиком благодаря связям или протекции. Есть с полдюжины, — она прищурилась. — Вот только едва ли не все они относятся ко временам, когда он был молодым, дерзким и отчаянным, часто вплотную к той границе, за которой располагаются научные ереси, не одному сломавшие карьеру, вот Дальрета хотя бы взять... Вот только потом Уртalo, в отличие от Дальрета, стал ужасно благонамеренным и держался от этих границ подальше... Каждому свое. Командир... Неужели у вас нет соображений по поводу нашего «алфавита»?

— Подожди, подожди... — сказал Сварог. — Как-то не задумывался... Пятьсот сорок комбинаций... Черт! Да ведь это позволяет вести шифрованные переговоры...

Канилла энергично кивнула:

— И посыпать какие-то сигналы, и отдавать какие-то команды. Брашеро, теперь никаких сомнений, использовал «пятый ручеек» для бесед с сообщниками в Магистериуме. Кстати, в «пятом ручейке» комбинаций даже побольше, там больше букв, так что получается более миллиона вариантов. Хотя с практической точки зрения достаточно, чтобы число комбинаций соответствовало числу букв нашего алфавита. Открытие, в общем, нам для конкретных дел и не нужно. Разве что позволяет более вдумчиво наблюдать за Радиантом. Но в собственной работе оно нам ни к чему. Нам вполне хватит и той шифросвязи, что уже есть, мы, в отличие от Брашеро, никаких заговоров не плетем... Ну, вообще-то бесполезных открытий не бывает, может, когда-нибудь на что-нибудь и пригодится...

— Ничего, — сказал Сварог. — Первое открытие гораздо важнее. Значит, там есть какой-то стационарный излучатель, остается его найти и посмотреть, кто с нами балует... Это все вы с Дальретом?

— Ну, конечно.

— Молодцы, — сказал Сварог, перехватил ее взгляд и усмехнулся. — Ты куда это уставилась? А если у короля на столе сверхсекретные бумаги?

На столе у него все еще были разбросаны папки об Ассамблеях из Интагарова футляра — в том числе и листок с несколькими строчками об Ассамблее Боярышника.

— Ну что вы, командир, — сказала Канилла. — В секретные бумаги я бы глаз запускать не посмела, а тут во-о-от такими буквами значится, что ничего секретного нет. Ассамблеи, и только. О них и так все все знают.

— И о «Молодой лани» тоже? — усмехнулся Сварог.

Канилла поморщилась:

— Мерзость какая. Они там все больные, по-моему...

— Что делать, — сказал Сварог. — Некоторые разновидности больных, увы, приходится держать на свободе...

— Интересно, а что о моем «Боярышнике» докладывают? — с любопытством спросила Канилла. — Что вы так смотрите? Ваша школа, командир, Интагар, конечно, ко мне не стал бы лезть, но я-то догадываюсь, что вся прислуга во дворце герцогини — ваша. Не могут не... осведомлять. Из чистой рутины, дело житейское...

— Ну, у тебя-то самая лучшая репутация, — сказал Сварог, ухмыляясь. — Правда, иных орлов старшего поколения, помнящих времена, когда приличное платье было обязано прикрывать колени, чуть шокирует ваша привычка устраивать танцы в платьях, как они выражаются, самым варварским образом обрезанных...

— В чем, в чем? — Канилла недоумевающе уставилась на него, потом что-то сообразила, рассмеялась звонко, весело, искренне. — Ох уж эти мужчины... А, впрочем, откуда им знать... Нет у меня в Ассамблее никаких «варварски обрезанных» платьев. Мы туда приходим потан-

цевать в платьях с Той Стороны, а они по сравнению с нашими, сами знаете, коротковаты. Помните, я самым беззастенчивым образом обокрала на Той Стороне ведущие дома моды? Ну вот, у меня в маноре уже есть мастерская. Девушкам фасоны нравятся, так что не удивляйтесь, если эти моды будут распространяться и наверху... Кстати, Яна тоже хочет поехать ко мне потанцевать, но не решается у вас спросить.

— Вот не думал, что я домашний тиран... — сказал Сварог. — С чего бы я ей запрещал потанцевать в коротеньком платье? Да сколько угодно. Не боится же она меня, грозного мужа?

— Нет, конечно, — сказала Канилла. — Просто Янка — девушка ответственная и серьезно относится к своему положению мужней жены... вы меня только не выдавайте, ладно? Она особо не рассердится, но все равно...

— Могила, — сказал Сварог. — Так что ты ей так и скажи: я прослышил краем уха и ничего против не имею. Может быть, и сам как-нибудь загляну. Пустишь?

— О чем разговор, командир!

— Вот, кстати, — сказал Сварог уже серьезно. — Обе дочери Интагара у тебя в Ассамблее ведь тоже состоят?

— Ага. В превеликой тайне. Если грозный папаша узнает, в каких платьях они щеголяют...

— Вот именно, грозный папаша со своими специфическими взглядами на мораль... — сказал Сварог. — Когда ты сможешь увидеть Вилеретту?

— Да хотя бы сегодня днем. Я к ней иногда заезжаю в гости, — Канилла тоже посерезнела. — А что случилось?

— Ничего пока, — сказал Сварог. — Но последствия возможны самые непредсказуемые. Слушай внимательно...

...Заложив руки за спину, Сварог чуточку нетерпеливо прохаживался по кабинету. Он уже давно продумал, как построит разговор, но еще с четверть часа предстояло ожидать молодую женщину, чья судьба могла послу-

жить темой для баллады или сюжетом для рыцарского романа. И в том, и в другом случае конец оказался счастливым, что как нельзя лучше укладывалось в каноны поэзии и изящной словесности.

В чем-то история герцогини Латери, до замужества баронессы Таргайл, напоминала неизвестную здесь историю прекрасной Анжелики — вот только здесь романтики не было ни капли, а вот грязи имелось выше головы...

Герцог Латери, родовитейший вдовец, считался хозяином одной из провинций, расположенных лигах в ста от Латераны, — ничего удивительного, если учесть, что его владения занимали добрую треть провинции. Классический магнат старого времени: все крестьяне состоят на положении крепостных, расположенные на его землях гербовые города стараются особой строптивости не проявлять (есть разные способы у господ магнатов изрядно навредить даже гербовому городу, не нарушая законов), губернатор почтает за честь приглашение на обед, пышные охоты, роскошные балы для знати не только этой, но и двух прилегающих провинций, и все такое прочее, вплоть до приглашений на имперские балы и приемы. Одним словом, жизнь удалась.

Барон Таргайл, отец будущей герцогини, был полной противоположностью соседу: чуть ли не клочок земли с четырьмя деревушками, бедные пашни, каменистые пастища да водяная мельница, обеспечивавшая барону больше половины годового дохода. Словом, еще один классический персонаж, только с обратным знаком: замок ветшает, наполовину уже не пригоден для жилья, ачинить не на что, из крестьян, как ясно умному человеку, много не выжмешь, хоть ты их каленым железом жги, они и сами едва сводят концы с концами, сыновей, которых можно было бы и пристроить на выгодную службу, нет, богатые дальние родственники давно уже предпочитают с обнищавшим неудачником не водиться, приданого для единствен-

ной дочери практически нет, накопления на черный день у зажиточных крестьян в иных местах побольше... В общем, полный абзац.

А дочка, которой едва исполнилось двадцать, — писаная красавица. Вот только и на выгодное замужество рассчитывать нечего — красота красотой, а более богатые соседи воротят нос и прозвали красавицу Вердиану «пастушкой».

И вдруг все меняется, как в сказке или том самом рыцарской романе. Блестящая охотничья кавалькада герцога однажды проезжает через «владения» барона и останавливается у его замка перековать потерявшего подкову коня главного ловчего. Герцог замечает стоящую на балконе красавицу Вердиану, вышедшую полюбоваться столь непривычным для нее зрелищем.

Поначалу ничего не происходит. Герцог благодарит барона и скачет дальше. Вот только у барона вскоре после этого по какой-то злой прихоти судьбы начинаются невзгоды. Он вдруг лишается главного источника своего благосостояния, той самой водяной мельницы, споревшей дочиста, — ну, правда, была гроза... Восстановливать не на что. Еще через пару недель вдруг всплывают ветхие, всеми позабытые документы, по которым выходит, что половиной своих земель, тремя деревнями из четырех, барон долгие годы владел совершенно не по праву, а по праву они принадлежат одному из соседей — просто так уж вышло, что документы завалялись в каком-то пыльном углу, что и с более важными бумагами не раз случалось. Коронный судья провинциария подлинность документов подтверждает и передает спорное имущество законному владельцу. Барон в трансе. Впору вешаться (точнее, травиться или стреляться, потому что для дворянина вешаться позорно) — но на кого оставить дочку?

Тут все снова все волшебным образом меняется. К барону заявляются трое расфуфыренных, как павлины, дворян герцога, все с золотисто-синими бантиками сва-

тов на плече, выкладывают на стол кельсий* (при виде которого у барона язык отнимается и наступает общее оцепенение организма) и по всем правилам объявляют, что герцог просит руки прекрасной Вердианы, которую полюбил с первого взгляда и очень просит не затягивать с ответом.

Затяжки не происходит. Уведя дочку в другую комнату, барон падает перед ней на колени и слезно молит согласиться, иначе, чего доброго, придется и по миру пойти. Герцог уже в годах, прямых наследников у него нет. В общем, суровая наша жизнь на грешной земле — штука жесткая...

Красавица Вердиана, конечно, и почтывает баллады с романами, и, как практически все в ее возрасте, втихомолку мечтает о юном красавце на белом коне — но, во-первых, сердце ее никем не занято, а во-вторых, жизетской практичности у нее достаточно — ясно, что отца надо спасать, не она первая, не она последняя, такова жизнь...

Согласие дается моментально. Ну, свадьба, конечно, роскошная с парой сотен приглашенных окрестных дворян, жареными быками и бочками вина для крестьян, фейерверками и прочными понтами.

Никак нельзя сказать, что новобрачная была несчастной, в чем сама честно признавалась Сварогу. Герцогу за пятьдесят, но мужчина он видный, невинности лишает бережно, и в дальнейшем ночью не разочаровывает. С ходу осыпает драгоценностями, возит на все балы и охоты, так что новоявленная герцогиня первые пару месяцев замужества ходит чуточку хмельная и без вина — чересчур уж велик контраст между жизнью прежней и нынешней, у любой голова закружится...

А вот потом началось что-то не то. Герцог предложил юной супруге новое развлечение, и она, как примерная жена, согласилась, не расспрашивая о подробностях.

---

* Кельсий — подарок, преподносимый невесте при сватовстве. Давно уже стал архаикой, но кое-где еще соблюдается этот обычай.

Развлечение оказалось, мягко говоря, нестандартным. В огромном парке герцогского дворца имелся отгороженный высокой стеной уголок, именовавшийся Медвежьей Чащобой. Ключ от ворот имелся только у герцога. Забава была незатейливая: герцогиня бродила по лесу в одной легкой ночной рубашонке, а герцог ее старательно выслеживал — одетый в искусно изготовленную медвежью шкуру с медвежьей же головой. Выследив, торжествующе ревел и исполнял супружеский долг, не снимая шкуры.

Занятно, но первое время герцогиня подчинялась, не прекословя. Дело в том, что определенного опыта у нее не было совершенно, не имелось опытных подруг, способных бы просветить касаемо нормы и извращений, и она попросту была в растерянности: а может, в семейной жизни так и полагается? И законный супруг вправе выдумывать всякие забавы?

Чуть погодя стало ясно, что происходит все же что-то неладное, — когда к ней вечером бесцеремонно ввалились в спальню трое пажей герцога. Мальчики крепкие без труда сломили слабое сопротивление и принялись вытворять, что душе угодно (в подробности она не вдавалась, только густо краснела и отворачивалась, да Сварог до подробностей, понятно, и не доискивался, хватало общей картины). Вскоре явился и герцог — и тут уж началось такое, с участием всех пятерых одновременно...

Тут уж любая неопытная поняла бы, что началось что-то крайне неправильное. Тем более что на следующую ночь к ней заявились три юных пажессы (тут уж она и вовсе отворачивалась, закрывая лицо руками, и Сварог с превеликим трудом уговорил ее продолжать).

Пажессы, уходя, пообещали ей в ближайшем будущем новые интересные сюрпризы. Тут только герцогиня поняла, во что влипла. Вдобавок старый слуга, прихваченный из отцовского дома, человек преданный, сметливый и неглупый, поделился результатами втихую проведенных изысканий: по его уверениям герцогский дворец

мог дать сто очков вперед любому столичному борделю, и звездой борделя должна была служить...

Особой твердостью характера Вердиана не отличалась, но и оранжерейным цветочком ее не назовешь: деревенская жизнь в довольно суровых условиях характер лишь укрепляет. Она и слуга, стараясь не привлекать взимания окружающих, принялись шушукаться, перебирая варианты и прикидывая, как из этой грязи выбраться.

Вариантов, увы, имелось немного. Вернись она к отцу, герцог моментально возвратил бы беглую женушку с помощью своих егерей — в чем с точки зрения закона был бы совершенно прав. И развод, и таныаж, раздельное проживание супругов, в королевстве существовали. Но легко их можно было получить только в том случае, если ничего не имели против обе стороны. А вот если одна из сторон ни того, ни другого категорически не желала, дело усложнялось. Решать его пришлось бы коронным судом — в котором у Вердианы не было ни малейшего шанса, учитывая влияние и богатство мужа. По той же причине бессмысленно было подавать на него в суд — хотя иные забавы, как просветил знавший жизнь слуга, прямо подпадали под кое-какие параграфы Карного кодекса.

Она уже впала в уныние, но слуга, знаток жизни (доводилось и в больших городах жить, и на военной службе побывать, и даже в матросах походить), предложил единственный выход: тайно бежать ночью из замка в Латерану, броситься к ногам короля Сварога, рассказать ему все и попросить ярдат*. Ходят слухи, что король Сварог — человек справедливый (ну, насколько бывают справедливыми короли). К тому же герцог при дворе не принят, на Латерану его влияние не распространяется, и вообще он по неким неведомым причинам вот уже двадцать два года безвыездно пребывает в этих местах.

---

* Ярдат — обычай, по которому человек любого сословия при свидетелях заявляет, что отдается под покровительство короля, чтобы получить помощь или защиту в том или ином деле. До сих пор применяется не так уж редко.

Это был единственный шанс, и следовало им воспользоваться, несмотря на весь риск. Хорошо, что кроме общей супружеской спальни имелись и отдельные. В свою Вердиана и ушла, едва только прозвучал призыв «Гасите огни!»*,sovraя мужу насчет классических женских недомоганий. Собрала в узелок драгоценности, выждала часа полтора, пока замок окончательно не отошел ко сну, потом пришел слуга. Тут по ходу дела возникла еще одна проблема: одежда. Никак не годилось скакать сотню с лишним лиг в обычном женском платье — а ее охотничий мужской костюм висел в гардеробе, к которому пришлось бы идти через спальню герцога. Однако проблема была не столь уж тяжелая: слуга попросту принес свой костюм и сапоги. Вердиане и то, и другое оказалось, конечно же, велико, но тут уж не до разборчивости.

В конюшню они попали без всяких хлопот: тех, кто знал о забавах герцога и роли в них молодой супруги, не насчитать и десятка, а прочая многочисленная прислуга, как ей и следовало, относилась к хозяйке замка с нешуточным почтением. Ну, а удивляться каким бы то ни было причудам господ (вроде ночного визита в конюшню хозяйки в мужской одежде не по росту) челяди не полагалось испокон веку. Так что они быстро добрались до ворот, герцогиня приказала их отпереть, что и было исполнено.

А вот тут уже начались сложности. Выскочил какой-то субъект и принял довольно бесцеремонно допытываться, куда это они собирались на ночь глядя, да еще в таком виде. И одет был побогаче сторожей, при мече и двух пистолетах. Видимо, особо доверенный привратник герцога — о ком-то таком, особой ночной страже, герцогиня слышала краем уха. Следом появились еще трое.

---

* В старые времена, когда пользовались только открытым огнем, до появления современных безопасных ламп, это был прямой приказ городских и сельских стражников гасить в доме все огни, во избежание пожара. Сейчас — чисто церемониальный обычай, означающий наступление ночи. (Впрочем, в глухих местах, где до сих пор в ходу только открытый огонь, этот призыв остается прямым приказом.)

Получилась схватка. Слуга отмахивался охотничьим ножом, как мог, но, заработав удар в бок мечом, упал с коня, успев крикнуть хозяйке, чтобы спасалась. Она галопом вылетела в ворота, голову не потеряла и, проскакав лиг пять, свернула в лес, где и затаилась на опушке. И поступила правильно: вскоре по дороге галопом промчались человек пятнадцать егерей — несомненная погоня.

В каком бы расстройстве чувств Вердиана ни была, взяла себя в руки и два часа так и пробыла на опушке. Видела, как егеря возвращались — уже шагом, ругаясь так, что слышно было на лигу вокруг — особенно честили одного из своих за то, что тот в попыках не взял собак, иначе беглянку непременно изловили бы. Несмотря на всю серьезность ситуации, в ней обнаружился и комический момент: трое из егерей в замок возвращаться не стали, ускакали прочь, заявив товарищам, что лучше уж податься в Волчьи Головы, чем полагаться на милость разъяренного герцога.

Засаду на дороге они безусловно не оставили — сколько их ускакало, столько и вернулось, Вердиана сосчитала. И решилась пуститься в неизвестность — нелегкиеочные странствия. Сама она никогда прежде в Латерану не ездила, дорогу знала лишь по описаниям слуги — а потому путь, который хороший сытый конь способен, не особенно и измотавшись, преодолеть где галопом, где крупной рысью часа за четыре, отнял у нее все десять. Она два раза путала мерные столбы, сбивалась с дороги, с превеликим трудом на нее возвращалась, вновь сбивалась, два раза в каких-то деревушках будила крестьян, бесцеремонно колотя рукоятью плетки в окошки, расспрашивала о дороге...

Одним словом, до Латераны она добралась, когда уже давно рассвело, на совершенно заморенном коне, едва передвигавшем ноги, голодная и усталая. И, конечно же, обращавшая на себя внимание прохожих. Хорошо еще, полиция не привязалась, пока она, расспросив дорогу, добиралась до королевского дворца (задержавшись не-

много на постоялом дворе, где за золотую сережку без камешков раздобыла коню воды и овса и дала ему немногого отдохнуть).

Потом снова едва не начались серьезные неприятности. На ее несчастье дворцовая стража и тайная полиция, вульгарно выражаясь, стояли на ушах. За день до того на Сварога бросился у главного входа какой-то псих с кинжалом. Его, конечно, быстренько скрутили ратагайцы (потом совершенно точно выяснилось, что это и в самом деле псих-одиночка, действовавший, в общем, без всяких мотивов). Псих психом, но как-то же он ухитрился добраться до главного входа во дворец? Так что все, отвечавшие за безопасность, были на нервах и бросались на всех мало-мальски подозрительных, считая, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

А уж Вердиана выглядела подозрительнее некуда: простоволосая, растрепанная девица (шляпу она где-то потеряла, а гребень не взяла), от ушей до пяток покрытая дорожной пылью, в мужском костюме не по росту и таких же сапогах, с перстнем с герцогской короной на пальце. Держит в поводу заморенного коня и твердит, что хочет видеть короля по важному и неотложному делу — причем не знает никаких паролей для тайных агентов (которые порой появляются и в более диковинном виде).

Ничего особо жуткого с ней наверняка не случилось бы — но под замком могла насидеться и подвергнуться нешуточным допросам (при том, что свое настоящее имя называть никак не следовало — могли принять за малость повредившуюся умом и вернуть законному мужу, что было бы самой худшей из неприятностей).

Офицер дворцовой стражи подал условный сигнал, и вокруг герцогини стали смыкаться хмурые здоровяки из тайной полиции.

На ее счастье, ворота как раз въезжала верхом Канилла Дегро — и заинтересовалась весьма нетипичной сценой. Отвела в сторонку, немного поговорила (все сотрудники девятого стола давно получили то самое уме-

ние мгновенно определять, где правда, а где ложь), после чего объявила, что берет девушку под свое попечение — и повела во дворец. Тихари говорчivo расступились — они прекрасно знали Каниллу как обладательницу особо тя же л о й бляхи тайной полиции — с широкой золотой каймой, означавшей, что обладатель пребывает в немалом чине.

В общем, к Сварогу Вердиана попала уже через четверть часа — благо дел у него не было ровным счетом никаких, и он с превеликим удовольствием объявил себе выходной.

Ну, то, что странная гостья не врет, он, конечно, определил сразу — и усмотрел в ее рассказе кое-какие крайне интересные моменты, как раз и позволявшие отвлечься от текущих дел. Самый интересный вопрос: почему один из родовитейших вельмож королевства на двадцать два года удалился в добровольное изгнание в свои поместья. Был в свое время похожий пример, когда некий столь же родовитейший граф аж тридцать лет прожил отшельником в своем самом маленьком поместье вовсе уж у черта на куличках. Но там мотивы были другие: граф, как рассказывал отец Грук, малость перебрал с религиозным фанатизмом, в монастырь по каким-то своим причинам не ушел, но затворился от мира, все эти годы старательно умерщвляя плоть, постясь и молясь до обмороков (церковь вообще-то таких пределов не одобряет, см. трактат Катберта-Молота «О рвении в вере и пределах такового»). Однако герцог, судя по его поведению, верой не озабочивался нисколечко, наоборот...

Вердиану увела Канилла — выкупать, накормить и устроить на отдых. А Сварог, как легко догадаться, вызвал Интагара, ибо давно подмечено: кто у нас ближе всех к населению? Полиция, ясен день...

Интагар управился к вечеру. Никаких документов он не нашел — их и не было. Просто-напросто отыскал нескольких знатоков былых дворцовых сплетен, пребывавших уже в преклонных годах, но при ясной памяти.

История вскрылась интереснейшая. Тогда, двадцать четыре года назад, внезапно овдовевший герцог (Интагар сказал: самоубийство герцогини в некоторых отношениях выглядит крайне подозрительно) принялся развлекаться на всю катушку в своем великолепном латеранском дворце «Медвежья пещера». Да так, что Лемар по сравнению с ним выглядел светочем праведной жизни: предметом интереса герцога большей частью были вовсе уж малолетки обоего пола — либо привезенные из его поместий, либо дети из низших Гильдий, чьим родителям без всякого труда можно было заткнуть рот золотом либо угрозами.

Сладкая жизнь длилась два года. А поломал ее, кто бы мог подумать, простой мусорщик из Железной гильдии, чью семилетнюю дочку люди герцога схватили прямо на улице и увезли на неделю в «Медвежью пещеру». Так уж сложилось к несчастью для герцога, что брат мусорщика сделал фантастическую по меркам Железной гильдии карьеру: служил в Сноле, в королевском дворце камер-лакеем при покоях королевы и был у нее на хорошем счету. Мусорщик собрал последние гроши и поехал к брату. Брат назавтра же упал на колени перед королевой и по старинной формуле попросил «защиты и милости».

Будущая Старая Матушка, а в ту пору не достигшая еще тридцати лет красавица, вдовствующая (то есть правящая) королева Киралина пришла в ярость. Сама она никогда не страдала соблюдением супружеской верности (но в умеренных пределах, никак не позволявших применить к ней кое-какие неприглядные эпитеты), но вот подобных забав с малолетками на дух не переносила и забавников при любой возможности преследовала беспощадно. В Латерану помчались два ее доверенных человека из тайной полиции — и очень быстро с помощью местных коллег накопали на герцога массу интересного с точки зрения строгой юстиции. Плаха по нему рыдала горючими слезами.

Однако королева оказалась в затруднительном положении. Будь это кто-нибудь другой, калибром помельче... Очень уж родовит был герцог, его раскидистое генеалогическое древо там и сям переплеталось веточками едва ли не с половиной знатнейших (и, что печальнее, влиятельнейших) родов королевства — и даже с королевским домом (пусть в данном случае родство было очень уж далеким, но оно было). Ну, а обладающие реальной властью и богатством магнаты — это каста, не дававшая своих в обиду по разным пустякам. С точки зрения касты, безусловно подлежащие суду забавы герцога были именно что пустяками — речь, в конце концов, шла всего-навсего об отпрысках последних простолюдинов, а то и вовсе крепостных, ниже которых никто попросту и не стоит. Сварог, король с некоторым стажем, прекрасно знал, как это бывает: открытых мятежей, упаси Боже, не поднимает никто, однако тихий, незаметный внешне, но хорошо организованный отпор сплотившейся касты являет собой силу, перед которой пару раз отступали даже Дарил Золотой Топор, Саугер Суровый, а в более близкие времена — и Конгер Ужасный (самому Сварогу, к счастью, сталкиваться с таким пока не доводилось).

Да вдобавок дело осложнялось еще и тем, что Киралина после смерти супруга сидела на троне не вполнеочно. У т е р д и т с я еще не успела, так что прямое столкновение с к а с т о й ей было решительно ни к чему, при самом неблагоприятном исходе могла и проиграть. К тому же у нее были трения с Ратагайской Пуштой, что сил не прибавляло, наоборот.

Однако она (Сварог мысленно поапплодировал) все же отыскала выход, позволявший пусть не прекратить, но ограничить герцогские развлечения. В «Медвежью пещеру» к герцогу прибыл с визитом один из тех двух доверенных лиц и, не повышая голоса, наверняка еще и приятно улыбаясь, слово в слово передал герцогу устное послание королевы: «Не всегда можно покарать человека за то, что

он с д е л а л . Однако иногда очень легко лишить человека головы за то, чего он н е д е л а л ».

Герцог моментально понял, что к чему (как и Сварог, едва услышал об этом от Интагара). С подачи коронованной особы любая тайная полиция в два счета мастерски сошьет убедительное дело против самого родовитого, приписав государственную измену, заговор с целью цареубийства или шпионаж с особым размахом. Верная плаха. И вот в э т и х случаях каста и не пискнет, не говоря уж об организованном отпоре, все будут сидеть тихонечко, как мыши под метлой — неизвестно, как далеко простираются королевские замыслы, что там задумано и кто может оказаться следующим...

Далее визитер кратенько изложил пожелания королевы, не столь уж и сложные. Уже на следующий день герцог, торопливо собрав пожитки, отправился в свое поместье, где и засиделся на двадцать два года. Прежних привычек он не оставил (отучите свинью в грязи валяться), но вот получилось у него лишь бледное подобие прежнего размаха. Крепостные крестьяне, конечно, народ бесправный, но тут есть своя специфика. Отдельные выходки еще сойдут сеньору с рук, но если его забавы примут м а с с о в ы й характер, в два счета может грянуть бунт. Примеров предостаточно. Так что герцогу приходилось изворачиваться: искать сироток, беззастенчивых родителей или опекунов, способных за горсть золота продать не только малолетнее чадо, но и свою бессмертную душу, отправлять доверенных далеко за пределы провинции, чтобы заманивали глупеньких юных красоток, якобы в услужение на хорошее жалованье, и все такое прочее. Да вдобавок тайная полиция не оставляла его вниманием (вот тут есть документы, сказал Интагар), и порой кое-кому из таких посланцев приходилось сплясать с Конопляной Тетушкой...

Герцог воспрянул духом, когда двенадцать лет назад молодой принц вошел в совершеннолетие и мать передала ему власть (отнюдь не по своему желанию, была

там какая-то темная интрига, которую Сварог пока что не раскапывал — а может, вовсе не следовало тревожить дела давно минувших дней).

Однако сиятельный потаскуну пришлось остаться в деревенской глухи. Покойный король был личностью жалкой и никчемной, едва не развалившей страну, но одна-единственная положительная черта у него, пожалуй, все же имелась: во всем, что касается женщин, он был совершенно нормальным мужиком и педофилов ненавидел столь же люто, как и мать.

Ну, а когда королем стал Сварог, герцог и не пробовал высунуть нос за пределы своих владений — просыпал, какое положение нынче заняла Старая Матушка с ее цепкой памятью на старые обиды и прегрешения...

Вот таким образом нежданно-негаданно на руках у Сварога оказалась очаровательная обуза. Впрочем, обузой Вердиану никак нельзя было назвать, проблема решалась просто и быстро: пара часов размышлений с участием Интагара, полчасика на сочинение соответствующих указов... Это не обуза, а, скорее, развлечение. И, кроме того, Сварогу подворачивалась прекрасная возможность сделать доброе дело простирающееся, не преследуя ни малейших собственных интересов, как в случае с «лозоходцами» — а такое редко случалось...

Больше всего ему хотелось, не мудрствуя, отправить этого скота на плаху. И дело тут не только в том, что этот скот наворотил: крайне неприятно знать, что в какой-то сотне лиг от твоей столицы процветает такое. Сегодня объявился растлитель малолеток, а завтра, чего доброго, в паре конных переходов от Латераны гнездо «Черной Благодати» объявитя — их, уверяют отец Алкес, монахи из Братства и Грельфи, все же не удалось выжечь все до единого.

Что будет по этому поводу пищать *каста*, его не интересовало совершенно. Перетопчутся и перестрадают. Даже не придется привлекать кое-какие свои имперские возможности или зловещую репутацию хелльстадского

короля — когда у тебя за спиной, помимо прочего, железной когортой стоят Ратагайская Пушта и Глан, на любые мнения касты можно плевать с высокой башни...

Отговорил Интагар. Убедил, что устраивать судебный процесс по обвинению в педофилии и сопутствующих противозаконных действиях даже при наличии совершенно ручных коронных и королевских прокуроров и понятливых судей — дело все же долгое и тягомотное и при стопроцентной уверенности в успехе. Гораздо проще и рациональнее сшить, скажем, дело об участии герцога в лоранском заговоре с целью убийства Сварога. Так оно будет гораздо быстрее: ускоренные правила судопроизводства, другие юридические хитрости. В замок нетрудно заслать агентов, которые быстренько осмотрятся и подберут надежных свидетелей, а уж те в два счета покажут, что герцог каждый вечер перед отходом ко сну возглашал: «А Сварога я, точно, зарежу!» В тюрьмах сыщется парочка лоранских шпионов, которые ради сохранения своей драгоценной жизни приплетут герцога к чему угодно. Наконец, случалось уже с полдюжины реальных лоранских заговоров с целью убийства Сварога, так что раскрытию еще одного никто и не удивится — в конце концов, это даже скучно уже...

Следующий ход напрашивался сам собой — освободить Вердиану от этого скота самым законным образом. Что можно было сделать в два счета с помощью того самого понятливого судьи, каких немало — и герцог не выиграет с помощью всех адвокатов Талара, сколько их ни наберется. Можно даже устроить так, чтобы Вердиане досталась изрядная часть герцогского имущества — закон это позволяет, если будет доказана супружеская неверность герцога (а покажите-ка Сварогова прокурора, который ее не докажет. Да хоть с козой...).

Однако, чуть поразмыслив, Сварог выбрал другой способ. Сейчас, когда перед ними стоит загадка Нериады, на которую и следует бросить все силы, нельзя отвлекаться на пустяки, каковым случай с герцогом и является. Дело

о заговоре будут шить не спеша, как говорится, в свободное от основной работы время. Так что пару месяцев, не меньше, герцог еще на свободе погуляет. А значит, есть риск, что, пусть и ограниченный в возможностях, женится на очередной юной дворяночке, прельщенной блеском его богатств и не подозревающей, что скрывается за красивым фасадом. Все можно сделать гораздо быстрее и проще. Пара часов на составление нужного документа и приведение его в официальный вид — и готово...

Примерно столько на все и ушло. Интагар быстренько доставил во дворец самых, по его уверению, искусных крючкотворов латеранской юридической братии: прокурора, двух судей и дорогого адвоката. Поставленную перед ними задачу они ухватили влет, Сварог даже не успел договорить. И быстренько составили все нужные документы.

Отправился с ними к герцогу Советник Габель, один из самых доверенных людей Интагара (а таковых имелось не очень много), великий мастер вести проникновенные беседы с клятами, Сварог из любопытства заглянул как-то на допрос крупного горротского шпиона, вздумавшего поначалу играть в молчанку. Габель, обликом вылитый Дед Мороз, усевшись рядом с собеседником, задушевно, едва ли не со слезою в голосе, вещал:

— Голубчик мой, вы, может, и не поверите, но сам я таракана прихлопнуть не могу, рука не поднимается, всякий раз лакея звать приходится. А вот в пыточных у нас — зверь на звере. Служба у них такая — зверями быть, коли начальство кулаком по столу лупит и велит: «Доискаться! А то самих...» У вас ведь дома то же самое, правда? Вот видите, душа моя... Человек вы молодой, видный, девок, как мне доложили, со страшной силой валяете, и не каких-то там, а самых что ни на есть благородных. Жизни радоваться умеете. А эти звери подвальные перед тем, как ногти выдрать, и куда только можно раскаленных углей напихать, мужское ваше достояние вмиг откусят — там у них клещи есть специальные... И какая у вас жизнь будет после этого? А ведь

всего-то и дел — рассказать, кто такой Барсук и с каких пор он вам запродался. А еще лучше — вдобавок нам перепродасться. И денег прибавится, и жить станет спокойнее, если дело поставить грамотно, дома и не узнают ничего...

В таком примерно ключе. Минут через пять собеседник выдал Барсука (немаленького чина из Адмиралтейства, которого тщетно пытались до того вычислить больше года), а еще через пять — перевербовался...

Для почета Сварог отправил с советником двух гвардейских капитанов, командовавших у себя в полках «волчьими сотнями» и потому хитрым делам не чужды. А чтобы произвести должное впечатление, выделил им бомбардировщик. Должное впечатление было произведено, в том числе и на самого герцога — когда он покинул Латерану, самолеты были еще диковинной новинкой, которую лицезрели считанные люди. К тому же на подлете бомбер нечаянно уронил две бомбы на примыкавший к замку обширный луг (потом советник, сидя напротив герцога, сокрущенно разводил руками: техника — вещь несовершенная, слушаются досадные казусы).

Незванные гости выложили перед герцогом три документа. Первым шло прошение в Высокий Коронный Суд (по меркам покинутого Сварогом мира — Верховный), в котором герцог с герцогиней просили по обоюдному согласию разрешить им таньяж (подпись герцогини там имелась, герцога, понятно — нет). Второй документ — составленный по всем юридическим канонам помянутым судом «Акт о таньяже», сиречь разрешение. Две обычных печати разного цвета и одна серебряная подвесная, эмблемы и узорчатая каемка, подписи Главы Высокого Суда и двух чиновников пониже рангом, а также герцогини (для подписи герцога и тут имелось свободное место). И наконец, «Прилагаемые условия данного таньяжа» — выражаясь по-советски, раздел имущества.

Сварог не стал обдирать герцога, как липку, но пошипал изрядно. В полную собственность герцогини переходили огромный латеранский дворец «Медвежья пе-

щера» с его обширным парком, больше напоминавший небольшой лесок, одно из поместий (Сварог, посмотрев документы, цинично выбрал не самое большое, но самое доходное), а также изрядная сумма денег — на обустройство на новом месте.

Габель, как всегда мягко и задушевно, предложил герцогу, не откладывая, подписать все три документа. Герцог не протестовал б у р н о — но все же попытался что-то такое вякнуть. На что Габель со своей всегдашней обаятельной улыбкой напомнил о некоем устном послании, полученном некогда герцогом от королевы — и намекнул, что аналогичное может последовать и от короля Сварога, нрав которого должен быть прекрасно известен и здесь, в провинции. Герцог увял и побледнел. Закрепляя успех, Габель небрежно заметил: в любом случае подпись герцога на всех документах будет. И пусть потом герцог ищет правдочку там, где только пожелает. Если успеет начать поиски, конечно. Гвардейцы все это время помалкивали, но грозно крутили усы, смотрели волками и многозначительно хмыкали.

После чего Габель с той же душевной улыбкой извлек походную чернильницу и стилос. Все три документа герцог подписал моментально. Победа оказалась столь легкой и быстрой, что Сварог ощутил нечто вроде брезгливой жалости к растоптанному противнику. И подумал: а может, и не шить дела? Ограничиться тем, что блокировать любые попытки герцога найти очередных малолеток. Всех его «охотников», действующих в провинции и за ее пределами, переловить и демонстративно повесить, а герцогских крестьян перевести во фригольдеры. Они и в этом случае будут нести некоторые мелкие повинности, но вот их дети от притязаний герцога будут избавлены совершенно: согласно четко прописанным законам. Пусть уж уныло блудит с теми, кто у него остался в замке и вышел из малолетства.

Так он и поступил, подписав соответствующий указ, в темпе составленный той же четверкой. И вдобавок велел

Интагару распустить среди знати слух, что это стало карой герцогу за некое неповиновение, проявленное перед лицом его величества. Так что, господа мои, прецедент создан, имейте в виду... Согласно поступившим сведениям, знать поняла не столь уж тонкий намек и примолкла, как та мышь под метлой.

Поскольку Сварогу, что скрывать, была свойственна некоторая мстительность (не выходившая за разумные пределы), через пару недель он провел еще одно мероприятие: отправил герцогу именной указ, не просто разрешавший пребывание при дворе — прямо обязывавшей там бывать, поскольку ему пожалован чин камергера, а камергер, всем известно, обязан находиться при дворе почти безотлучно и жить в столице.

Сварог похвалил себя: все же идеально придумано. Ни капли крови, ни кандалов, ни ссылок. А вот моральных терзаний — хоть лопатой греби. Во-первых, в Латеране герцог будет под строжайшим присмотром, и уж в случае чего... Во-вторых, что важнее, он чуть ли не каждодневно будет лицезреть во дворце свою бывшую супругу, очаровательную и недоступную. «А сволочь я все же, если подумать, — фыркнул Сварог, подмахивая последние бумаги. — Но что поделать, со сволочами сволочью и быть...»

Чтобы быть последовательным до конца и предусмотреть все случайности, он распорядился вышвырнуть из «Медвежьей пещеры» всех без исключения герцогских слуг, от мажордома до последнего поваренка — и заменить их антланцами (с примесью некоторого числа агентов восьмого департамента). Были все основания предполагать, что герцог попытается предпринять нечто, позволившее бы ему одововеть вторично.

Вот так при дворе и появилась очаровательная Вердиана, герцогиня Латерии, довольно быстро освоившаяся среди золотой молодежи обоего пола. Тем более что ее взялась опекать Канилла Дегро. Появилась у нее в последнее время такая привычка, опекать девушек, попав-

ших в затруднительное положение, — герцогиню, Айвику, дочек Интагара, молодую графиню, которую супруг начал было колотить по пьяной лавочке в лучших традициях запойного советского сантехника. Марлок, которому Сварог как-то за нэльгом об этом рассказал, фыркнул в густые усы:

— Ничего странного, лорд Сварог. Коллизия, давно известная психологам: девушки таким образом стремятся выглядеть в собственных глазах взросле и серьезнее, чем сейчас. Счастливый возраст, когда хочется выглядеть не моложе, а старше...

...Она вошла в церемониальном поклоне и, повинуясь жесту Сварога, села в кресло напротив. Сварог внимательно присмотрелся. Поза у нее оказалась примечательная: Вердиана сидела, выпрямившись, не касаясь спиной мягкой спинки кресла, сложив руки на коленях, напряженная, как туго натянутая гитарная струна: чуть прикоснись — отзовется звоном. Во взгляде, кроме того выражения, что когда-то Сварога не на шутку заинтересовало, был теперь еще и откровенный испуг. Пожалуй, он угадал все правильно: после всего, что с ней в замке творили, она откровенно боится мужчин. Канилла говорила: танцевать она любит, но всегда выбирает исключительно те танцы, в которых кавалер пальцем не касается дамы. Сварог подумал тогда: следует уберечь ее и от ухаживателей. Самое безобидное прикосновение самого галантного кавалера (а какой без этого флирт?) будет для нее... Вообще, с этим надо что-то делать. В восьмом департаменте хорошие психологи и психотерапевты, вооруженные последними достижениями медицины — иной раз без них не обойтись, порой сотрудники попадают в такие переплеты... Нужно подвести к ней парочку таких под видом обычных здешних лекарей, пусть поработают. А проблему ухажеров он решил просто: велел Интагару распустить слух, что Вердиана — его незаконная дочь, воспитывавшаяся в глухи и неудачно вышедшая замуж. Чем и объясняются все пролившиеся на нее королевские

милости. «Общественное мнение» этот слух принял за чистую монету, поскольку он давал отличный ответ на многие вопросы — а ухажеры сделали для себя выводы и вокруг красавицы пока что не крутились. Со временем, конечно, осмелевают — но и она, смотришь, оттает...

— Герцогиня, — сказал Сварог спокойно. — Вы не согласились бы поговорить со мной откровенно? Я бы сказал, до о л ь н о откровенно...

Настороженный взгляд больших серых глаз:

— Конечно, ваше величество...

— Вы во дворце уже три месяца, — сказал Сварог. — И я давненько подметил любопытную вещь: то и дело я постоянно ловлю на себе какие-то довольно странные ваши взгляды. Полное впечатление, исполненные некоего напряженного ожидания, тревоги, а то и испуга... Так случается всякий раз, когда мы встречаемся в одном помещении.

Он сделал выразительную паузу. Герцогиня опустила длинные пушистые ресницы:

— Вам просто показалось, ваше величество...

— Я человек не мнительный, — сказал Сварог мягко. — Как-то мне ничего не «кажется». Это есть. Ведь правда? Ответьте честно. Вы ведь наверняка уже знаете, что я умею моментально определять, когда мне говорят правду, а когда лгут... Я жду. К о р о л ь ждет ответа...

Она какое-то время сидела, потупясь, потом подняла глаза и выпалила, словно в холодную воду бросалась:

— Вы не ошиблись, Ваше величество...

— Ну вот, я так и думал, — сказал Сварог. — Вряд ли я человек великого ума, но есть вещи, которые угадать нетрудно... Кажется, я понял, чего вы боитесь и напряженно ждете. Что за все сделанное для вас я однажды потребую благодарности... определенного рода. Я угадал? И снова — к о р о л ь ждет ответа...

С тем же бледным и решительным лицом Вердиана выпалила:

— Угадали, ваше величество.

— И вы этого не хотите?

— Не хочу, тысячу раз простите! — воскликнула она с тем же видом человека, которому нечего терять. — Я понимаю, что королю отказывать просто не полагается, но так уж сложилось... Ваше величество, я не могу... Для меня мужчины сейчас... Любое мужское прикосновение — как укус... Поймите меня... Если вы гневаетесь, отберите все, что соизволили пожаловать, выгоните из дворца, только не возвращайтесь к мужу. А впрочем... Я предусмотрела...

Перехватив ее взгляд, брошенный на собственную левую руку, Сварог присмотрелся, подошел и бесцеремонно снял с безымянного пальца кольцо с крупным сапфиром. Очень быстро нажал на крохотный шпенек. Камень чуть сдвинулся в оправе, открыв крохотное углубление с парой щепоток тончайшего зеленоватого порошка. Широко ухмыльнувшись, Сварог высыпал его в рот. Порошок совершенно безвкусный.

Глаза Вердианы округлились от ужаса, она замерла, вцепившись в подлокотники кресла. Все так же широко улыбаясь, Сварог сказал:

— Успокойтесь, герцогиня. Как видите, я до сих пор жив и здоров, хотя действие унасостоящего яда мгновенное.

— Но как...

— Вы слишком молоды и совершенно не искушены в тонкостях столичной жизни, — сказал Сварог. — Тот мастер, с улицы Златошвеек, у которого вы заказывали кольцо, в тот же вечер доложил кому следует. Он, понимаете ли, как и многие люди специфического ремесла, состоит на жаловании в тайной полиции — со многими так, дело житейское... Ну, а подменить кольцо точной копией с безобидным порошком для моих сыщиков — вовсе уж детская забава... Простите уж, но пришлось именно так и поступить. Мало ли что вам могло прийти в голову после всего перенесенного... А я отчего-то чувствую за вас некоторую ответственность. Вы одна в чужом городе, вам всего двадцать лет, отец далеко, появились,

конечно, подруги, но надежнее будет, если вас стану опекать еще и я. Хотя бы оттого, что возможностей у меня гораздо больше, чем у всех ваших подруг, вместе взятых, включая Каниллу Дегро. Так что хотите вы или нет, но я буду вас опекать.

Она сидела неподвижно, с растерянным и печальным видом, на ресницах поблескивали слезинки. Недолго думая, Сварог прошел к шкафчику, налил высокий хрустальный стакан с медальонами из алого и синего стекла почти до краев синей жидкостью. Протянул девушке:

— Выпейте. Это вкусно.

— Что это? — настороженно спросила она.

— Ну, не яд, конечно, — сказал Сварог. — И даже не вино. Всего-навсего сок синей малины. Ее мало кто знает, она растет только в Каталауне, да и там встречается довольно редко. У меня в Каталауне есть добрые знакомые, то и дело присыпают всякие гостинцы... Ну, выпейте и успокойтесь.

Она отпила несколько глотков, явно распробовав и оценив, осушила стакан до половины. Вообще-то налицо безбожное нарушение этикета — наедине с королем дама не может выпить и глотка сока (если только она не королевская любовница). Но Сварог, материй самодур, и не такие этикеты с хрустом ломал через колено...

— Еще? — спросил Сварог, видя, что стакан опустел.

— Нет, благодарю вас. И в самом деле вкусно...

Ее щеки приобрели нормальный румянец, голос звучал ровно. Сварог мысленно ухмыльнулся. Он не стал уточнять, что сок синей малины обладает еще и легоньким успокаивающим действием, за что высоко ценится у городских лекарей (а некоторые огородники в последнее время стали синюю малину высаживать у себя, но она не принимается — есть в каталаунской почве, надо полагать, что-то особенное...).

— Успокоились чуточку? — спросил Сварог. — Прекрасно. Пойдем дальше. Вердиана, как вы считаете, можно доверять королевскому слову?

На сей раз никаких этикетов он не нарушал — король вправе называть любого из своих подданных просто по имени — что даже считается знаком некоторого расположения. Чересчур уж напыщенно выглядело слово «герцогиня» в применении к этой, в сущности, девчонке.

— Ну, конечно! — воскликнула она убежденно. — Иначе и быть не может!

— Просто прекрасно, что вы так считаете, — сказал Сварог. — Так вот... У меня не было, нет и никогда не будет мыслей требовать у вас вознаграждения... определенного рода. Слово короля. Никакого вознаграждения мне от вас не нужно.

Она переменилась на глазах: исчезли напряженность и тревога, щеки зарумянились, глаза заблестели, и в кресле она устроилась гораздо свободнее. Тихо сказала:

— Вы очень добрый человек, ваше величество...

— Ничего подобного, — сказал Сварог, чувствуя, что вместо улыбки получилась лишь ее теня. — Добрых королей не бывает — не то ремесло, — он вдруг почувствовал острое желание хоть пару минут, да поговорить более-менее откровенно с этой красавицей: — А если и каким-то чудом появляются, то живут и правят очень недолго... Поверьте моему опыту.

— У отца есть книга, где что-то подобное написано. «О сути царского и королевского ремесла и последствиях, из оной проистекающих».

— Знаю, читал, — сказал Сварог. — Чей Чедагон, сильванец. Очень толковая книга, заверяю вас. Король обязан в любой момент проявить злость и жестокость...

— Но вы столько для меня сделали совершенно бескорыстно...

— Ну, мне это, признаться, ничего не стоило, Вердиана, — сказал Сварог. — Пару часов посовещаться с нужными людьми, подмахнуть пару бумаг... И потом... Я в жизни сделал немало злого не в силу каких-то свойств характера, а по королевской обязанности. И вдруг появляется случай сделать добро совершенно бескорыстно, без

малейших задних мыслей — политических, экономических, да любых — это так редко случается...

Вердиана смотрела на него с непонятным выражением лица, потом тихо сказала:

— Как же вам должно быть тяжело...

Умница, подумал Сварог. Чей Чедагона читала, без малейшей запинки название его книги произнесла... И сказал веско:

— Не особенно. Со временем привыкаешь... Вердиана, а что, если мы просто посидим и поболтаем? Мне совершенно нечем заняться, такое редко бывает, чтобы никто не приставал с неотложными делами...

— С удовольствием.

— Ну, в таком случае, можно устроить маленькое застолье, — сказал Сварог, прошел к шкафчику, стал вынимать оттуда всякую всячину. — Вы будете пить сок, а я позволю себе что-то покрепче. Рекомендую вот эти зеленые шарики, такого вы тоже наверняка никогда не пробовали — каталаунский домашний марципан.

— Вообще-то это против этикета... — неуверенно сказала Вердиана, тем не менее с любопытством разглядывая незнакомые слости.

— Этикет здесь — это я, — сказал Сварог. — Сатрап я, или нет? Завтра же введу какой-нибудь совершенно другой этикет, и все его будут соблюдать, как миленькие. — Он вспомнил матушку Елизавету Петровну и одну из ее ш а л о с т е й. — Например, издаю указ, чтобы на придворные балы мужчины являлись непременно в женских платьях, а женщины, соответственно, в мужских нарядах. Что вы улыбаетесь? Между прочим, такое однажды случалось...

— Никогда не слышала...

И неудивительно, подумал Сварог. Сказал:

— Это было очень давно и далеко отсюда, мало кто и помнит, даже книжники... Вы мне вот что скажите — и больше никогда не будем к этому возвращаться... Эти ваши страхи, что я потребую благодарности... Должны

же они были быть на чем-то основаны? У меня что, столь отвратительная репутация в королевстве? Говорите, не смущайтесь и без дипломатии. Мне далеко не всегда говорят правду даже те, кто это обязан делать по долгу службы, а король обязан знать о себе п р а в д у.

Вердиана чуточку замялась, но наконец ответила, открыто глядя ему в глаза:

— Как вам сказать, ваше величество... Никакой такой отвратительной репутации у вас, пожалуй, нет. Но очень много сплетничают о вас и ваших женщинах... Говорят, вы их меняете, как щеголь — перчатки и шейные платки. Простите, если я сболтнула что-то не то, но вы сами прошли бы быть откровенной...

— Да нет, все правильно, — сказал Сварог. — То есть, в том смысле правильно, что я жду от вас откровенности, а не насчет женщин.

И со стыдом подумал, что в том, что гуляют именно такие слухи, виноват сам. Конечно, женщин он не менял, как перчатки, но до женитьбы покуролесил изрядно — доступные грации из Королевского Балета, придворные красотки, что сами вешались на шею, да и в Империи...

— Откровенность за откровенность, — сказал он. — Да, я не был в свое время образцом благонравия, хотя и не с таким размахом, какой приписывает молва. Но я, так случилось, год как женат и пообещал жене не изменять.

В ее глазах полыхнуло неистребимое женское любопытство:

— А кто она? И почему об этом никто не знает?

— Совсем скоро узнают, вот увидите, — пообещал Сварог. — Но обо мне говорить неинтересно — у меня все на виду, а что не на виду — то государственные тайны... Давайте о вас. Как отец?

— У него все отлично, — сказала Вердиана. — Поселился в том поместье, что вы мне пожаловали, отношения с крестьянами, пишет, складываются нормально. Знаете, именно мелкопоместные дворяне как раз и умеют ладить с крестьянами гораздо лучше богачей — жизнь учит... —

она улыбнулась. — Он только говорит, что боится однажды проснуться и обнаружить, что все это приснилось...

Ну что же... Пусть и очень, очень редко, но и Сварог ловил себя на том, что боится проснуться и обнаружить, что все было не более чем сном. А на самом деле он только что очнулся от долгого запоя, произошедшего от полной неизвестности и безвыходности — на Бараглайском холме, в кольце облавы, когда совершенно непонятно было, как же отсюда выбраться, и удастся ли выбраться вообще... Глупости, конечно, но ведь случаются такие мысли, хотя прекрасно знаешь, что столь долгих и подробных снов не бывает... А хорошо бы — были. Тогда оказалось бы, что никто не погиб, что иные подлости лишь приснились и ни разу не пришлось в интересах дела и ремесла наступать на горло собственной совести. Правда, это означало бы, что все победы и достижения тоже приснились — но это, быть может, и не такая уж большая утрата, зная, что и горе с потерями и мерзостью в душе было только сном...

— Ваше величество, вы вспомнили что-то плохое? У вас стало такое лицо...

— Да нет, ничего, — сказал Сварог. — Вы сказали о снах, и я подумал: сколько всего с ними связано, и веселого, и грустного... — Как вам живется в замке?

Она улыбнулась почти беспечно:

— Сейчас уже немного привыкла. А первое время чуточку не по себе было в этой громадине. Дворецкий мне все старательно растолковал, так что я наизусть запомнила, — она подняла глаза к потолку и старательно произнесла, как заученное: — Восемьдесят три комнаты, большой и малый танцевальный залы, три каминных, залы для стрельбы, игры в кегли, парадная столовая на пятьдесят персон, еще несколько залов для игр и развлечений. Знаете, в первое время я себе выбрала три комнаты на первом этаже, там и жила, не расхаживала по замку. Потом стало веселее, появились гости, и Канилла, и Алента... Ваше величество,

я не фамильярничаю, они сами хотели, чтобы я их называла по имени. Ну, а потом Канилла попросила приступить ее Ассамблею, я тут же согласилась, стало еще оживленнее и веселее... Вы ничего не имеете против, что я так поступила?

— Помилуйте, — усмехнулся Сварог. — Это ваш дворец, можете с ним делать что угодно, хоть завтра проиграть в кости... хотя, думается мне, от вас таких глупостей ожидать не следует. Ну, и как вам Ассамблея?

— Великолепно. У Каниллы все очень прилично — хотя я слышала про другие Ассамблеи, где нравы... гораздо свободнее. Вот только Алента пока что ни разу не приходила на танцевальные вечера. Вы ей запрещаете?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — У нее просто хватало своих дел. В ближайшее же время собирается. Да и я загляну, если вы не против...

Он усмехнулся про себя. Ну что же, новое имя Яны ни у кого подозрений не вызывало и не выглядело необычным. Легализуя ее в Латеранском дворце, Сварог подобрал первую попавшуюся фамилию, лишь бы звучала правдоподобно, а вот с именем не стал заморачиваться: взял ее второе имя, чуть сократил, чуть изменил — вот и получилась баронесса Алента Вольмер. Мало ли каких редких для столицы имен и фамилий встречается в глухих провинциях...

— Ваше величество! Если мы разговариваем так откровенно и запросто... Мне бы хотелось кое о чем спросить, но не знаю, удобно ли будет...

Совсем освоилась девочка, подумал Сварог. Вот и хорошо, быстрее оттает...

— Вообще-то для меня нет неудобных вопросов, — сказал он, не раздумывая. — Разве что когда речь идет о государственных тайнах. Все остальное дозволено. Так что смелее.

— Я порой не могу понять, почему вы подписали «Акт о таньяже», а не дали окончательного развода? Вы ведь и в этом были вольны, вы король...

— По очень простой причине, — сказал Сварог. — Чтобы ваш бывший муженек не вздумал повторить тот же фокус. Он отнюдь не стар, а в округе, как мне доложили, хватает молодых незамужних дворянок, сплошь и рядом живущих довольно бедно. Пока он официально считается женатым, ничего подобного не сможет сделать.

— Понятно. Но вот другое, уж не обессудьте, мне решительно непонятно...

— Что именно? Говорите смело.

Она чуть поколебалась, но все же решилась:

— Судя по всему происшедшему, вы не питаете к нему и тени симпатии...

— Да я бы его завтра на плаху отправил, будь к тому законные основания, — честно признался Сварог.

— Почему же тогда с него сняли многолетнюю опалу, допустили ко двору и даже пожаловали в камергеры?

Сварог пожал плечами:

— Откровенно говоря, в рамках мести, что женщинам, с которыми поступили скверно, обычно свойственна. Мне хотелось, чтобы он часто ездил мимо «Медвежьей пещеры», которая ему больше не принадлежит. Чтобы видел вас при дворе, веселую и довольную жизнью — но, разумеется, не смел приблизиться... Примерно так. Я что-то сделал неправильно?

— Вы только не гневайтесь...

— И не подумаю, — сказал Сварог. — Запомните: я обычно гневаюсь по очень и очень серьезным причинам. Ваши вопросы в их число, безусловно, не входят. Так что отбросьте всякие мысли, что я когда-нибудь собираюсь на вас гневаться. Договорились?

— Хорошо. Извините, мне не приходилось раньше общаться с королями... Так вот... Мне как-то совсем не свойственна та женская месть, о которой вы думали. Было — и прошло. Я просто-напросто рада, что навсегда от этого избавилась. И мне не доставляет никакого удовольствия видеть его при дворе, наоборот. Этот его змеиный взгляд, которым он меня провожает при пер-

вой возможности... И еще... Вы его совершенно не знаете. Все произшедшее у него наверняка не вызвало ничего, что хоть отдаленно похоже на душевные терзания. Не тот человек. Он просто понемногу копит и копит злобу, как змея — яд. И как это прорвется, сказать невозможно...

— Ну, беспокоиться вам незачем, — сказал Сварог. — У вас отличная охрана, хотя вы наверняка ее не замечаете — ну, на то она и отличная...

— Я беспокоюсь даже не о себе...

— Обо мне? — усмехнулся Сварог. — Благодарю, конечно, но все это совершенно ни к чему. Ну что он мне может сделать? И заговор устроить, и убийц подослать — кишака тонка. Все подобные опасности давным-давно предусмотрены, как и подобает толковому королю. Так что не беспокойтесь за меня. И не такие пытались...

— И все же... Этот человек на все способен...

А ведь она что-то недоговаривает, подумал Сварог, определенно. Это чувствуется. О чём же это таком она не хочет говорить в самой непринужденной доверительной беседе? Пожалуй, следует дать приказу Интагару: пусть шьет дело о государственной измене — что в отношении камергера двора проделать гораздо проще, чем в отношении субъекта, пребывающего в глупши, в опале.

— Хорошо, — сказал Сварог. — Ну что же, я допустил промах... с королями такое тоже случается. Если он вам неприятен здесь, совсем нетрудно лишить его всех милостей и отправить назад киснуть в опале... Вы ничего больше не хотите мне о нем рассказать?

Она зябко передернулась:

— Простите, нет. Все это настолько гнусно...

— Как хотите, — сказал Сварог, оставшись в твердом убеждении, что что-то недосказанно. — Вы не против, если мы немножко поговорим о деле? Отлично. Получилось так, что мне необходима от вас небольшая помощь...

— От меня? — она удивленно распахнула глаза.

— Ну да, так уж сложилось... — сказал Сварог. — Вам хоть чуточку нужны дворцовые флигеля?

— Абсолютно не нужны! — воскликнула она живо. — В них просто нет необходимости, для гостей хватает места в замке, флигеля, я чувствую, еще неизвестно сколько лет будут стоять необитаемыми... Подождите. Вы хотите сказать, что они вам зачем-то понадобились?

— Угадали, — сказал Сварог. — На оба я пока что не замахиваюсь, речь идет только об одном. Не могли бы вы, выражаясь казенно, сдать мне его в аренду?

— Ну, конечно же, ваше величество, — с энтузиазмом воскликнула она. — И при чем тут аренда? Неужели я возьму с в а с деньги? Занимайте хоть оба и пользуйтесь столько, сколько считаете нужным. Почему вы не сказали раньше?

— Потому что мне эта идея в голову пришла совсем недавно, — сказал Сварог.

Он не лукавил, все так и было. С неделю назад осенило. Оба флигеля, учитывая, с каким размахом дворец возведен, — по сути и не флигели вовсе, а довольно большие трехэтажные здания, не уступающие величиной иному дворянскому особняку человека состоятельного. Между тем он давно уже подыскивал местечко в Латеране, где мог бы разместить сильную резидентуру всех подчиненных секретных служб — на что имел полное право и как земной король, и как имперский чиновник. Вот только подходящего здания не находилось: с тех пор, как он обосновался в Латеране и следом хлынули дворяне из нескользких королевств, в городе наступил натуральный жилищный кризис. По какой причине на полночной окраине, на обширной пустоши в лиге от города, ударными темпами строили Новую Латерану (со строжайшим наказом архитекторам и зодчим сделать все, чтобы по стилю и облику она ничем не отличалась от старой).

Меж тем флигели «Медвежьей пещеры» подходили идеально. На трех этажах комфортно уместятся и сотрудники девятого стола, и восьмого департамента, и люди Интагара. На обширном чердаке можно поставить немало полезной аппаратуры (на что он опять-таки име-

ет полное право), да и подвалы пригодятся солидной секретной службе для своих специфических нужд... Место удобнейшее — дворец и флигели окружены обширным парком, а тот, в свою очередь, высоченной чугунной оградой, охрану (с применением должной аппаратуры) организовать легко, до королевского дворца каких-нибудь три четверти лиги...

Он глянул на девушку, усмехнулся про себя: она, сразу видно, сгорала от любопытства, но держалась, как стойкий оловянный солдатик, и вопросов не задала. Ну, полуправду-то можно, и Яна, и Канилла заверяют, что девушка надежная...

— Вердиана, я вам вполне доверяю, — сказал Сварог. — А потому посвящу в курсочек государственной тайны. Молчать ведь умеете?

— Клянусь!

— Вы наверняка знаете, что королям сплошь и рядом приходит заниматься и кое-чем тайны, — сказал Сварог. — Не всякий доверенный человек может появляться во дворце, не всегда королю стоит открыто навещать официальные резиденции иных контор. Частенько там и сям на некотором отдалении от дворца существуют и тайны канцелярии.

— Да, я слышала...

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Именно такую я намерен и устроить в вашем флигеле. Никто ничего не заподозрит: мои люди умеют держаться так, что их не видно и не слышно. И декорация убедительная: обыкновенный дворец, где молодая красивая хозяйка принимает гостей, устраивает балы и вечера Ассамблеи Боярышника... Вы не имеете ничего против?

— Ну что вы, ваше величество! Простите, что я вылезаю со своими бытами и делами, но мне кажется, так будет даже безопаснее...

— Уж это наверняка, — сказал Сварог. — Поместье, битком набитое моими людьми, — одно из самых безопасных мест на Таларе, я так думаю... Учитывая, к тому

же, что ваш бывший муженек очень скоро покинет столицу и ничего скверного предпринять не сможет... Да и куда ему против моих людей... — он широко улыбнулся — Ну, а медведей бояться не следует, правда?

— Правда, — сказала Вердиана, улыбаясь чуточку смущенно. — Честно говоря, я в первые дни все же боялась выходить на крыльце в сумерки — там, в поместье, об этом столько сплетничали слуги, некоторые чем угодно клялись...

В самом деле, со старинных времен кружило поверье, что два огромных каменных пещерных медведя тонкой работы, стоящие по сторонам парадного входа, иногда в безлунные ночи оживают, спускаются с лестницы и подстерегают на ближайших улицах невезучего прохожего, от которого остаются рожки да ножки. В свое время Сварог, давно заимевший привычку на всякий случай не проходить мимо него, предпринял короткое расследование (памятую о кошке из черной бронзы и пантерах в собственном Вентордеране). Однако Яна в качестве главного эксперта не усмотрела в мишках никакой магии. А чуть позже Интагар через барона Фатеруса раздобыл любопытные пожелавшие бумаги чуть ли не вековой давности — следственное дело, давным-давно отправленное в архив.

Тогда, почти сто лет назад, показалось, что легенда и в самом деле оказалась правдой: в окрестностях замка за какой-то месяц подняли не менее дюжины трупов, растерзанных так, как это мог сделать только дикий зверь. Моментально поползли жуткие слухи, как водится, стократ преувеличенные моловой, с наступлением темноты тот район пустел (и наоборот, нашлись лихие головушки из отчаянных молодых дворян, решившие ночью поохотиться на оживывающие статуи — и двое из них погибли столь же страшной смертью). Дошло до того, что толпа горожан из низших гильдий, вооруженная в основном кузнецкими молотами, нагрянула ко дворцу, твердо намереваясь статуи разбить в щебенку, — но была ото-

гнала конной полицией протектора и драгунской алои (правда, тогдашний герцог на всякий случай уехал к себе в имение, оставив замок под сильной охраной — человек был крайне суеверный и во многое готов был поверить).

А вот в те времена начальник тайной полиции Латераны суеверным не был николечко. Анализируя и сопоставляя, он пришел к выводу: все без исключения убитые были загулявшими дворянами, и небедными, причем с трупов исчезло все, представлявшее хоть какую-то ценность. А это уже наталкивало на размышления. Сыщики, приставленные ночью следить за парадным входом во дворец, заверяли: во время очередного убийства медведи с места не сдвинулись, так и простояли смирнехонько до рассвета. Так что работать стали в более реалистическом, так сказать, направлении, выслали тайные патрули, пустили «подсадных уток» — и уже через несколько дней сграбастали шайку человек из шести, вооруженную приспособлениями, отлично имитировавшими клыкастые медвежьи пасти и когтистые лапы. А там и остальных подгребли, отыскали укрытые драгоценности — главарь оказался человеком крайне умным, не толкал добычу перекупщикам, а старательно копил, рассчитывая потрудиться еще с месяц, а потом сбежать с добычей подальше, куда-нибудь на Сегур или в Лоран, предварительно устроив своей шайке торжественный ужин с подмешанным в вино настоем ядовитого ратагайского болиголова... Тогдашний король голубиным нравом не отличался — а потому, учитывая обстоятельства, повелел применить казнь нестандартную и побросать всю банду в загоны к пещерным медведям в своем зоопарке. Что и было старательно исполнено при большом стечении народа.

— Да уж, какие там медведи... — сказал Сварог. — Люди бывают в сто раз опаснее... Ну вот, все устроилось. В ближайшие дни мои сотрудники займутся всем необходимым. А в остальном, как я уже говорил, — вы там полная хозяйка.

— Значит, я могу пригласить на Ассамблею Аленту Вольмер? Канилла говорила, вы не против...

— Ну, конечно, — сказал Сварог. — Я ее вовсе не держу взаперти. И полностью ей доверяю. Что вы так странно смотрите?

— Конечно, это совершенно не мое дело — давать вам советы, особенно в столь деликатном предмете...

— А вы попробуйте, — сказал Сварог. — Ничего не имею против, когда мне дают советы, если они толковые.

— Ваша величество... А почему бы вам на ней не жениться? Она чудесная девушка, я это поняла за три месяца знакомства...

Сварог ухмыльнулся про себя: ну большинство женщин прямо-таки горят желанием женить и выдавать замуж... Ну, в конце концов, вскоре и так тайна перестанет быть тайной...

— Не могу, — сказал Сварог. — По весьма существенной причине: мы и так уже женаты. По всем правилам. В Хелльстаде.

Вот теперь он поразил девушку до глубины души. Глаза у нее прямо-таки округлились:

— Но ведь... Получается... Выходит... Алента — королева Хелльстада... Многие уже знают, что в Хелльстаде вы обвенчались с какой-то девушкой...

— Ну да, — сказал Сварог. — На сей раз я вам не выдаю никаких государственных тайн. Можете рассказывать об этом, едва выйдя отсюда. Просто... Просто нынешнее положение дел какое-то время сохранялось по весьма веским государственным соображениям. А теперь об этом можно и объявить широко — что и будет сделано через день-другой.

— Ой... — сказала Вердиана, прижимая ладонь к губам. — А я к ней обращалась по имени, вообще держалась, как с подругой...

— Вот и продолжайте, — сказал Сварог. — Коли уж она не имеет ничего против. Скажу вам по секрету, в ней нет ни капли спеси, так что...

Он с неудовольствием почувствовал, как «портсигар» в кармане явственно завибрировал — и вибрация была довольно сильной, что далеко не всегда случалось. Выругался про себя: в кой-то веки удалось отрешиться от всех забот и безмятежно поболтать с милой девушкой, к которой к тому же не испытываешь ни капли мужского интереса...

Однако рассиживаться не стоило. Он торопливо встал:
— Извините, я отлучусь, вызывает секретарь...

Вышел в приемную и открыто достал «портсигар» из кармана: в приемной были только свои, люди надежные, видевшие и не такое — статс-секретарь и двое ратагайцев. Нажал соответствующий «самоцвет», над «портсигаром» вспыхнул небольшой экран — видимый, правда, только с его стороны.

Лицо у профессора Марлока выглядело спокойным. Вот только глаза...

— Белая Тревога, лорд Сварог, — сказал он, четко и бесстрастно выговаривая слова. — Вимана в Латеранский дворец за вами уж вылетела. Постешите.

И исчез с экрана. Сварог длинно и затейливо выругался про себя — но ничего тут не поделаешь...

Глава III

КОГДА ПОЛЗАЮТ КАМНИ

Сварог неотрывно смотрел вниз. Обзор оказался великолепным — высокое окно виманы наклонено наружу под углом в сорок пять градусов.

Отсюда, с высоты примерно в пол-лиги, зрелище не представляло ни пугающим, ни опасным и больше всего походило на большое пятно серой, почти черной краски, выплеснутой на прекрасно выполненную рельефную карту местности — с крохотными деревьями, малюсенькими домиками, неправильной формы распаханными полями, узкой речушкой с мельницей на ней. По форме оно больше всего напоминало чуточку неправильный овал, одним узким краем упиравшуюся в густолесье — другой уже переполз через речушку и захватил край деревни, часть крестьянских домов. Можно было и с такой высоты рассмотреть неяркие сиреневые вспышки, то и дело мелькавшие по всему периметру овала.

А вот то, как он перемещался — точнее, разрастался все стороны, рассмотреть было трудно — не столь уж и велика скорость.

Стоявший рядом профессор Марлок сказал:

— Если хотите, сделайте увеличение. Окно для этого и служит. Справа от вас, на подоконнике, пластинка с верньером. Чтобы увеличить, крутите к себе.

Найдя взглядом пластинку, Сварог так и поступил. Показалось, что вимана стала спускаться, но это, конечно, оптическая иллюзия. На стекле над пластинкой быстро сменяли друг друга цифирки, явно соответствующие уардам: 300... 250... 200... Сварог остановился на восьмидесяти. Теперь он не видел границ «пятна», но хорошо мог разглядеть его поверхность, гладкую, чуть-чуть бугристую, слегка ноздреватую. Вот теперь прекрасно видно, как пятно распространяется — примерно со скоростью быстрым шагом идущего человека. Что происходит в «хвосте», Сварог не видел — однако «носовая часть» загадочного объекта методично и как-то отрешенно рушила дома: наползала на них, и они очень быстро превращались в груду обломков, исчезавших под вертикальным, почти черным «откосом». И все происходило в совершеннейшей тишине, при ясном солнце и безоблачном небе — что показалось неправильным. Для таких вот непонятных катаклизмов скорее подошли бы серое небо, хлябь и грязь, налетавший порывами дождь...

— В деревне ни души, — сказал он севшим голосом.

— Еще бы, — хмыкнул Марлок. — Они припустили сломя голову, когда это было еще далеко... Оно движется не очень быстро, скорее всего, все благополучно спаслись...

— Откуда оно взялось? — спросил Сварог.

— Самого появления зафиксировать не успели. Прометрели. Спохватились, когда оно достигло приличных размеров и стало крушить лес, подминать под себя, доползло до деревни... Вот тогда дежурный и объявил Белую Тревогу — быть может, и погорячился... Ну, посмотрим. Предварительные итоги: сейчас оно примерно пяти лиг в ширину и семи-восьми в длину. За все время наблюдений распространяется с неизменной скоростью — около пяти лиг в час. Радиоактивного и каких бы то ни было

других излучений не испускает. Разве что самым активным образом испускает озон — в тех местах, где сверкают эти сиреневые вспышки...

— Высота «откоса»... — Сварог прикинул. — Уардов сто?

— Примерно так. Высота остается постоянной.

— Это что-то живое?

— Вот это вряд ли, — криво усмехнулся Марлок. — Первая же группа первым делом опустила беспилотник как можно ниже, направила луч лазерного анализатора и изучила пары. Как ни странно, но по химическому составу — это камень. Самый обыкновенный базальт — здесь, в округе попадаются его выходы. Живого в нем ни на грош. Ни малейших следов органики. Просто-напросто самый обычный базальт вдруг ожил и слоем в сотню уардов толщиной стал распространяться по окружающему пространству. Кстати, ни малейших следов магии. Это тоже довольно быстро выяснили, кто сюда только ни слетелся...

Сварог вернул увеличение к прежнему, соответствующему реальной высоте, оглядел небо вокруг. Действительно, на небольшом пространстве скопилось десятка три самых разнообразных летательных аппаратов: виманы, наподобие той, в которой он сейчас находился, со склоненными наружу стеклами, с эмблемами Техниона и Магистериума, виманы Мистериора, драккары Серебряной Бригады, какие-то серебристые полусфера без окон, обращенные куполом к небу (кажется, беспилотные орбиталы одной из моделей для самых серьезных контор), несколько брагантов разнообразной расцветки (одна, очень похоже, Канцлера), серебристые небольшие веретена, державшиеся вокруг полусфер, боевые машины, опять-таки с разнообразными эмблемами, в том числе и парочка девятого стола, и восьмого департамента, и армейские), наконец, гвардейские корветы, в солнечных лучах сиявшие стальным блеском треугольники. Ни одной оружейной башенки на них не видно — ну конечно,

корабли того типа, что предназначены для действий исключительно против земли, все дула располагаются в днищах и отсюда не видны: корветы парили ниже всех остальных, словно прикрывая скопище аппаратов от всевозможного обстрела внизу. Вот только эта непонятная... субстанция ничуть не походила на нечто, способное обстреливать воздушные цели... А, впрочем, береженого Бог бережет...

Справа от них в трех креслах за непонятными пультами сидели трое в форме Техниона, сосредоточенно наблюдая загадочную для Сварога пляску цветных огней и зигзагов. Четвертое слева кресло оставалось свободным. Марлок плюхнулся в него, зажимая в зубах погашенную трубку, удалил по клавишам:

— Что у вас, Пятый?

— Все по-прежнему, — послышался спокойный мужской голос. — Скорость распространения, отсутствие излучений, прочие параметры остаются прежними. Можно сказать, эта штука сохраняет стабильность.

Сварог все еще смотрел на загадочный черный блин, медленно, но неотвратимо распространявшийся дальше и дальше. Рушились и исчезали крохотные домики, валялись деревья — и тоже исчезали под напором черного.

За спиной у него что-то щелкнуло — и он, оглянувшись, увидел пустое кресло, выросшее из пола рядом с креслом Марлока. Профессор бросил чуть сварливо:

— Садитесь, лорд Сварог, в ногах правды нет. Плятиться на это бессмысленно, в конце-то концов...

Сварог сел, чуть склонился к пульту, явно выполнявшему тут функции передатчика — коли уж его сюда допустили, имел право. Никаких переговоров, только легонькое потрескивание фона. В голове не было ни мыслей, ни догадок — откуда им взяться, если ни с чем подобным прежде не сталкивался? Стыдно, но на миг он ощутил легонькую радость — от него сейчас ничего не зависело, не нужно было командовать и брать на себя ответственность.

— Внимание! — он сразу узнал холодный голос Канцлера. — Что у вас, Третья?

В ответ послышался звенящий от возбуждения голос Каниллы Дегро, явно не способной похвастать хладнокровием:

— Результаты есть. Согласно инструкциям, не для оглашения. Канцлер, вы сами приказывали...

— Я помню, — бесстрастно отозвался Канцлер. — Внимание, всем машинам, всем, кто в воздухе! Подняться на высоту лиги, на лигу в сторону. Стекла затемнить до одной пятой!

То, что наблюдал Сварог на земле, словно отпрыгнуло назад с приличной скоростью — конечно, это вимана полным ходом ушла в сторону и вверх. Сварог видел, как остальные аппараты рассыпаются, словно вспугнутые птицы и повисают в воздухе там, где было приказано. Прошло совсем немного времени, и снова раздался властный голос Канцлера:

— Атака первой эскадрилье!

Тройка серебристо-стальных треугольников, чуть разомкнувшись, рванулась к земле. Сквозь затемненные стекла Сварог видел все отлично: едва они оказались над черным пятном, вниз обрушились потоки сиреневого сияния — должно быть, и вовсе ослепительного, если наблюдать за ним невооруженным глазом. Корветы повисли невысоко над пятном, вытянувшись в линию, сиреневое сияние водопадом рушилось вниз, и это невольно напомнило ему Токеранг. «Это не «Белый шквал», — подумал он. — Но что-то достаточно серьезное, Канцлер не собирается мелочиться, и правильно, я думаю...»

Продолжалось это совсем недолго. Когда сиреневое сияние пропало, от загадочного феномена не осталось и следа — только соответствующий ему по размерам черный эллипс глубоко выжженной земли. И снова голос Канцлера:

— Внимание! На месте происшествия высадиться только двум исследовательским группам. Все остальные возвращаются на базы.

Два даккара рванулись вниз, приземлились у границы выжженного эллипса, и оттуда повалили фигуры в здешних скафандрах — сиреневых комбинезонах с глухими капюшонами — несмотря на несерьезный вид, защищавшими от многих серьезных опасностей. Видно было, что практически все навьючены довольно габаритной аппаратурой.

— Я бы тоже там походил, — сказал профессор Марлок с некоторым сожалением. — Но Канцлер прав — это было бы пустое любопытство, и только... Родерик,озвращаемся.

...Канцлер как всегда выглядел спокойным и невозмутимым. Обвел присутствующих холодным взглядом и сказал:

— Возможно, кто-то будет против, но я решил сформировать кризисный штаб именно в таком составе. Военных приглашать не стоило — для них пока что нет масштабных задач. Моя спецслужба, как ни стыдно признать, а также служба Кабинета императрицы, по существу, не более чем на старте, только начинают работать, так что нерационально выслушивать их мнение. А вот лорд Сварог — он усмехнулся уголком рта, — по всегдашей живости характера ухитрился и здесь всех опередить. У него одного далеко продвинулись исследования «точек Кондери», и пока только его земные агенты вышли на достаточно интересных людей...

— Так уж случилось, — пожал плечами Сварог.

— Ваша скромность, лорд Сварог, общеизвестна, — столь же скрупульно усмехнулся Канцлер. — У кого-нибудь будут возражения по поводу состава кризисного штаба?

Естественно, он смотрел на Яну, сидевшую чуть в сторонке, в кресле у стены — явно для того, чтобы показать: своим положением она давить не собирается и намерена главным образом слушать. Так что за столом в кабинете Канцлера расположились лишь он сам, Марлок и Сварог с Каниллой. Невеликое воинство, но хватает проблем, которые многолюдством не решаются, уж Сварог-то знал...

— Никаких, — спокойно сказала Яна.

Канцлер чуть склонил голову:

— Благодарю вас, ваше величество. Итак... Марлок, может быть, в первую очередь вы? Исследовательские группы были ваши.

Марлок неторопливо набил трубочку волокнистым желтым табаком, затянулся (такая уж у него была привычка начинать серьезный разговор).

— Собственно, обрисовать ситуацию можно быстро. По неизвестным причинам один из самых обыкновенных выходов базальтовой породы на поверхность вдруг стал разрастаться, достиг толщины в сто уардов и принял расширяться, то есть вести себя не как камень, а как некое достаточно пластичное вещество. При этом определенно происходили какие-то реакции, сопровождавшиеся многочисленными молниями и выделением озона. Как оказалось, эта субстанция прекрасно уничтожается «Сиреневым ливнем». Вот и все. Ровным счетом никаких соображений, а уж тем более объяснений у нас нет — поскольку нет практически никакой информации. Не зафиксировано ровным счетом ничего — никаких излучений, никаких возмущений в гравитационном или магнитном поле планеты. Базальт просто начал *расползаться*, как перестоявшее тесто из квашни...

Сварог краем глаза заметил непроизвольное движение Каниллы, Канцлер, очевидно, тоже, он сказал:

— Минуточку, лейтенант Дегро. Пусть профессор закончит. Марлок, а *с о о б р а ж е н и я* у вас есть? Хоть какие-то — поспешные, приблизительные... Мы, несомненно, имеем дело не с явлением природы, а с кем-то разумным. А посему крепко сомневаюсь, что мы недавно наблюдали природный феномен. Есть еще соображения в этом свете?

Марлок задумчиво протянул:

— Прежде всего на ум приходит, что это — эксперимент, затеянный с непонятными пока целями. Проверить какие-то наши реакции...

— Или разведка боем, — сказал Сварог. — С целью проверить наши возможности по борьбе с такими вот... феноменами.

Марлок, любитель въедливой точности в формулировках, на сей раз в дискуссию вступать не стал. Пожал плечами:

— Теоретически можно допускать и такой вариант...

— Будем допускать оба, — сказал Канцлер. — Лейтенант Дегро?

Канилла почти спокойным голосом начала:

— В нашей вимане была аппаратура слабее стационарной, но ее хватило. Все это время точка, которую мы в рабочем порядке именуем Радиантом, по-прежнему обстреливала Талар потоком «третьего ручейка». Излучения остальных «точек» не зафиксированы. Мы только начали их изучать, в отличие от «третьей», но вот отмечать их наличие или отсутствие наша аппаратура уже в состоянии. Только «третий ручеек», — она заторопилась, словно боялась, что ее прервут. — Есть еще одно обстоятельство...

— Спокойнее, лейтенант, — невозмутимо сказал Канцлер. — Никто вас перебивать не собирается. Говорите ровно столько, сколько считаете нужным.

— Я еще не успела написать докладную, — сказала Канилла. — Мы только что закончили работы, тут и грянула Белая Тревога, все сорвались с места... Мы установили совершенно точно: Радиант привязан к конкретной точке на поверхности Нериады. Установили лишь приблизительные координаты, но именно так и обстоит. Радиант бьет по Талару лишь тогда, когда закатное полушиарие Нериады, где он расположен, и восходное полушиарие Талара, где лежит Харум, оказываются друг против друга, можно сказать, в пределах прямой видимости. Когда Талар или Нериада поворачиваются другим полушиарием, поток не фиксируется. Это какая-то стационарная точка, по Нериаде она, безусловно, не перемещается. Установка, я бы рискнула предположить,

Я плохо помню астрономию, забыла, как называется такое положение планет...

— Я, признаюсь, тоже, — с легкой улыбкой сказал Канцлер. — Быть может, кто-нибудь помнит? Нет? Плохие из нас знатоки астрономии... а, впрочем, она сейчас и не особенно нужна. Простоты ради обозначим такое положение планет как «встречу». Чисто рабочее название, но нам сейчас ничего другого и не нужно. Значит, предполагаемая стационарная установка... Можете показать примерно, где она расположена?

Он опустил пальцы на клавиши — и на стене вспыхнула большая карта Нериады, физическая, с белыми полосками гор, голубыми ниточками рек, окрашенными в разные оттенки голубизны морями.

Канилла взяла световую указку, какое-то время рассматривалась:

— Простите, у меня на экране был гораздо меньший масштаб... Но я тоже накладывала на физическую карту... Вот здесь, — тонкий красный лучик очертил по карте небольшой кружок (Канцлер что-то сделал на пульте, и кружок на карте остался). Да, здесь. Правда, территория достаточно обширная...

На фоне планеты скрестились покрытые делениями линии, передвинулись вправо, влево, пропали...

— Да уж... — сказал Канцлер. — Несколько сот югеров. По первым прикидкам. Не вешайте нос, лейтенант, это гораздо лучше, чем ничего, а дальнейшее — дело техники... Посмотрим теперь, что это за район...

Зажглась другая карта, политическая: границы государств, зеленые точечки городов, реки, главные тракты. Очень быстро Канцлер кивнул:

— Полночная окраина королевства Даркаш, места столичные, но чем-то напоминающие наш Каталаунский хребет — малонаселенные, леса и горы... ага, там крупные рудники, связанные с более населенными местами вот этим трактом... — лучик указки скользнул по карте. — Места совершенно ничем не примечатель-

ные: рудников на Нериаде хватает, а Даркаш ничем не отличается от остальных королевств материка, точно так же населенных ярко выраженным «куклами». По размерам — на третьем месте. — Он задумчиво повторил: — Ничего примечательного... И все же это какая-то отправная точка. Не столь уж большой район, чтобы его нельзя было быстро прочесать... — он погасил карту, повернулся к присутствующим. — У вас все, лейтенант Дегро? Ну что же... Поскольку обсуждать сегодняшний случай нет смысла по скучности информации, я бы перешел к с у т и. Какова ситуация? С Нериады против нас действует кто-то безусловно разумный. Которого нам, несмотря на все усилия, не удается обнаружить. Проявил он себя три раза, и всякий раз это было связано с камни: черные камни-компьютеры, загадочные изделия, которые с совершенно неизвестными целями распространяют на Таларе, и сегодняшний случай, опять-таки устроенный с совершенно неизвестными целями. Меж тем у любого разумного существа, прилагающего к чему-то немалые усилия, должна быть ц е л ь, вы согласны? Откровенно говоря, меня так и подывает ударить по в с е м у району, указанному лейтенантом Дегро, чем-то вроде «Белого шквала»... но я не уверен, что это снимет проблему. Кто бы они ни были, они вряд ли струпились именно там, и только там, как пчелы в улье. Такие удары следует наносить, когда знаешь о противнике много. А мы о них знаем ничтожно мало. Не знаем даже, как они выглядят.

— Судя по гостье Орка, они вполне человекоподобны.

— Или притворяются таковыми, — не преминул встремлять со своей въедливой точностью профессор Марлок.

— Или притворяются таковыми, — спокойно согласился Сварог. — Будем допускать любые варианты. Способы проверки есть. Я уже приказал набить каминную Орка всевозможной аппаратурой, датчиками всех видов. Если она появится снова, что-то о ней мы да узнаем.

— Если зеркало не сыграет роль силового поля, — и снова не утерпел Марлок.

— Посмотрим, — сказал Сварог, которого эти штучки профессора никогда не раздражали, поскольку по большому счету были необходимы в серьезном расследовании. — Что касается цели... По-моему, о ней можно говорить уверенно, судя по тому заданию, что она дала Орку. Убить императрицу, Канцлера, обоих принцев короны, меня, наконец, что можно расценивать исключительно как намерение захватить власть в Империи. Зачем это им, представления не имею. Но цель, несомненно, именно такая. О ней ночная гостья открытым текстом говорила Орку. И добавила, что здесь существует группа заговорщиков, сильная, крепкая, состоящая из людей высокопоставленных.

— Все это может оказаться и дезинфекцией, прикрывающей какую-то другую, истинную цель, — сказал Марлок.

— Все возможно, — невозмутимо ответил Сварог. — Но ведь в существовании заговора нет ничего необычного или уникального? Они и раньше случались, разве что без привлечения в них сил. Ну, а теперь такие силы появились...

— У вас есть какие-то данные? — спросил Канцлер.

— Ни малейших, — сказал Сварог. — Я просто обратил внимание на один нюанс: «гостья» ни словом не упоминала о каких-то замыслах против принцев и принцесс крови. Не хочу выдвигать скороспелых гипотез, но не так уж и давно был пример: тот самый фанатик бабочек...

Какое-то время стояло молчание. Потом Канцлер раздумчиво произнес:

— Как версия вполне допустимо. Однако можно допускать и другие. К примеру, они не стали взваливать на Орка с лицом много, и принцами и принцессами крови займется кто-то другой. Возможно, если уж наши неизвестные намереваются извести династию под корень, их оставили на потом, я бы так выразился. Охрана у них

никогда не была особенно серьезной, и в случае каких-либо потрясений кто-то жестокий и решительный — да вот хотя бы наподобие Орка — их быстро вырежет малыми усилиями... Вот, пожалуй, и вся, я бы выразился, теоретическая часть — с теорией у нас откровенно слабовато. Давайте перейдем к чисто контрразведывательной практике. Тут уж вам карты в руки, лорд Сварог. Не может быть, чтобы вы не продумали каких-то планов...

— Продумал, конечно, — сказал Сварог. — Манор Орка, как я уже говорил, буквально нашпигован аппаратурой. Что касается земли... Мои люди уже заставили нескольких крупных купцов, занятых распространением «тарелочек» и «амулетов». И есть все основания думать, что ниточки сходятся к одному из них, Коринту Бадешу. Не буду здесь говорить о скучных, чисто полицейских подробностях, но уже есть серьезные основания думать, что он крайне похож на паука в центре паутины. Слишком уж многое на него завязано — и распространяются изделия от него, и гравировальные лавки в большинстве случаев принадлежат ему. Если у них есть здесь резидент, то это — Бадеш. У меня очень хорошая тайная полиция, я верю, что другие ниточки идут у них пауков они не могли просмотреть... — он увидел в глазах Канцлера невысказанный вопрос и прекрасно его понял. — Увы... К превеликому моему сожалению, его пока что не на чем брать. Предметы, которые появляются у него на складах словно бы неизвестно откуда — еще не повод. Вполне возможно, у него отыщется на этот счет какое-то убедительное объяснение. Мои аналитики втайной полиции уже кое-что просчитали... Скажем, он может преспокойно заявить, что дед-алхимик оставил ему какие-то старинные манускрипты, и он с их помощью теперь в массовом порядке использует эти камешки, сбывает их так дешево потому, что производство обходится ему вовсе уж сущие гроши, и он берет свое количеством. И вообще он, как хороший купец, приучает людей к этим камням, а впоследствии намерен изготавливать гораздо более

дорогие предметы, для которых, по мнению экспертов, камень вполне подходит. Или он просто-напросто обнаружил в глухих местах залежи этого камня, вмиг оценил выгоду и теперь их разрабатывает. Такое в истории Талара бывало, я выяснял. Наш противник, такое впечатление, отнюдь не слаб — и вполне способен оборудовать убедительные декорации в виде алхимической лаборатории, а то и рудника — давайте уж допускать и такие варианты... В конце концов, алхимия, в отличие от черной магии, давно уже всерьез не преследуется — разве что если с ее помощью совершаются какие-то чисто уголовные преступления. А торговля безобидными каменными поделками к таковым не относится, тут можно припаять разве что контрабанду. — Он жестко усмехнулся. — Я не страдаю гуманизмом, дамы и господа. Я бы без колебаний отправил этого клятого Бадеша к себе в Глан, а там уж найдутся люди, способные с ним вдумчиво побеседовать. Ну, а если это ничего не даст? Вспомните Брашеро и его шайку — от них так и не удалось ничего добиться. Против нас играет кто-то, располагающий возможностями, безусловно превосходящими таларские. Чего от него ждать, я просто не представляю — и на всякий случай считаю, что ждать можно в с е г о... Я должен поймать Бадеша на д е й с т в и я х. Каких-то действиях, которые грозили бы плахой. В этих случаях люди очень разговорчивы. Даже человек, наделенный нечувствительностью к боли, перед плахой беззащитен... Я жду, что мне удастся подловить Бадеша на каких-то действиях, я жду, что ночная гостья Орка заявится снова. Ничего другого мне просто не остается. Или кто-то придерживается другого мнения?

Все молчали, и от этого настроение у Сварога чуточку поднялось — никто не спешил его упрекать ни в ошибках, не в недосмотре.

— Ну, что же, — сказал наконец Канцлер. — Не нахожу возражений против вашей позиции, лорд Сварог... Вы что-то хотите сказать, Марлок?

Пыхнув трубочкой, профессор начал без малейшего запала:

— Я не спецслужбист, обсуждать действия лорда Сварога не берусь, ему безусловно виднее. А вот научно-техническая сторона дела... По моему глубокому убеждению, нужно серьезно взяться за Нериаду — силами и Техниона, и соответствующих отделов всех спецслужб. Локализовать местонахождение излучателя, о котором говорила лейтенант Дегро. Провести комплекс других наблюдательных мероприятий. Повторить операцию «Невод», которую шестьсот лет назад провели наши предшественники. Бросить туда изрядное число орбиталов. Благо техника с тех пор шагнула далеко вперед, да вдобавок появилась аппаратура, какой у наших предков попросту не было — я имею в виду, с которой работают лейтенант Дегро и ее напарник — и которую у меня Технионе тоже, кстати, начинают понемногу осваивать. Мистериор в это дело посвящать не следует — там нет никакой магии. И Магистериум нужно отодвинуть в сторонку — Уртало и его компания здесь совершенно бесполезны. Наконец, можно забросить туда агентуру. В тамошних условиях, среди «кукол», от нее будет мало толку — я читал старинные отчеты...

— Я тоже читал, — отреагировал Сварог. — Действительно... И все равно я попробую. В такой ситуации любые крохи информации ценные — а уж какие-то крохи они безусловно добудут...

— Ну... — ровным голосом продолжил Канцлер. — Думаю, дальше обсуждать ситуацию нет смысла? Вроде бы все сказано... Перейдем к конкретным мерам. Вы, Марлок, в сжатые сроки готовите «Невод-2» — вместе с научно-техническими отделами всех трех спецслужб, в первую очередь — с подразделением лейтенанта Дегро. На вас, лорд Сварог, — вся контрразведывательная работа, хотя и другие службы следует подключить. Это не тот случай, когда толпа охотников, несущаяся за зайцем, только мешает друг другу — это, скорее, облава, где стоят

локоть к локтю... От Орка не следует ожидать каких-то... сюрпризов?

— Вот это вряд ли, — вступил Сварог. — Умен все же, мерзавец. Должен понимать, что в этих условиях слишком рискованно предавать нас — да к тому же существам, чьи возможности толком неизвестны. К тому же, я, сатрап этакий, своей волей упрятал его под домашний арест — у него в маноре целая группа моих людей, так что ему оттуда не выскользнут...

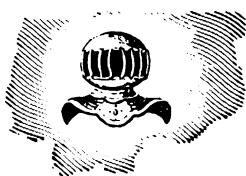
— А этого вашего Бадеша нельзя как-то спровоцировать? На конкретные действия?

— Я перед своей тайной полицией такой задачи неставил, — сказал Сварог. — Но попробую в ближайшее время озадачить — они у меня ребята с выдумкой и фантазией...

— И еще одно... — Канцлер посмотрел на Яну... — Ваше величество. Как вы думаете, в поисках на Нериаде нам может чем-то помочь Древний Ветер?

Яна задумалась, прикусив нижнюю губку. Потом подняла голову и открыто взглянула Канцлеру в глаза:

— Честное слово, не знаю, Канцлер. Древний Ветер — слишком сложная вещь, я в нем сама не до конца разобралась. Иногда он бывает бессилен, это от многого зависит... Но я приму любое участие, если вы это имеете в виду...

Глава IV

БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ПЛЯСКИ

Бесшумно возникший из привратницкой человек в ливрее какой-то миг вглядывался во всадников, потом распахнул створку высоких, ажурных чугунных ворот. Сварог с двумя ратагайцами рысью двинулся по широкой, обсаженной вековыми дубами аллее, тянувшейся на добрых пол-лиги. Издали увидел, что в правом крыле замка, на втором этаже освещены три высоких стрельчатых окна, а потом услышал слабые отголоски музыки — Ассамблея Боярышника уже веселилась вовсю.

Спрыгнул на землю, отдал поводья словно из воздуха вознившему лакею и неторопливо поднялся по широкой лестнице. Вот-вот должны были спуститься сумерки, но еще довольно светло, и фонари в парке не горели. Он задержался возле одного из каменных пещерных медведей — искуснейшая работа старинных камнерезов — чья недобро оскаленная пасть пребывала на уровне его лица. Похлопал твердый холодный бок, весь в тщательно вырезанных завитках шерсти, спросил негромко:

— Ну что, по ночам не шляемся?

Каменный медведь, как ему и полагалось, безмолвствовал. Нельзя сказать, чтобы настроение у Сварога было особенно лучезарным, но и скверным его никак

нельзя назвать — с одной стороны, они пока что ни на шаг не продвинулись вперед, с другой — никаких новых неприятностей пока что не приключилось, а это само по себе не так уж плохо...

Самое время чуточку развеяться и самому. Огромный, ярко освещенный холл носил явственные следы увлечений предков герцога и его самого, любивших охотиться на Сильване на пещерных медведей, давным-давно исчезнувших на Таларе: в разных углах аж три медвежьих чучела, два стоят спокойно, а третий взмыл на задние лапы, растопырил передние, оскалился. Впрочем, и в гербе у герцога — пещерный медведь под белой восьмиконечной звездой — происхождению герба, как водится, сопутствует какая-то старинная легенда. Справа огромный гобелен во всю стену изображает медвежью охоту — причем явно в старинные времена: ни следа огнестрельного оружия, в руках у стоящих против разъяренного зверя только рогатины — смелые были все же ребята и вряд ли ожидали, что их дальний потомок окажется таким подонком. Нигде ни пылинки, ни паутинки, дворец люди Сварога содержали в безупречном порядке (а здесь все до последнего поваренка были его людьми).

Он жестом показал ратагайцам на диванчик в углу — уж здесь-то ему ничего опасаться не следовало и не было нужды тащить за собой охрану. Осанистый дворецкий (безукоризненная имитация) принял у него шляпу и перчатки, почтительно держась на полшага впереди, повел на второй этаж.

Музыка становилась все громче — какой-то из знакомых Сварогу каталаунских танцев. По капризу Каниллы добрую половину здешних танцев составляли те, что в «свете» презрительно именовали «простонародными» и танцевать ни за что не стали бы, в отличие от членов Академии Боярышника, во многом равнявшихся на Каниллу. Сварог как-то задумался философски: вот отчего так? Хваленый марчерет с его краинами и вольностями, излюбленный на маскерадах и ларами, и земны-

ми дворянами, те самые «простолюдины» посчитали бы полнейшей непристойностью и у себя ни за что не допустили бы — а вот от их вполне приличных танцев высокородные господа брезгливо воротили нос. Причудливы зигзаги дворянского мышления...

Спохватившись, Сварог провел ладонью ото лба к подбородку, прошептал нужные слова, и на лицо ему легла «маска» — из простеньких, но все равно, м е с т н ы е ничего не заподозрят, а свои все поймут.

— Баронесса Вольмер? — спросил он дворецкого.

— Прибыла полчаса назад, к началу, — исправно доложил дворецкий. — Один раз играла в «костяшки-целовашки». Проиграла.

Сварог хмыкнул, ничуть не рассердясь, покрутил головой — пусть развлекается, как в ее возрасте и положено, в конце концов, забава безобидная, в той же «Молодой лани» подобные игры обставляются так, что статуи по углам краснеют...

— Флигель? — спросил он.

— Насколько я знаю, обустройство близится к завершению. Собираются завтра все закончить.

— Отлично... — рассеянно сказал Сварог, сворачивая направо, к малому танцевальному залу.

Он уже слышал веселый перестук каблучков и каблучков. Точно, Каталуун, «Ясный месяц». Высокий приятный баритон выводил:

— По небу, сказал он,
месяц плыл, сказал он,
озарил, сказал он, горы над селом.
У окна, сказал он, девушка, сказал он,
вот бы с ней, сказал он, посидеть вдвоем...

Музыка совершенно ничем не отличалась от игры обычного каталаунского оркестра, но Канилла просто-напросто установила на задернутом шторой балкончике для музыкантов привезенный сверху отличный му-

зыкальный центр (который не устанет и стаканчик вина украдкой не пропустит). Многие из местных подозревали, в чем тут дело, но это никого не удивляло: чуть ли не всем придворным, исключая самых нелюбопытных, было прекрасно известно, кто такая Канилла, точнее, откуда, что все воспринимали совершенно спокойно — не она первая, не она последняя. Это Яну, благодаря принятым мерам конспирации, почти все (за исключением пары-тройки особенно догадливых, которым Интагар настрого велел держать язык за зубами) считали здешней.

Он вошел и, никем не замеченный, устроился в уголке у дверей, на диванчике возле крайне необходимого предмета обстановки — столика с бутылками отличного вина, хрустальными бокалами и классной закуской (Канилла и сама «сухого закона» не придерживалась, и других не заставляла его соблюдать — что за танцы без пары бокалов хорошего вина?). Таких диванчиков со столиками вдоль стен стояло поболее дюжины — вокруг некоторых какими-то ухищрениями светотехники стоял полумрак, друг влюбленных (пресловутых задних комнат, каких хватало в иных, более разгульных Ассамблеях, Канилла здесь завела буквально пару-тройку — исключительно для сложившихся, устоявшихся пар, которым негде было найти приют, как ей самой когда-то).

Здесь, согласно введенным Каниллой правилам, лакеи не путались под ногами и вообще появлялись лишь в случае крайней необходимости. Так что Сварог без малейшего недовольства налил себе сам сильванского «Золотого ревеня», пригубил обстоятельно и стал наблюдать за танцующими.

Ну да, «Месяц ясный».

— И была, сказал он, у меня девчонка,
был в нее, сказал он, по уши влюблен.
Но она, сказал он, предпочла другого,
чем я был, сказал он, очень огорчен...

Танцевальный зал, хотя и именовался во дворце Малым, мог вместить добрую сотню танцующих, и они ничуть не мешали бы друг другу даже во время тех танцев, что требуют известного пространства. Сейчас здесь отплясывало примерно наполовину меньше. Большинство были Сварогу незнакомы, но некоторых он прекрасно знал: все без исключения его юные сподвижники с девушкиами. Аурика с Оклером, Томи с Лемаром — и сюда проник! — Канилла, разумеется, с Гаржаком. Элкон — со своей ронерской маркизой (что-то крепко парень к ней прилип). Маргилена с супругом (сейчас вовсе не унылым, выкаблучивавшим не хуже молодежи), обе дочки Интагара, старшая с известным ему в лицо женихом, младшая с каким-то бравым усачом в форме лейтенанта Смарагдовых Мушкетеров. Видел бы суровый папаша, удар бы хватил — ну что ж, жизнь есть жизнь, а девчонки, в общем, приличные, не потрепушки...

Мужская половина присутствующих пребывала в костюмах здешнего фасона (вообще-то мужские костюмы Той Стороны безнадежно проигрывали здешним), зато женская поголовно вырядилась так, что не вызвала бы подозрений ни в одном танцевальном зале в Саваджо: исключительно тамошние моды, пока что не предъявленные публике на Той Стороне, коротенькие юбочки колокольчиком, колготки в причудливую сеточку, неизвестные здесь туфельки.

После недолгих наблюдений Сварог без труда установил, что здесь имеются две ярко выраженных группы модниц. Те, что поскромнее (как дочки Интагара), выбрали платья, оставлявшие открытыми лишь плечи и руки (что соответствовало и иным здешним фасонам), а вот особы более озорные стеснялись меньше: платья изрядно открытые, бретельки-ниточки, обнаженные спины, вставки из газа и прочие портняжные ухищрения доштурмового прошлого, приятные мужскому глазу. Юбки и у «скромниц», и у «озорниц», правда, были одинаковой длины, то бишь довольно символические.

Двое-трое щеголяли в вечерних платьях прошлого — длиной до пола, но опять-таки с дерзко открытыми, с лихими разрезами до бедра. И не было, разумеется, двух одинаковых платьев, колготок или туфель — ни одна женщина такого не допустит, в точности как и здесь.

Очень быстро Сварог высмотрел и Яну с Каниллой — обе в крайне «озорных» платьях, одна в сиреневом, другая в розовом. Канилла танцевала с Гаржаком, Яна — с незнакомым капитаном гвардейской конной артиллерии.

На Яну Сварог смотрел без всякой ревности, а на Каниллу — не без уважения. Было за что уважать. В добавок ко всем своим, выразимся так, серьезным достоинствам, девчонка ухитрилась взбаламутить всю Империю, пусть и в специфическом деле — женской моде (впрочем, с точки зрения самих женщин, вопрос этот, крайне важный, по мнению иных — важнее даже всяких там серьезных мужских игр).

Совершив не без помощи Элкона грандиозный рейд по засекреченным закромам ведущих домов моды Той Стороны, Канилла без зазрения совести стянула оттуда не меньше трех сотен (больше, жаловалась она, не было) фасонов платьев, колготок, туфель и абсолютно неизвестной здесь новинки, которую и на Той Стороне только-только собирались ввести в моду — женских брючных костюмов из разноцветных кружев, достаточно густых, чтобы костюмы не выглядели непристойными.

А через две недели Сварог лениво, через строчку просматривал очередную сводку восьмого департамента, касавшуюся бала в Аркетане. Восьмой департамент и за балами приглядывает по извечной привычке спецслужб совать нос куда только возможно — мало ли что интересное можно услышать, да и слухи со сплетнями издавна принято собирать и анализировать (чем тайная полиция занимается и на земле — никогда не знаешь, на что можно наткнуться).

Обычно такие сводки были крайне рутинными — но не эта... По отчетам агентурного отдела, не менее восьмидесяти светских дам появились в платьях с Той Стороны и тех самых костюмах — и девушки, и молодые замужние женщины, и ветреницы средних лет.

Оказалось, Канилла эгоисткой себя не проявила, наоборот — вместо того, чтобы сделать добычу достоянием узкого круга подруг, выложила ее для общего доступа в компьютерную сеть Империи, в раздел, посвященный женским модам, да вдобавок передала в Коллегиум Золотой Иглы — имперский центр моды.

А учитывая, что и Яна появилась в Аркетане в таком платье (правда, не столь озорном, как сейчас)... Сварог без всякого труда мог предугадать дальнейший ход событий: пройдет совсем немного времени, и новые моды начнут распространяться по Империи со скоростью лесного пожара. А из-за облаков очень быстро это поветрие перекинется на землю: земные благородные дворянки (в первую очередь удостоенные чести иметь дома телевизор) и дамы из Сословий (за исключением разве что самого консервативного, Храма, да и то с исключениями) бдительнейшим образом следят за имперскими модами и перенимают очень быстро, а вдобавок в столицах случаются и телесеансы «для всех», где новые платья может увидеть кто угодно. Зная женщин, легко предсказать, что совсем скоро ручеек превратится в могучий водопад — а Канилла Детро войдет в историю как возмутительница спокойствия, пустившая в обиход новые фасоны и минижубки... Есть в этом что-то от революции.

Правда, Сварог тут же подумал и о другом, чуть скрупленно, но уже как король, привыкший взвешивать вред и пользу самых разных сторон бытия. В Империи есть опейрон, а потому и не существует понятия «экономика». А вот земная экономика кое в чем получит нешуточный ущерб. Когда широко войдут в моду минижубки, соответственно упадут доходы ткачей одной из Серебряных гильдий, занятых исключительно «благородными

тканями», снизится их производство (как это было лет десять назад, когда платья выше колен сменили платья до полу), следует ждать и некоторого упадка в других отраслях, тесно связанных с этими двумя: сократятся закупки шелка на Сильване, производство ткацких станков, иных «благородных красителей», да мало ли что еще. И ничего с этим не поделаешь, запрещать ту или иную моду — зверство, на которое решится далеко не всякий король-сатрап. Всеобщее возмущение женской половины королевств похоже крестьянского бунта и повлечет самые печальные последствия для репутации любого короля, будь он трижды тиран. А журить Каниллу бесмысленно: она, как и все прочие лары, слово «экономиста» узнала, лишь начав служить в девятом столе, да и тогда в это понятие наверняка не вникала...

Сварог только сейчас обратил внимание: слева от него, в ближайшем к усочке полумрака, сидела девушка, отпивала вино небольшими глотками, держа высокий бокал у губ. Они двое были тут единственными, кто не танцевал.

Заинтересовавшись, он включил «ночное зрение» и узнал герцогиню, чему нисколечко не удивился. «Месяц ясный» наполовину состоял из фигур, когда дама и кавалер оказывались в объятиях друг друга, самых что ни на есть приличных — руки дамы на плечах кавалера, руки кавалера на талии дамы. Но герцогиня избегала любых мужских прикосновений и явно ждала танца, в котором их не будет. Бедная девочка, подумал он. Нужно побыстрее связаться с доктором Латроком, пусть заберет ее на Сильвану, в «Лазурную бухту». Красивейшие места, судя по снимкам, крохотный, закрытый для посторонних курорт — и отличный Медицинский центр восьмого департамента, где врачи и психологические травмы потяжелее, чем у нее. Порой люди возвращались с задания в таком состоянии, что их прямым ходом отправляли на Сильвану, не спросив отчета... Вряд ли трудно будет уговорить ее туда поехать.

Герцогиня вдруг встала и направилась прямехонько к нему — очаровательная и оживленная, ничуть не выглядевшая подавленной. Присела рядом, улыбнулась:

— Добрый вечер, ваше величество. Рада видеть вас у себя.

Вот так, значит... Сказать ей, кто скрывается под личиной, никто не мог — с тех пор, как Сварог появился в зале, танцы не прекращались...

— Интересно, — сказал он. — Я мог бы поклясться, что магией вы не владеете, а без магии опознать меня трудновато...

Вердиана рассмеялась непринужденно, даже весело:

— Магия тут совершенно ни при чем, все проще... Вы сейчас в том же самом наряде, в каком принимали меня в вашем кабинете. — Она окинула Сварога особым женским взглядом. — Алый шелк в разрезах на рукавах и буфах, оторочка из золотой тесьмы с тисненым узором, от плеч к поясу, — двойные ряды той же тесьмы, настоящие пуговицы — сапфиры в золотой оправе, декоративные — из синего пещерного жемчуга, по семь на рукаве, по семь меж рядами тесьмы, по семь у самых манжет. Вы же знаете этикет лучше меня...

Сварог знал. Согласно строгому этикету, ни один придворный не должен появляться в наряде, который похож на наряд короля. Необходимы значительные отличия многих деталей. Для того, кто в этом разбирается, одежда короля столь же уникальна и неповторима, как отпечатки пальцев. Кто бы мог подумать, что иные женские ухватки порой действуют столь же эффективно, как магия?

— Великолепно, — сказал он. — А я вот о таком повороте событий как-то не подумал. Хотя кое-кто из придворных здесь присутствует. Коли уж зашел разговор... Вердиана, что вы думаете о моей маске? Смелее, вы уже успели убедиться, что на правду я никогда не сержусь.

Она чуть поколебалась, но взгляда не отвела:

— Я бы сказала, типичный гвардеец. Навидалась при дворе. Усищи вразлет, лицо особенным умом не блещет, хотя обращение знает, несомненный повеса и выпивоха... Я ничего обидного не сказала?

— Ничего, — успокоил Сварог. — Это ведь к маске относится, а не к моей истинной физиономии, отмеченной неизгладимой печатью величия и ума... Именно такая маска и нужна, чтобы оставаться неприметным — именно что типичный гвардеец... Правда?

— Правда, — улыбнулась она. — Я так рада, что вы пришли, ваше величество. Здесь весело: танцы, игры... В завершение я всегда устраиваю поздний ужин, в парадной столовой хватает места для всех... — и спросила с надеждой: — Может быть, вы останетесь?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Кое с кем из присутствующих здесь добрых знакомых давненько не сиживал за одним столом...

Она чуть поколебалась, но все же решилась:

— Обычно все заканчивается чуть ли не с рассветом... Стоит ли тащиться во дворец? Быть может, вы с... баронессой Вольмер и ночевать останетесь у меня? — она улыбнулась. — Как-никак вы не просто устоявшаяся и сложившаяся семейная пара. Графиня Дино с супругом всегда у меня noctуют.

— Неплохая идея, — сказал Сварог. — Если только мы вас не стесним.

Она улыбнулась в знак того, что оценила шутку:

— В этой громадине?

— С одним условием, — сказал Сварог ей в тон. — Вы потом не будете вывешивать над входом корону, как обычно поступают со зданиями, где провели ночь коронованные особы.

— Конечно, — безмятежно улыбнулась она. — К тому же могут не так понять.

Совсем оттаяла девочка, удовлетворенно подумал Сварог: танцует, смеется, шутит... Но в «Лазурную бухту» ее все же следует отправить...

Музыка смолкла, танец кончился. Кто-то направился к столикам с вином, там и сям в полумраке обосновались парочки — но большинство обступило стол, который Канилла легко выкатила из угла: длинный, расчерченный на квадраты с цифрами, у торцов тесными кучками стояли какие-то фигурки, кажется, янтарные, стеклянные полушиария с разноцветными узорами внутри. Сварог такой игры в жизни не видел — впрочем, с Каниллы станется и ее (точнее, ее полное описание) притащить с Той Стороны, как она уже с одной про-делала. Судя по лицам, игра была интересная и увлекательная, посложнее примитивных, что уж там, «костяшек-целовашек».

— Идите, Вердиана, веселитесь, — сказал Сварог, заметив, с каким оживлением девушка смотрит в ту сторону. — А я посижу тут за вином, пока снова танцы не начнутся...

— Вам, правда, не будет скучно одному? — спросила она тоном заботливой хозяйки.

— Наоборот, — сказал Сварог. — Это у меня один из видов развлечения: посидеть за бокалом в одиночестве. Никто не отвлекает со срочными делами — благодать...

Она отошла к столу. Сварог сидел, попивая отличное сильванское вино. Его давно заметили, но никто не обращал на него особенного внимания и своего общества навязывать не торопился. О здешних порядках он был наслышан. Коли уж человек сюда попал — безусловно одобрен Каниллой. То, что он смирнехонько сидит пока что в уголке, свидетельствует опять-таки в его пользу — новичок держится с должной скромностью.

Посмотрел вправо, где стояли человек восемь. Мушкетерский лейтенант, танцевавший с младшей дочерью Интагара (и чем-то неуловимо напоминавший физиономией маску Сварога — «типичный гвардец»), как раз протягивал ей небольшую плоскую коробочку, обтянутую синим бархатом, каковой цвет символизировал бескорыстный подарок (будь они любовниками, бархат ока-

зался бы красным, вообще была целая система цветов, очень многое учитывавшая).

Коробочка раскрылась. Велеретта Интагар оглянулась на окружающих, словно спрашивая совета, и, когда все закивали, коробочку приняла, поблагодарив обаятельной улыбкой.

У Сварога форменным образом затылок свело, как у сделавшей стойку на добычу охотничьей собаки.

Со своего места он прекрасно разглядел, что там лежало — натуральная «тарелочка», правда, таких он еще не видел: по окружности украшенная медово-желтыми камнями, отшлифованными в вище полусфер...

Что ж, формально все приличия соблюдены: согласно этикету посторонний человек не может дарить благородной девице подарки дороже одного золотого аурея — а «тарелочка» стоит гораздо дешевле. Отчего же у Сварога не пропадало стойкое — и неприятное — ощущение взявший след собаки? Оттого, что эта «тарелочка» была в отличие от всех прежде виденных украшена камнями? Оттого, что девушка была дочерью Интагара, и это могло означать классический *п од х о д?* Он и сам не понимал толком, что его тревожит, но возможность кое-что проверить была...

Он видел, как быстро, ц е п к о переглянулись Яна и Канилла — тоже что-то такое почувствовали, в особенности Яна с ее Древним Ветром? Но до сих пор применение Древнего Ветра к «тарелочкам» не давало никаких результатов...

Поставив бокал на столик, он встал и неторопливо направился в ту сторону, четко просчитывая маневр. Улучив момент, когда лейтенант оказался чуть в отдалении от остальных и ни с кем не говорил, со всей необходимой деликатностью коснулся его локтя:

— Простите! благородный лаур...

Спокойно, непринужденно обернувшись, лейтенант поднял брови, что соответствовало вежливому вопросу «Чем могу?»:

— Слушаю вас, благородный лаур...

Сварог сказал вполголоса:

— Если я не кажусь вам навязчивым, хотел бы посоветоваться...

— Извольте, — сказал лейтенант, и они отошли к стене. — Простите, не имею чести...

— Барон Готар, — сказал Сварог. — Я совсем недавно в Латеране.

— Маркиз Чендор, лейтенант Смарагдовых Мушкетеров, — добавил он на случай, если столкнулся с вовсе уж неотесанной деревенщицой, не разбирающейся в чинах и мундирах гвардейских полков.

— Понимаете ли, маркиз, — сказал Сварог. — Я только что видел подарок, преподнесенный вами лауретте...

В глазах лейтенанта мелькнула настороженность. Походило на то, что он здесь — человек новый. Настороженность объяснилась просто. Фразу «я недавно в Латеране» можно толковать по-всякому, и как «неделю», и как «месяц». Сварог мог оказаться вовсе не деревенщицей, а сердечным другом девушки. Подарок ни в малейшей степени не противоречил строгому этикету, но с точки зрения неписаного дуэльного кодекса давал сердечному другу все права вызвать дарителя на поединок. Правда, Канилла, как и Сварог, у себя во дворце, категорически запретила в Ассамблее вызовы на дуэль, словесные ли, жестами ли (насчет жестов, несомненно, просветил записной бретер Гаржак) — но мало ли как можно все обставить? Вышли поодиночке «прогуляться по вечернему парку» — и все сладилось...

— Видите ли, лаур, — сказал Сварог с видом крайнего простодушия. — Я тоже хочу сделать подарок... одной знакомой. Из категории тех, что не дороже золотого аурея. Я так и не придумал, что подыскать — и вдруг увидел ваш подарок. В нашей глуши таких вещичек еще нет, меж тем она очень красива...

Настороженность из глаз лейтенанта исчезла, он сказал с ноткой покровительства:

- А здесь, в столице, они как раз вошли в моду.
- Нужно ли понимать так, что эта вещь дешевле аурея?

— О, гораздо! — успокоил лейтенант. — Всего пара серебряных сестерциев, так что этикет полностью соблюден...

— Великолепно! — воскликнул Сварог со всей восторженной наивностью провинциала. — И этикет соблюден, и вещица недурна... Вы сами придумали ее подарить?

— Конечно, — небрежно сказал лейтенант.

Он врал! Сохраняя полнейшую невозмутимость, Сварог спросил с прежней интонацией:

— Трудно было все это устроить?

— Ничуточки, — сказал лейтенант. — Обычно на этих вещичках гравируют разные изображения, но немало и чистых — как раз для подарков. Я купил чистый (он определенно рисовался чуточку перед провинциалом), отнес в мастерскую и велел выгравировать герб лауретты...

И снова он врал — от первого до последнего слова. Неизвестно, как обстояло дело, но безусловно не так, как в т и р а л лейтенант. А потому следовало ему уделять самое пристальное внимание: что-то за этим крылось, и вряд ли доброе...

— Значит, мне следует поступить таким же образом? — спросил Сварог.

— Безусловно, — кивнул лейтенант. — У вашей... знакомой есть герб?

— Конечно.

— Отправляйтесь в лавочку, купите «чистую», без изображений, вещицу и отдайте граверам. Я охотно назвал бы вам адреса, но у меня на них, откровенно признаюсь, дырявая память, помню только свой, да полка, ха-ха! Но заведения у нас в столице достаточно известные, вам быстро покажут...

Интересно. На сей раз перемешались ложь и правда: он врал насчет своей дырявой памяти на адреса, но адресов лавочника и гравера, положительно, не знал.

Поблагодарив лейтенанта в самых вежливых и цветистых выражениях, он вернулся к диванчику и налил себе вина. На него по-прежнему не обращали внимания — кто выпивал и болтал у столиков (к одному лейтенант и подошел), кто флиртовал в полумраке. Стола уже не видно было за спинами, судя по азартным вскрикам, неизвестная игра развернулась вовсю. В общем, скучки не было, каждый нашел себе занятие по душе и увлеченно ему предавался.

Тут Сварог увидел, что к нему своей грациозной летящей походкой идет Яна — чуть раскраснелась после быстрого танца, колготки под цвет платья, на шее светло-синий платок, заколотый алмазной брошью — опять-таки один из аксессуаров высокой моды Той Стороны.

Села рядом, закинула ногу на ногу (что при ее наряде выглядело крайне приманчиво), достала сигареты. В ответ на его вопросительный взгляд небрежно махнула рукой с сапфировым браслетом на тонком запястье:

— Ничего. Видишь, повсюду пепельницы стоят? Курение — один из внутренних секретов Ассамблеи. У всех Ассамблей есть внутренние секреты, за разглашение коих безжалостно изгоняют...

— Тыфу ты, а я не заметил... — проворчал Сварог и с превеликим удовольствием потащил из кармана портсигар.

— Что ты фыркаешь?

— Видел бы вас Интагар, особенно тебя сейчас...

— Нас увидел Интагар, и его хватил удар... — нараспев продекламировала Яна. — Отличное начало для комических куплетов, нужно будет сочинить всей компанией...

— С вас станется...

— Как тебе здесь? — спросила Яна, пребывавшая, сразу видно, в отличном расположении духа.

Сварог пожал плечами:

— Я из-за дел припозднился, едва успел осмотреться...

И мысленно добавил: и тут же получил на шею серьезную и непонятную загадку. Он обратил внимание: бравый

мушкетер ничуть не пытается флиртовать с Велереттой, держится от нее далеко, даже не смотрит в ее сторону. А ведь приличные подарки всегда свидетельствуют о намерении ухаживать, это все знают. Полное впечатление, что он выполнил задание: потанцевал с ней, перекинулся парой слов, вручил подарок — и считал миссию выполненной. И с характером бравых мушкетеров это не вяжется, и флирт в рамках приличий правилами Ассамблеи отнюдь не запрещен, и девушка исключительно красавая, а вот поди ж ты...

— В следующий раз нужно приехать к началу, — сказала Яна. — Здесь, правда, очень интересно: танцы, игры, головоломки, всякие шутливые состязания... Под занавес будет ужин.

— Я знаю, — сказал Сварог. — Хозяйка простила гостеприимство настолько, что предложила нам с тобой здесь и ночевать.

— Хорошая идея, — сказала Яна. — Разъезжаться начнут не раньше четырех утра. Сначала тащиться во дворец, потом тащиться по дворцу... Лучше всего прихватить пару бутылочек «Сильванского ревеня» и обосноваться тут. Или ты против?

— Да никоим образом, — сказал Сварог. — Что-то вдруг словно тень набежала на твое прелестное лицико...

— Ты не будешь меня убивать? — спросила вдруг Яна.

— А что, есть поводы? — с интересом спросил Сварог. Она мастерски изобразила смущение и раскаяние:

— Понимаешь, все начали играть в «костяшки-целовашки», и я тоже решила попробовать, только один разок... И проиграла. Теперь вот трепещу перед тобой. У тебя ничего на поясе нет, но здесь столько оружия по стенам развезено...

Сварог нисколечко не сердился — было бы за что. Всего-навсего безобидный здешний аналог «игры в бутылочку» в покинутом им мире, способный рассердить лишь патологических ревнивцев. Составленные по жребию пары бросают кости. Если проигрывает девушка,

расплачивается поцелуем. Если проигрывает кавалер, выполняет какое-нибудь шутливое желание дамы: скажем, с выражением прочитать балладу, стоя на голове, или сходить посчитать окна во дворце. На что тут сердиться?

— Живи уж, — великодушно разрешил Сварог. — Слушай, а ты что, не могла с помощью Древнего Ветра выбросить три шестерки?

— Запросто, — сказала Яна. — Только это было бы нечестно. Что ты улыбаешься так загадочно?

— Думаю о государственных делах, — сказал Сварог. — Если в казне станет не хватать денег, пошлю тебя, чтобы обчистила до нитки парочку игорных домов — уж их-то не жалко, у них самих сплошь и рядом процветает нечистая игра... Тут тебе и банкометы-шулера, и кости с изъянцем в пользу хозяев, и прочие изыски творческой мысли. У меня лежит обстоятельный Доклад тайной полиции. Сгоряча хотел закрыть, но решил, что это не по-хозяйски — и увеличил налоги вдвое. Кряхтя, но платят... Да, кстати. На твои игры в кости я закрыл глаза, но вот когда ты танцевала с этим пушкарем-лошадником, я хорошо видел, что его рученьки были откровенно не в состоянии определиться с границей талии...

Яна прищурилась, медовым голоском произнесла:

— Помнится мне, когда мы первый раз оказались вместе на балу, тогда, в Келл Инире, и потом пошли гулять в лес, твоя рученька тоже никак не могла определиться с границей талии. Поправлять пришлось.

— Во-первых, ты тогда не щеголяла с голой спиной, — сказал Сварог. — Платье было даже чуточку строгое. А во-вторых, не заметил, чтобы ты это ого поправляла.

— Поправляла. Словесно.

— Что-то я не заметил, чтобы это возымело действие.

— А может, я тебя заметила и решила подразнить?

Сварог вздохнул:

— Рассуждая философски, столько ветреных красавиц расстались с жизнью за такие вот отговорки...

— Это семейная сцена? — с любопытством спросила Яна. — Как интересно! Впервые в жизни... Подскажи, как себя жены ведут в таких случаях? Мне рыдать, клясться и обещать, что никогда впредь... или в ответ самой что-нибудь интересное припомнить?

Сварог вздохнул:

— Яночка, пошутили и будет. Не до шуток.

Она всегда тонко чувствовала перемены в его настроении — вот и сейчас посерезнела моментально, совершенно другим тоном спросила:

— Что-то случилось?

— Случилось, — сказал Сварог. — Прямо здесь. Между прочим, у тебя на глазах. Вы ведь с Каниллой рядом стояли, когда этот мушкетерский ухарь дарил Велеретте «тарелочку»?

— Ну, да. Правда, я таких, с камешками, не видела, но разве тут есть что-то странное? Эти штуковины, ты сам говорил, в большой моде.

— Есть нюансы... — сказал Сварог. — Интагар сам рассказывал, сколько раз к нему пытались делать разнообразные п о д х о д ы, в том числе через дочерей...

— Но это же безделушка в пару сестерциев ценой.

— Я не закончил, — сказал Сварог. — Понимаешь, я прикинулся провинциальным дурачком, который хочет сделать такой же подарок; и стал расспрашивать о деталях. Он мне все время врал: что ему самому пришло в голову преподнести именно «тарелочку», что он ее сам купил, сам отдал выгравировать герб... К чему столь упорное вранье, если речь идет о безобидной безделушке? Ценой в пару серебрушек? Дворянину ничуть не зазорно ее покупать и самому отдавать граверу. А он врал и врал. Мне такое поведение кажется подозрительным. А тебе?

— Пожалуй, — после некоторого раздумья призналась Яна. — Знаешь, я только сейчас подумала... Он больше не пытается за ней ухаживать, а ведь с начала вечера буквально не отходил. «Приличные подарки» служат не-двумысленным посланием...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Еще одна странность: обрывать флирт на середине. За мужчинами — да и дамами — такого как-то не водится. Объяснение, конечно, подыскать можно: скажем, он не знал, что это дочки Интагара, а потом ему кто-то рассказал, и он испугался, что неудивительно. Интагар, дворянин как-никак, вынужден отпускать дочек на балы — но там всегда есть его люди, которые за ними присматривают. Даже Лемар не рискует за ними ухаживать. Мотив как мотив. Вот только мне больше нравится другая версия... Он — непрофессионал. Ему дали разовое поручение, вполне возможно, навязали, ему это крайне не по душе, опять-таки из-за того, что пришлось иметь дело с дочкой Интагара. И он, поручение выполнив, с превеликим облегчением подался в сторонку...

— Что ты намерен делать?

— Как это — что? — Сварог даже чуточку удивился. — Прикажу, чтобы его тихонечко, незаметно для всех, взяли и отправили во флигель. Вызову Интагара и душевно поговорим втроем. Флигель уже почти полностью обустроен...

— А если он ни в чем не виноват, и здесь какое-то причудливое стеченье обстоятельств?

— Добрая ты у меня... — сказал Сварог. — Вита, ситуация такова, что про доброту, как частенько случается, приходится забыть. Если ни в чем не виноват — выпустим, придумаю что-нибудь в виде вознаграждения за перенесенные неприятности: ну, золото, чин капитала досрочно, а то и камер-юнкерство... Ладно. Времени у нас в запасе пока что достаточно, но лучше не медлить. Отведи Велеретту в сторонку, так, чтобы никто не слышал. Скажи, чтобы подошла ко мне и прихватила подарок. Ну, конечно, скажи ей, кто я.

— Ох... Ты и ее намерен допрашивать?

— Не смотри на меня так, — сказал Сварог. — Уж ей-то я не собираюсь причинять никаких неприятностей, наоборот. Но подарочек нужно у нее выманиТЬ, не мешкая. Действуй.

— Есть, генерал! — Яна отдала честь на ронерский манер (энергичное движение правой руки, ребром ладони к сердцу), встала и направилась к игрокам.

Сварог налил себе еще вина. Неприятно чуточку, что этого субъекта прохлопала его собственная служба. Академию Боярышника держало под присмотром подразделение восьмого департамента — здесь бывали его сотрудницы, а уж когда стало известно, что намерена бывать и Яна... Внешней охраны в лице многочисленных «лакеев» недостаточно, он завел еще и внутреннюю. Вон тот обаятельный лейтенант Черных Егерей и не менее обаятельный виконт, классический светский хлыщ — но оба неглупы, наблюдательны, решительно действовать в случае чего смогут. Сварог их по размышлении взял исключительно на тщеславии: под обещание строжайше хранить тайну, рассказал, кто такая Яна и какие обязанности им предстоит выполнять. Как он и рассчитывал, оба преисполнились нешуточной гордыни, узнав, что им предстоит стать тайными телохранителями императрицы — и от всякого жалованья отказались прямо-таки с негодованием.

То же подразделение проверяло всех, кого Канилла принимала в качестве новых членов. Проверяли и этого мушкетера. И не нашли ровным счетом никакого компромата. «Типичный представитель своего класса», как выразились бы советские пропагандисты. Фамилия старая, семья более-менее зажиточная, хотя до магнатов никак не дотягивает, лейтенант любит перекинуться в картишки, и в кости, и в «гусек», имеет долги, не особенно и большие (но это среди гвардейцев не редкость), по части женского пола предприимчив, что опять-таки в Гвардейских традициях, все. А впрочем, винить тут некого. Ситуация не вполне подходит под определение «прохлопали». Иного агента просто невозможно засветить и лучшим специалистам, пока он не начал работать. Перед нами, похоже, именно такой случай...

Он поднял голову — к дивану подошла Велеретта Интагар с синей коробочкой в руке, остановилась перед Сварогом, взглянула вопросительно.

— Садитесь, лауретта, — сказал Сварог.

Она села, аккуратно сдвинув колени, как школьница в классе, одернула платье, насколько это было возможно. Сказала с легким оттенком робости:

— Баронесса Вальмер сказала, что вы хотите со мной поговорить...

— Да, — сказал Сварог. — Заранее прошу прощения, если разговор вам придется не по вкусу, но я, поверьте, вынужден... Ради вашего же блага, может, вы потом с этим согласитесь... Ретта, я ни за что на свете не стал бы вмешиваться в ваши личные дела просто так, но ведь король, считается, некоторым образом отец всем своим подданным. Вы согласны?

— Безусловно, ваше величество, — сказала она (судя по глазам, все еще ничего не понимала).

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Позвольте уж чисто по-отцовски... Речь пойдет о вас, вашей сестре и ваших кавалерах. Честно признаться, я все о вас знаю. Такова уж королевская доля — все знать... Вы хотите что-то сказать?

— Ваше величество... — сказала она робко. — Но ведь ничего предосудительного в этом нет. Это жизнь, мы уже взрослые... Фионелла и Каррет обручены уже по всем правилам. У нас с Миталом тоже все серьезно, мы уже... — она опустила глаза, чуть зарумянилась. — Митал собирается просить моей руки...

Сварог сказал наставительно:

— Вот на этом обручении вы с сестрой, простите за вульгарность, и погорели...

— Как это?

— Ваш отец — умнейший человек и старый полицейский, — сказал Сварог. — Он вмиг сообразил, что подобные предложения никогда не делаются с бухты-бараходы, в результате полыхнувшей, как молния, любви с первого

взгляда. Вокруг нас — жизнь, а не любовный роман... Он пришел к выводу, что предложению непременно должно было предшествовать нечто, что он проглядел. Теперь понимаете? Может, представите себе и дальнейший ход его мыслей? В конце концов, вы его знаете гораздо дольше, чем я, вы как-никак его дочь...

— Я, кажется, понимаю, — сказала Велеретта. — Он теперь начнет подозревать, что и у меня есть... отношения...

— Позвольте мимолетный комплимент? Мне кажется, вы не только красавица, но и умом пошли в отца. Однако вынужден вас поправить. Не «начнет». Насколько я его знаю, уже начал. И за вами наверняка уже топает больше опытных сыщиков, чем за каким-нибудь крупным шпионом. К чему это я? Да к тому, чтобы вы с вашим Миталом соблюдали предельную осторожность.

— Мы и так...

— Доведите осторожность до крайнего предела, — сказал Сварог. — С вашим отцом иначе нельзя. А совсем хорошо будет, если ваш Митал как можно быстрее попросит вашей руки — тогда всякая опасность для него исчезнет. Как можно быстрее. Он согласится?

— Конечно! Он сам очень настойчиво предлагает, — она вновь опустила глаза. — Это я чуточку тяну, мне как-то страшновато — и замужество, и совершенно новый образ жизни...

Женщин понять невозможно, в который раз констатировал Сварог. Спать вместе уже не страшновато, а вот замужество пугает. Пойми их...

— Ретта, вы уж как-нибудь постарайтесь эти страхи побороть, — сказал Сварог. — Для вашей же пользы. Я вижу, его сегодня с вами нет?

— Он дежурит по полку. До 7 утра.

— Найдете способ завтра с ним встретиться?

— Конечно...

— Вот и изложите ему ситуацию. На меня ссылаться не стоит, выдайте это за собственные размышления

и тревоги. И пусть немедленно делает предложение. Тогда я буду за него спокоен. Мне говорили, он неплохой человек и толковый офицер, не хотелось бы, чтобы с ним что-то случилось. А зная вашего отца... Вы сделаете, как я сказал?

— Конечно, ваше величество.

— Вы, часом, не сердитесь, что я так бесцеремонно вторгся в ваши сердечные дела?

— Ну что вы! — воскликнула Ретта. — Совсем наоборот. Я вам очень благодарна, я сама и не подумала о таких вещах...

Сварог усмехнулся:

— Если вы — дочь министра тайной полиции, вам следует думать о вещах, которыми обычные девушки не задаются...

— Мне как-то раньше не приходило в голову... Спасибо, ваше величество.

Ну вот, момент самый подходящий. Сварог сказал небрежно:

— Да, вот что еще... Вы мне не одолжите на пару дней ваш подарок? Я хочу заказать копию — тоже собрался сделать подарок, но таких вот украшений с камешками мне в лавках что-то не попадалось. Не сомневайтесь, я обязательно верну.

— Я и не сомневаюсь, ваше величество, как можно... — Ретта подала ему коробочку с некоторым сожалением в глазах — видимо, вещица ей понравилась, как и многим другим.

— Красивая вещь, — сказал Сварог. — Что вы с ней собирались делать?

— Повесить на стену в своей комнате, конечно. Там есть ушко.

— Ну да, разумеется... — сказал Сварог. — Ну что же, идите, веселитесь, только не забудьте нашего разговора и сделайте все, как мы договорились. Тогда я буду совершенно спокоен за вашего Митала.

Она робко улыбнулась:

— А уж как я буду спокойна... спасибо, ваше величество, вы были так добры...

Встала и отошла к одному из столиков с вином. Раскрыв коробочку, Сварог долго смотрел на загадочный диск с выгравированным гербом Интагара, окруженным кольцом полупрозрачных, медово-желтых камешков. По правде говоря, тупо пялился — никаких догадок не приходило в голову, ни одной толковой мысли. Какая-нибудь п о д с л у ш к а, излаженная неведомыми умельцами? Но ведь заранее должно быть понятно, что висеть ей не в кабинете Интагара, а в комнате его дочери. Что еще? Ну никаких догадок, хоть волком вой от бессилия и умственной импотенции...

Он поднял голову, когда раздался взрыв ликующих возгласов и рукоплесканий, быстро определил, что они адресованы белокурой подруге Элкона, явно оказавшейся победительницей в этой непонятной игре. Опустил коробочку в карман камзола и решительно встал.

Глава V

«КАМЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА»

Вышел в широкий роскошный коридор, подошел к высокому стрельчатому окну, смотревшему на зады. Флигеля отсюда прекрасно видны. В том, что справа, горит свет во всех, тщательно зашторенных окнах, по мощеной дорожке ко входу идут шесть человек, попарно несущих длинные ящики. Спецслужбы в авральном темпе обустраиваются. Уардах в двухстах, в парке, нашлась отличная лужайка, довольно обширная, туда удобно сажать ставшие невидимыми летательные аппараты ларов. Все-таки идеальное место для резидентуры.

Справа, уардах в десяти, возле красивой статуи из фиолетового с черными прожилками шерритского мрамора (типичный для дворца сюжет — храбрый охотник упер рогатину в грудь взмывшему на дыбки пещерному медведю), стоял «лакей» в ливрее цветов герцогини. Как и полагается вышколенному лакею, замер словно статуя, опустив руки по швам, глядя перед собой в ожидании, когда кому-то понадобится.

Сварог легонько поманил его пальцем. «Лакей» монументально ожила, быстро подошел, глянул вопросительно и тихо произнес:

— Господин генерал?

— Интагар мне нужен во флигеле, — сказал Сварог. — Пошлите за ним верховых, он либо дома, либо во дворце...

— Нет необходимости. Интагар и так во флигеле, присматривает за обустройством. Кажется, намерен там и ночевать.

Ситуация, подумал Сварог не без некоторой игривости. Доченьки в крайне предосудительных с точки зрения строгого отца нарядах весело проводят время — а строгий отец пребывает в двух шагах, ни о чем не подозревая. Ну, субординацию он понимает четко, ни за что не пойдет во дворец, куда не приглашен — а его людей во дворце нет и быть не может.

— Во флигеле? — сказал он. — Отлично. Тогда вот что... Один из гостей, лейтенант Смарагдовых Мушкетеров, вам знаком?

— Маркиз Чендор? Разумеется. Досье на него есть — как на всех прочих, на которых приказано завести досье. Вы что-то хотите знать?

— Нет, — сказал Сварог. — Мне нужно, чтобы вы как-то выманили его из зала, в зяля и так, чтобы никто не заметил. Немедленно. Сумеете?

— Конечно, господин генерал, — ответил тихарь из восьмого департамента словно бы с некоторой обидой на то, что были высказаны сомнения в его квалификации. Задумался на несколько секунд. — Так... Я ему скажу, что его конь сорвался с привязи, носится по парку, затевает драки с другими жеребцами, никому не дается в руки. Такое случается. А конь у него и в самом деле норовистый...

— Отлично, — сказал Сварог.

— И потом?

— Сдадите его Интагару. Скажите, что я скоро приду, и мы вдвоем будем его допрашивать. А для начала пусть Интагар на нем испробует парочку стандартных полицейских приемчиков. Типа «Попался, наконец, сволочь!», «Нам всем известно, говорить будешь, или шкуру с тебя

драть?» Ну, Интагар знает... А потом... Помариновать его где-нибудь под замком... хотя, насколько я знаю Интагара, он уже и камеры в подвале оборудовал. Если так — в камеру. По дороге — пару подзатыльников, чтобы гонор сбить... Действуйте.

— Слушаю, господин генерал!

Тихарь проворно нырнул в зал, где уже откатывали столик в угол, на прежнее место — видимо, вновь ожидались танцы. Сварог видел, как он бесплотным духом скользнул к лейтенанту, что-то почтительно ему сказал с обеспокоенным лицом, и лейтенант, похоже, крепко выругался про себя, направился следом за «лакеем» к противоположной двери. Все в порядке, уж эти ребята вмиг повяжут, как пучок редиски...

И хотя впереди простиралась совершеннейшая неизвестность, Сварог резко повеселел — наконец-то после долгого периода беспомощных наблюдений и констатации фактов начались активные действия. Уже что-то...

Гости разбивались на пары. Ускорив шаг, Сварог успел как раз в тот момент, когда неотвязный «пушкарь-лошадник» подошел к Яне, но еще не успел сделать предписанные этикетом жесты, приглашавшие к танцу. Тронул его за локоть:

— Тысяча извинений, капитан... Не уступите ли танец? Вы же понимаете, мужу после продолжительной разлуки хочется потанцевать с женой...

Капитан молча поклонился и отступил. При других обстоятельствах дело так просто не кончилось бы, но в таких вот случаях вступать в пререкания с законным мужем и уж тем более вызывать его на дуэль означает стать всеобщим посмешищем. Так что Сварог правильно все рассчитал.

Заиграла музыка — ну, это мы умеем... Приходилось танцевать, и именно с Яной — излюбленная в Каталауне (больше в тамошних городах) «Баллада о неразумных игроκах».

— Иные сядут за картишки —
что им беседы, что им книжки —
дела забыты и детишкі!
Не редкость также дураки —
отъявленные игроки.
Кому без их игорной страсти
нет в жизни радости и сласти...

Это было что-то вроде здешнего шейка, половина заданных фигур, половина — импровизация. Яна, грациозная и прекрасная, четко отбивала каблучками ритм, посыпая Сварогу обольстительные взгляды, хулиганка такая, волна золотых волос взметалась над обнаженными плечами, взлетал подол платьица так, что чертовски хотелось плюнуть на все расследования и увести ее на верх — чего он, конечно, не мог себе сейчас позволить: марш вперед, труба зовет, черные гусары...

Глянув через ее плечо, он увидел в дверях тихаря, перехватил его взгляд, и тот чуть заметно кивнул — значит, все прошло гладко...

*Бывает часто с игроком:
сел богачом — встал бедняком.
Кто карты взял, прельстясь наживой,
тому не знать игры счастливой.
Игра азартная грешна:
она не Богом нам дана —
ее придумал Сатана!*

Он постарался хоть на несколько минут отрешиться от забот, изо всех сил пытался соответствовать партнерше. Нельзя сказать, чтобы он танцевал плохо — но по сравнению с Яной все равно выглядел дрессированным медведем, каких фогороши водят по ярмаркам.

— Кто любит сам с собой играть,
не будет со стыда сгорать.

*Встал должником из-за стола,
и не побьют его со зла...*

Он протанцевал с Яной еще два танца (капитан, оставил всякие поползновения, держался в сторонке), столь же быстрых. Потом свет пригасили, раздалась медленная, томная мелодия фальтарады — самого близкого к танго из покинутого Сварогом мира таларского танца, по неведомым причинам тоже отнесенного к простонародным (каковые на балах Империи, в отличие от земли, танцевали часто и охотно).

Яна колыхалась в его объятиях, склонив голову ему на грудь, а поскольку стоял полумрак, ладони Сварога, что греха таить, никак не могли определиться с границами талии.

— Положи руки, куда следует, — шепнула Яна. — Я же тоже не железная, а до конца вечера столько времени...

Он подчинился.

— Ты как-то резко повеселел...

— Яночка, мы наконец-то стронулись с места, — так же тихо ответил Сварог. — А это уже кое-что...

— Тем не менее ты не спешишь во флигель...

— Тактика допроса, — сказал он. — Пусть посидит и помучается неизвестностью.

— Мне бы тоже хотелось пойти...

— Не стоит, — серьезно сказал Сварог. — Интагар будет держаться скованно, ты его стеснишь своим присутствием. В его представлении императрица обязана пребывать в недосягаемых высях и выслушивать доклады.

— Когда мы с ним общаемся во дворце, я что-то в нем не вижу особой скованности.

— Так то во дворце, — сказал Сварог. — А тут — допрос с пристрастием в мрачном сыром подвале.

— Ты же его не стесняешь своим присутствием?

— Ты императрица, а я — король, — сказал Сварог. — Значительная разница. Королям как-то даже и полагается по должности...

После фальтарады он протанцевал с Яной еще быстрый ригодон, выпил у столика бокал вина, посмотрел на часы. С тех пор как лейтенанта повязали, прошло три квадранса — вполне достаточно. Воспользовавшись грязнувшим очередным быстрым танцем, он шепнул Яне:

— Оставьте мне свободное местечко за столом, ладно? Чувствую, могу припоздниться...

Незамеченным покинул зал, вышел через парадный вход направился к флигелю. Уже на крыльце спохватился, движением руки и коротким заклинанием убрал маску — вестибюль охраняли верзилы из его спецназа, ребята решительные и магией не владевшие, так что был реальный риск до полного выяснения схлопотать по организму. А так — обошлось, узнали, пропустили и показали, куда идти.

Кабинет Интагара оказался обставленным уже полностью: полка с бумагами, железный ящик с хитрым запором для особо важных дел, компьютер. Сварог сел напротив верного бульдога, спросил:

— Как он там?

— Должно быть, ему невесело, — сказал Интагар с подобием улыбки. — Камеру для ожидания мои ребята оборудовали на совесть: окна нет, каморка мрачная и сырая, всей мебели — ворох грязной соломы. Они туда даже парочку здоровенных крыс запустили, для пущего колорита. Классическое «мрачное узилище», дальше некуда.

— Ну, с крысами они, может, и перегнули палку, — задумчиво сказал Сварог. — Хотя... Ладно, пусть остаются крысы. Колорит так колорит, смотришь, на кого-нибудь из постояльцев как раз крысы и окажут самое большое впечатление — понятно, до экскурсии в пыточную... Ну, а теперь слушайте...

Он изложил всю историю, опуская мелкие подробности. Ничего тут не поделать, о Велеретте умолчать было нельзя. При первом упоминании о ней на лице Интагара мелькнула тень страдальческий грусти, но он, конечно, не

позволил себе вопросов и высказываний, не относящихся к делу. Все ж кремень-человек.

— Вот такие дела... — сказал Сварог, закончив. — Кстати, как он себя вел?

— Да как все они, — сказал Интагар. — Напоминал, кто он таков есть, целый лейтенант гвардии и благородный маркиз, пугал дядей из министерства двора, виселицу всем обещал. Потом получил пару раз по загривку, и крепко, после чего угомонился... опять-таки, как все они. Государь... Я ничего не понимаю. В любом случае, — он посмотрел на стоящую меж ними синюю коробочку с поднятой крышкой. — Эта штука должна была попасть не ко мне в комнату, а к Велеретте...

— Я тоже ничего не понимаю, — сказал Сварог. — И никто ничего не понимает. Дохлое, но утешение... Но что-то же это должно означать, вперехлест через клюз?! Вы слышали что-нибудь о таких вот «тарелочках», украшенных камешками?

— Ни разу. За лавками продолжают наблюдать, но там и «тарелочки», и символы простые, без дополнительных украшений.

— Вот то-то, — сказал Сварог. — У меня те же сведения. И тем не менее эту штуку делали, как говорится, по особому заказу и подкинули именно Велеретте. Что-то это да означает... Ну, не будем ломать голову, пойдемте к постояльцу. Черт, на ногах стоять не хочется, но ведь придется...

— Ну что вы, государь, я все предусмотрел, — заверил Интагар. — Там напротив есть комнатушка для допросов. Опять-таки не похожа на ваш кабинет, но найдется на чем посидеть...

Они спустились в длинный подвал (целиком отданый под «хозяйство Интагара», потому что двум другим спецслужбам был без надобности, а если и им понадобятся «камеры ожидания», то у Интагара их с дюжину, всем хватит). Свернули направо, прошли по широкому чистому коридору, ярко освещенному карбамильски-

ми лампами. Справа и слева как раз и располагались камеры — судя по низеньким дверям с зарешеченными окошечками. Коридор кончался свежепостроенной деревянной стенкой, в которой имелась дверь без замков и засовов (Сварог без объяснений догадался, что за ней).

Остановились у последней двери справа, возле которой торчал верзила с примечательной физиономией, в простом сером кафтане, оттопыренном с двух сторон какими-то служебными инструментами. Вытянулся, как уж умел, при виде начальства.

— Как он там? — тихонько спросил Сварог.

— Поначалу в дверь колотился и орал, — так же тихо доложил верзила. — Сначала пужал по-всякому, грозился, потом стал предлагать бешеные деньги, чтобы я его выпустил. Ну, а там устал и угомонился, как завсегда оне...

Сварог заглянул в маленькое окошечко. Такой роскоши, как карбамильские лампы, в камере не полагалось, и она освещалась простой масляной коптилкой, прикрепленной к стене как раз над приготовленным для «постояльца» «ложем». Так что Сварог пленного разглядел хорошо: тот, очевидно устав торчать на ногах и смирив гордыню, сидел на охапке грязной соломы, уронив руки на колени, повесив голову — едва ли не точная копия картины под названием «Узник в безнадежности», принадлежавшей кисти кого-то из мастеров прошлого (Сварог ее видел в Равене в собрании графа Дино). Одним словом, клиент понемногу дозревал — все же в тайной полиции знали свое дело, такая камера чего-чего, а оптимизма заведомо не прибавляла...

— Откройте! — распорядился Сварог.

И широкий засов, и дверные петли оказались смазаны на совесть — засов отодвинулся практически бесшумно, и так же без малейшего скрипа, совершенно неожиданно для узника, распахнулась дверь. Вот тут они недодумали, понял Сварог, входя вслед за Интагаром в низкую,

(затылок едва не царапает сводчатый потолок) камеру. И дверные в петли, и засов должны скрипеть — громко, пронзительно, мерзко. Надо будет указать на недочет. И продумать что-нибудь, чтобы в камерах отвратительно воняло — колорит так колорит...

Впрочем, и так уже явственно пованивало — парашу не поставили, и постоялец, видимо, не вытерпев, ходил по нужде в дальний угол. Сварог хмыкнул — увидел двух сидевших там бок о бок большущих серых крыс, настороженно следивших за вошедшими.

Лейтенант вскочил с грязной соломы, словно подброшенный сильной пружиной, заорал на Интагара:

— Убейте крыс, твари, я их боюсь!

— Вообще-то гвардейскому офицеру стыдно должно быть бояться крыс, мышей и прочих насекомых, — сказал Сварог, становясь рядом с Интагаром. — А еще кого — или чего — вы боитесь, любезный? Что-то мне стало интересно...

Лейтенант оторопело уставился на него — и, судя по глазам, безусловно узнал. Среди допущенных ко дворцу он не числился, но Сварог несколько раз принимал парады гвардии в те или иные торжественные дни, традиционно присутствовал потом на обедах, и уж кто-то, а гвардейские офицеры в Латеране поголовно должны были знать его в лицо.

— В-ваше величество...

— Да? — вежливо спросил Сварог.

Лейтенант, сразу видно, отчаянно подыскивал слова — и у него с этим не ладилось. Наконец он с цыганским надрывом в голосе воскликнул:

— Ваше величество, за что? Восемь лет безупречной службы, три медали, одну вы сами вручали, дядя в Министерстве дворца...

— Министром? — все так же вежливо поинтересовался Сварог.

Лейтенант машинально ответил:

— Нет, секретарь в третьем департаменте...

То есть, мысленно уточнил Сварог, в переводе на военные чины — сержант. А занимается Третий департамент вещами довольно непrestижными: канализацией, водопроводом, освещением территории за пределами дворцовых зданий...

— Ну что ж... — сказал Сварог. — Пойдемте беседовать по душам?

И первым пошел к двери. Верзила проворно сцепал лейтенанта за шкирку и протащил следом — еще одна деталь колорита, *к л и е н т* не должен ходить своими ножками, не на курорте...

Комната напротив была, конечно, комфорtabельнее — но исключительно в сравнении с камерой. Окошко имелось — маленькое и под самым потолком. Из мебели — добротно сработанный, но весьма неказистый стол и такие же стулья — неподъемные, какие ставят в дешевых кабаках, где то и дело случаются драки. Использовать такой стул в качестве подручного предмета по силам только людям богатырского сложения.

Сварог взглядом приказал Интагару сесть за стол, кивнул верзиле. Тот толкнул подконвойного на стул и остался стоять за спиной, грозно и шумно сопя. Сам Сварог закурил, прошелся по комнате, повернулся к лейтенанту:

— Тянуть кота за хвост не будем — бедная животинка ни в чем не виновата... Нам нужно знать одно: кто вам поручил преподнести такой подарок лауретте Велеретте Интагар? То, что вы мне преподнесли в качестве объяснения, — вранье от начала и до конца. Убедительная просьба его не повторять, иначе приятный молодой человек у вас за спиной может и по шее приложить... Итак?

Пожевав губами, обшарив комнату испуганным взглядом, лейтенант поднял глаза на Сварога, сказал прямо-таки проникновенно:

— Да, соврал, но это же не преступление... — перевел взгляд на Интагара. — Господин министр, можете злиться, но мне очень нравится ваша дочь. Очень. Ничего грязного у меня и в мыслях не было. Она ведь взрослая, разве

это извращение — поухаживать за девицей с соблюде-
нием всех приличий? Ну да, я не сам все придумал. Рас-
сказал дяде, он и посоветовал сделать «приличный пода-
рек», он купил эту штуковину, отдал граверам, — вновь
уставился на Сварога. — Поймите, ваше величество...
Стыдно было бы рассказывать совершенно чужому чело-
веку, что я, офицер, гвардеец, оказался чем-то вроде ре-
бенка, которого водили за ручку... Вот и все.

Сварог несколько раз ему поапплодировал, довольно
громко. Сказал:

— Неплохо придумало и гладко изложено. Наверня-
ка заранее придумали, не в камере?

Инtagар вопросительно глянул на него.

— Врет, стервец, — сказал Сварог. — От начала и до
конца. Любезный мой! Вы же столичный житель, гвар-
деец... Неужели не слышали, что король Сварог наделен
умением безошибочно определять, когда ему врут, а ког-
да говорят правду? Ну ладно, потратим пару минут, что-
бы окончательно вас убедить. Я буду задавать вопросы, а
вы всякий раз отвечайте «да». Начали? Балуете с мальчи-
ками?

— Да.

— Врете. Бордель «Улыбка дриады» навещали?

— Да.

— Не врете. Любовником Маргилены Дино были?

— Да.

— Врете. Иностранные награды имеете?

— Да.

— Врете. В «гуськи» играть умеете?

— Да.

— Не врете. Ну что, достаточно? Убедились, что ника-
кая ложь не прокатит?

Уставясь на носки своих сапог, лейтенант проворчал:

— Я думал, врут... Мало ли что про вас болтают...

— Вот и отлично. Так что рассказывайте: кто, как, когда...

Лейтенант вскинул на него глаза, уже с некоторым от-
тенком наглости спросил:

— А что я сделал преступного? Подарил девушке дешевенькую безделушку. Даже этикет не нарушен, не говоря о законах...

Сварог подошел к нему вплотную и холодно сказал:

— Подробности вам знать не стоит. Скажу одно: вы ненароком вляпались в историю, по сравнению с которой обычная государственная измена покажется детской игрой в камушки. Затронуты интересы не только моих королевств, но и Империи. Слово короля, так и обстоит. Или вы полагаете, что король солжет касательно своего слова перед таким ничтожеством, как вы?

— Нет, — угрюмо пробурчал лейтенант. — Королевское слово — всегда королевское слово...

— Рад, что вы это понимаете. Судя по тому, как вы мнитесь, то, что вы только что рассказали, было единственным оправданием, заготовленным заранее. Но какое это имеет значение, если я вмиг отличу правду от лжи? — он повысил голос. — Рассказывайте!

— Нечего рассказывать...

Сварог пожал плечами:

— Я не намерен тратить время впустую... — посмотрел на верзилу. — Покажите гостю нашу мастерскую...

Верзила вмиг сдернул лейтенанта со стула, вытащил в коридор, распахнул третью дверь и, как котенка, зашвырнулся лейтенанта туда. Ухитрившись удержаться на ногах, лейтенант обвел «мастерскую» паническим взглядом.

Обширное помещение, ярко освещенное карбамильскими лампами, человеку в его положении душевного спокойствия не прибавляло, как раз наоборот. Великолепно оборудованная пыточная: классическая дыба, столь же испытанная временем скамья для растягивания, вороха зловещих приспособлений...

Сварог взял со стола песочные часы в оправе из темного дерева, показал лейтенанту:

— Вы тут пока осмотритесь, здесь немало интересного, а мы подождем за дверью. Ровно пять минут. Если

и после этого будете запираться, придут мастера добиваться правды...

И вышел вместе с остальными, захлопнул дверь, перевернул часы, поставил на пол. Тонкой золотистой струйкой песок потек в нижнее полушиарие.

Интагар тихонько сказал:

— По-моему, он опомнился от первого потрясения и помаленьку обретает уверенность в себе. Как-никак не книжный червь — гвардеец, бретер, одна военная кампания за спиной... Может и вспомнить...

Сварог его прекрасно понял. Пыточная была чистейшей воды бутафорией, с помощью которой предполагалось психологически ломать людей не стойких духом. То есть все жуткие приспособления были настоящими, но применять их здесь Сварог не имел права. Две самых больших и сильных державы континента еще до его появления сделали шагок к гуманизму: в Снольдере пытки запрещены королевским указом лет тридцать назад, в Ронеро — несколькими годами позже. Полиция, конечно, била, бьет и будет бить — кулаком и сапогом по организму, толстенным фолиантом без обложки по башке, охаживать зашитым с обеих сторон голенищем сапога, куда насыпан песок. Но пытки с помощью прежних орудий запрещены — есть законы, завизированные Канцелярией земных дел, которые и Сварогу не следует нарушать. Правда, у него остается патриархальный Глан, где до такого гуманизма пока что не докатились, и лету туда часа два...

— Глан, — усмехнулся Сварог.

— Да, действительно, как-то забыл... Значит, вы уже выбрали м е т о д?

— Конечно, — сказал Сварог. — Но это будет не Глан...

С некоторых пор он применял два метода допроса. К Одноглазому отправлял только тех, кто совершил что-то гнусное — наподобие мерзавца Сувайна и ему подобных. Всем остальным попросту заливали в глотку «эликсир правды». Но и в этом случае придется

ждать с полчаса, пока сверху не прилетят два специалиста. В свое время Сварог не без удивления обнаружил: в отношении «эликсира правды» действуют правила даже построже тех, что в Советском Союзе касались казенного спирта. Даже он, глава департамента, не может держать эликсир при себе — непременно нужно вызывать тех двух несуетливых и хватких молодых людей.

— Пять минут прошли, ваше величество...

— Ну, тогда пошли, — сказал Сварог, распахнул дверь и вошел первым.

Лейтенант, стоявший на прежнем месте, обернулся к нему:

— Ваше величество, пытки у нас запрещены! О каком бы преступлении ни шла речь!

Вспомнил, ага... Поморщившись, Сварог прошел к столу, взял лежащую с краю затейливую железную штуку, предназначенную для действий, о которых к ночи лучше не вспоминать, повертел в руках, бросил назад:

— Мерзость какая... Любезный, вы забыли одно немаловажное обстоятельство: я еще и гланский король. А там пыточная работает столь же исправно, как кабаки... Самолеты в Латеране всегда наготове, лететь всего-то часа два... Заодно и на самолете прокатитесь, никогда ведь раньше не доводилось? А в Глане познакомитесь с интересными людьми, напрочь лишенными доброты и сентиментальности — служба такая...

Он говорил равнодушным, даже чуточку скучающим голосом — Интагар давно объяснил, что именно такой тон действует гораздо эффективнее, чем рявканье и стук кулаком по столу. И с холодным удовлетворением видел, что лейтенант начинает *л о м а т ь с я*, осознавать помаленьку свое безвыходное положение...

Когда Сварог увидел, что клиент, очень похоже, доведен до нужной кондиции, спросил чуть ли не ласково:

— Ну что, идем к самолетам?

С видом что-то решившего для себя человека лейтенант вскинул на него глаза, полные яростного желания взыграть с я, махнул рукой:

— А! В конце концов этот мерзавец — мне не брат и не друг...

— Это еще больше облегчает дело, — кивнул Сварог. — В самом деле, несправедливо будет, если с вас примутся драть шкуру, а он будет на свободе пользоваться всеми благами жизни. При том, что закоперщик — он, а вы не более чем исполнитель, верно?

— Верно! — лейтенант отчаянно закивал. — Верно! Ваше величество... А что будет, если я...

— Расскажете абсолютно все? — понятливо подхватил Сварог. — Ничего вам не будет. Совершенно. Слово короля. Правда, в интересах дела придется посидеть под замком несколько дней — но уже в лучших, чем в той камере, условиях.

— Но в полку...

— В полку будут думать, что вас куда-то послали с секретным королевским поручением, — сказал Сварог. — Гвардейским офицерам не так уж редко поручают такие миссии, никто не удивится... Ну что, пойдемте, поговорим?

Лейтенант первым, чуть ли не рысцой направился к двери. Едва плюхнувшись на кабацкий стул, заговорил:

— Вы совершенно правы, ваше величество, я просто исполнитель, у меня не было другого выхода, он меня загнал в угол...

Сварог поднял ладонь:

— Давайте без ненужных эмоций. Он загнал вас в угол... Кто?

— Коринт Бадеш. Это...

Сварог вновь поднял ладонь:

— Я знаю, кто это. Рассказывайте, как все было.

— Мы с ним несколько раз встречались у графа Лакорена. Граф держит «чистый подвалчик». Это...

— Я знаю, что это, — сказал Сварог.

Никакого ребуса. Этакий частный игорный дом, там собирается «чистая публика», достаточно узкий круг, куда шулерам проникнуть трудновато (хотя порой ухитряются, черти), закон против подпольных игорных домов в этом случае бессилен — если «подвальчик» располагается в доме благородного хозяина. У себя дома всякий дворянин волен хоть на голове ходить, хоть играть в азартные игры на деньги с друзьями. Постоянная головная боль полиции — как и с любым игорным домом, с «подвальчиком» связано немало неприглядного, вплоть до убийств прямо за карточным столом — но прикрыть его нельзя...

— Я, можно сказать, обычный игрок, ваше величество, — не сказать, что невезучий, не сказать, что везучий. По-всякому выходит. Вот только раньше все было как-то в меру — и выигрыши, и проигрыши. А в тот вечер я впервые продулся вдребезги, в пух и прах. Мы с Бадешем играли в энуаль. Вы играете в энуаль?

— Нет, — сказал Сварог. — Объясните кратко, в чем там специфика.

— В отличие от других игр, там можно каждую следующую ставку повышать вдвое. Если...

— Я понял, — сказал Сварог, вспомнив покер. — Если выигрываешь, враз возвращаешь проигранное, да еще остаешься с прибылью. Так?

— Именно так, ваше величество. Я повышал, повышал... А козыри никак не приходили. Дикое невезение какое-то — за Бадешем шулерства никогда не замечали... В конце концов, я бросил карты, но к тому времени... он тяжко вздохнул.

— И сколько просадили? — спросил Сварог.

— Две тысячи ауреев золотом. В жизни столько не проигрывал... А самое печальное — пришлось Бадешу выдать «белую» расписку — без даты, он может потребовать уплаты в любой день, хоть и завтра. Представьте мое положение — по глотку в дерьме. Таких денег мне было взять просто неоткуда. Идти играть куда-нибудь еще,

чтобы выиграть, не рискнул — а вдруг опять продуюсь? Родители помогли бы, зайди речь о сотне-другой, пожурили бы крепко, но помогли. Однако две тысячи... Такое вот положение. Или пустить пулю в лоб, или уходить из полка — а куда? С военной службой было бы покончено — с неоплаченным «долгом чести» и в безымянный полк не возьмут, разве что солдатом. Да и на гражданской службе в более-менее приличных местах посмотрели бы косо. Честное слово, оставалось в лучшем случае наняться в охрану в купеческий обоз — там наплеватель, что у тебя за душой, лишь бы хорошо владел оружием. И это в самом лучшем случае... Никогда еще жизнь так к стенке не припирала...

Сварог уже примерно догадывался, что было дальше — но следовало выслушать лейтенанта до конца, чтобы проверить его правдивость.

— Дальше, — сказал он.

— Через день Бадеш меня пригласил пообедать в «Упитанном гусе». А это было вдвойне странно: во-первых, мы до того общались исключительно за картами, во-вторых, не походило, чтобы он собирался требовать долг. Ну подумайте сами: когда это в таких случаях кредитор приглашал должника пообедать в дорогом ресторане, да еще предупреждал, что обед будет за его счет?

— Действительно... — сказал Сварог.

— Где-то к середине обеда он и н а ч а л. Сказал, что слышал краем уха, как я хвастал, что попал в члены Ассамблеи Боярышника. Я ответил, что так оно и есть, и что причины для легкого хвастовства имеются: это очень престижная Ассамблея — из-за графини Дегро и д р у г и х... Вот тогда он и взял быка за рога. Положил передо мной ту коробочку и сказал: он не только вернет мне расписку, но и заплатит еще пятьсот ауреев, если я это подарю Велеретте Интагар...

— Он не спрашивал до того, состоит ли она в Боярышнике?

— Нет, — сказал лейтенант. — Видимо, и так знал. Положил тут же мешочек, сказал, что там те пятьсот ауреев, и я могу их забрать. А расписку вернет, когда дело будет сделано.

— И вы не спросили у него, в чем тут дело? Поручение, в общем, пустяковое, зато плата чрезмерно велика...

— Конечно, спросил, — сказал лейтенант. — Я же не дурак. Вы все правильно подметили, ваше величество: поручение пустяковое, зато плата... Выглядело все совершенно безобидно — но с т р а н н о. С этими купцами можно влипнуть черт знает во что: порой и крупные, с безупречной репутацией, занимаются такими делами, что... К тому же речь шла о дочери господина Интагара. Он сказал, что группа крупных латеранских купцов хочет проложить подходцы к господину Интагару. То, что мне предстоит сделать, — лишь мелкая частичка большого и сложного плана, о котором мне лучше не знать. Действительно, в иные купеческие секреты лучше не лезть, прикончат не хуже бандитов — уж настолько-то я жизнь знаю...

— И вы поверили?

— Да как вам сказать, ваше величество... Сам не знаю. С одной стороны... С другой стороны... Купцы, всем известно, не раз делали подходы к министрам. Правда, неизвестно, что это за мелкая частичка плана за такая. Зачем дарить лауретте безделушки, каких она может сама купить хоть мешок? Но он же дал пятьсот золотых и обещал вернуть расписку... А самое главное — от меня не требовалось ничего противозаконного. Подарить девушке безделушку — и только. Так что я не особенно долго раздумывал, быстро согласился. — Лейтенант криво усмехнулся. — Правда, предупредил его: если не отдаст расписку, я его пристрелю, как собаку. У меня военная кампания за спиной. Мне ничего не стоит... Он сказал, что непременно вернет. Вот и все...

— Так, — сказал Сварог. — Вы должны были только вручить девушке подарок? — он покосился на восседав-

шего с каменным, недобрый лицом Интагара. — Он от вас не требовал, чтобы вы с ней... подружились? Сблизились?

— Ничего подобного! — воскликнул лейтенант, тоже косясь на Интагара. — Сделать подарок, и все.

— Еще что-нибудь рассказать можете? — спросил Сварог.

— Да это все, собственно... — он заторопился: — Ваше величество, можете не сомневаться: если вы нас поставите лицом к лицу, я все повторю...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог, повернулся к Интагару. — На этом можно и закончить, я думаю. Устройте нашего... гостя где-нибудь, где нет ни грязной соломы, ни крыс. Я свое слово держу, лейтенант, но придется уж вам здесь погостить...

Интагар кратко распорядился:

— В четвертую.

Верзила сгреб лейтенанта за шиворот и, поддавая коленом пониже спины, вытащил из комнаты. Интагар с немым вопросом уставился на Сварога.

— На сей раз он говорил чистейшую правду, — сказал Сварог. — Ни капельки не приврал. Все так и было.

— Но з а ч е м? — воскликнул Интагар прямо-таки с тоской. — Две с половиной тысячи ауреев за сущий пустяк...

— Значит, никакой это не пустяк, — сказал Сварог. — Значит, зачем-то очень нужно было, чтобы эта штуковина попала к вам в дом, и не спрашивайте меня, кто такие «они», я сам не знаю, и никто пока не знает... Зачем? А зачем они продают эти хреновины по смешным ценам, хотя они стоят гораздо дороже? Зачем они тратят бешеные деньги на контрабандные пути и взятки, хотя могли бы возить открыто? Одно мы о них знаем: что денег у них куры не клюют, и расставаться с деньгами им совершенно не жаль. Аурике на Сегуре они предлагали тридцать тысяч золотом. С купеческими делами и настоящей контрабандой такое поведение

не имеет ничего общего. Ладно, отбросим эмоции. Бадеша, я считаю, нужно брать, и немедленно. Даже если он не главарь, которого мы ищем, все же не последняя спица в колесе.

— Вот и я так думаю...

Сварог уселся на только что покинутый лейтенантом стул, закурил, пустил дым к потолку. Подумал немного и сказал:

— Вот только есть одна загвоздка... Взять паршивца нетрудно — но нужно сделать так, чтобы некоторое время никто об этом знать не знал — иначе сообщники всполошатся, это классика. Затаится по углам... Где он сейчас, кстати? Если разъезжает по делам, ситуация упрощается: можно и «нападение разбойников» оформить, и кораблекрушение...

— Он сейчас в Латеране, — сказал Интагар. — Но не у себя дома. Еще до сумерек уехал к любовнице. Приследить не составило бы особого труда даже неопытным сыскарям — он ничуть не скрывается, о ней многие знают. И принимают, как должное — в конце концов он вдовец и вовсе не стар... Раньше утра он от нее не уедет. Домик в тихом, приличном месте — квартал Деррери. У дворян престижем не пользуется, но там живут члены Сословий — те, что без гербов — и высших Гильдий. Небольшие, но уютные домики, все с небольшими садами и парками. Брать человека в таком месте, особенно на рассвете, когда сон особенно крепкий — одно удовольствие. Все можно проделать тихо, и не будет свидетелей. Но, вы совершенно правы, арест нужно как-то скрыть... — он неуверенно спросил: — Может быть, пожар? Все сгорели. Невостребованных жмуриков в божедомках девять некуда, кто их там опознает, когда будут похожи на головешки...

— Ну что вы такое говорите, Интагар... — поморщился Сварог. — Поджигать что-то в Латеране? История нам этого не простит. Точнее, мне. Люди вашей профессии частенько в историю, на скрижали, так сказать, не попа-

дают, а вот мне этого, увы, не избежать. И если кто-то потом дознается... Короля Гартелла историки полторы сотни лет полощут за то, что он во время очередной войны за Латерану плохо проинструктировал своих пушкарей, и они сожгли два дома на окраине, причем это были не шедевры архитектуры...

— Это шутка, ваше величество?

— Самую чуточку, — сказал Сварог. — Есть более серьезные возражения. Мне тут пришло в голову... Никого не удивит пожар в борделе, в дешевом кабаке и тому подобных непрезентабельных местах. А вот пожар в тихом и спокойном квартале Деррери привлечет внимание и вызовет толки.

— Вы правы, государь, я как-то не подумал...

— Значит, надо искать что-то другое... — задумчиво сказал Сварог. — Давайте добросовестно поломаем голову...

Молчание длилось меньше минуты. Интагар вдруг форменным образом просиял:

— Государь, да не нужно ломать голову! Есть отличный способ! Как я, дурак, сразу не подумал...

— Ну-ка?

— Его любовница — вдова очень интересного субъекта. Был членом Сословия Мер и Весов, для отвода глаз держал два больших магазина — овощи-фрукты и табак. Но главным его занятием было тайное ростовщичество. Каковое, вы, должно быть, сами знаете, считается уголовным преступлением...

— Знаю, — фыркнул Сварог. — И крепенько подозреваю, что этот закон в свое время протолкнули банкиры — чтобы только они могли давать ссуды под процент, а конкуренты были бы вынуждены ютиться по темным уголкам.

— Вполне возможно, государь... Так вот, лихварь был не из мелких, работал главным образом с дворянами, и большей частью не из захудальных. Ну, знатные и высоко-поставленные тоже частенько испытывают нужду в день-

гах, а в банк по разным своим причинам идти не хотят. Всякое бывает — ну, например, в прошлом году один юный высокородный герцог заложил у лихваря добрую пригоршню фамильных драгоценностей, в полицию семья обращаться не хотела, дело получилось запутанное и с кровью. В общем, этот тип процветал: особняк чуть ли не в центре города, домик в Деррери, жена-красавица на тридцать лет моложе...

Вот только три года назад его нашли на улице с ножом в спине... Карманы вывернуты, обчистили дочиста, вроде бы обычное ограбление, но знающие люди не сомневались, что его прикончил обозленный кредитор. С лихварями такое случается. Вдова, видимо, о его делишках кое-что знала: продала особняк, магазины и почти безвылазно обитает в Деррери.

— Что-то я не вижу, где тут для нас выгода...

— Я как раз к этому подошел, государь. Понимаете, лихвари никогда не хранят свои денежки в банках. Опасаются полиции Казначейства.

Сварог понятливо кивнул: уж король-то обязан знать такие вещи. Полиция Казначейства гоняла неплательщиков налогов и любителей «черной налички» не хуже, чем их коллеги в США. Любые незаконные доходы конфисковывались до последнего гроша.

— Ну да, — сказал он. — Он не смог бы доказать праведное происхождение денежек?

— Вот именно, государь. Вдова положила в банк — и заплатила с них налоги — только те денежки, что выручила за особняк и магазины. Честнейшая сделка, комар носа не подточит. А вот то, что осталось от мужа, наверняка лежит в надежном тайнике в ее домике. Хватало примеров. Между прочим, кроме обычных для такого домика слуг и служанок, там еще обитают три сущих мордоворота, не особенно убедительно изображающих кто садовника, кто швейцара. Охранники, я уверен. Значит, есть что охранять. Такими лихварями и такими вдовушками всегда интересовалась не только полиция...

— Так, — сказал Сварог. — Я, кажется, понял... Незадолго до рассвета в домик нагрянули «ночные портные», слугам дали по голове и связали, а вдовушку увезли, чтобы в спокойном mestечке вдумчиво расспросить про тайник. Это были умные воры-разбойнички и прекрасно понимали, что искать тайник самим, в спешке — слишком трудная задача. Ну, а заодно прихватили и Бадеша — коли уж спит с хозяйкой, может знать что-то про тайник. Правильно я догадался?

— Совершенно правильно, государь. Такие вещи до сих пор случаются, хоть и реже, чем в других больших городах. Полиция старается вовсю, выполняя ваш приказ касаемо очистки Латераны. Однако еще никогда в истории не удавалось очистить ни один город от «ночных портных» полностью. Перевяжешь своих — понаедут иногородние... Короче говоря, такое ничуть не удивит людей, особенно тех, кто знает изнанку жизни. А если мы вдобавок распустим соответствующие слухи... Никто ничего не заподозрит, ручаюсь. Даже он и. Не похоже, чтобы они были очень уж могущественны. Пока что я с никаким таким могуществом не сталкивался. Странностей хватает, это да. И необъяснимых пока вещей — тоже.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Пока что это могущество, если оно есть, никак себя не проявило... — он взглянул на часы. — Время позднее, но до рассвета еще далеко... Вы успеете грамотно разработать операцию, чтобы взять их сегодня?

— Успею, государь, — уверенно сказал Интагар. — Смогу. Опыт в таких делах у моих людей есть, план дома имеется, кое-какие сведения о его обитателях собрали. Или вы предпочитаете, чтобы действовали ваши люди?

— Нет, — сказал Сварог. — Я уверен, что вы справитесь... но пару-тройку своих я все же к вашим присовокуплю. На всякий случай. Вы в претензии, часом?

— Ну что вы, государь — сказал Интагар.

Сварог еще неделю назад на всякий случай расквартировал в восьмом департаменте полдюжины мальчишек и

девчонок из того учебного заведения, что окончила Мара. При воспоминании о ней сердце вновь пронзила мимолетная тоска, но некогда было ей предаваться.

— Да, вот что еще, Интагар, — сказал Сварог. — Мои люди вам могут показаться сопливыми мальчишками и девчонками, но поверьте уж: любой из них стоит дюжины ваших.

— Я понял, государь, — наклонил голову Интагар. — Приходилось слышать краем уха о таких «сопляках» и «соплячках», а одну из них мне выпала честь знать... — он словно бы спохватился. — Простите, если я...

— Ну что вы, — хмуро сказал Сварог. — Ничего... — он встал. — Ну, начинайте думать, я пошел...

Он приостановился. Интагар уставился на него как-то странно, с неприкрытым грустью во взгляде. Сварог понял. Подошел к столу и положил верному бульдогу руку на плечо:

— Не бередите себе душу, Интагар. Нет никаких причин. Ассамблея Боярышника — вполне добропорядочное общество, ваши дочери там в полной безопасности. Старшая к тому же с женихом. И все знают, что они — под моим особым покровительством. Будь там хоть капля чего-то... порочного, я бы ни за что не отпустил туда... баронессу Вильмер. Так что работайте спокойно. Если все пройдет гладко и вы привезете Бадеша сюда, передайте моим людям, пусть немедленно меня будят. Я буду ночевать здесь, во дворце. Успехов!

Он вышел на крыльцо, в ночную прохладу, постоял у нижней ступеньки, не спеша выкурил сигарету. Справа загадочными дебрями чернел обширный парк. Слева, совсем близко, во дворце, на втором этаже ярко светились четыре высоких стрельчатых окна парадной столовой, или, как она именовалась в обиходе, пиршественного зала. Никаких занавесей не было — от кого прятаться? — и Сварог с того места, где стоял, прекрасно мог рассмотреть сидящих за длинным столом из темного дерева. Судя по всему, застолье началось совсем недавно, но па-

ру-тройку бокалов уже успели опрокинуть и малость за-веселели. В хлам пьяных, конечно, не будет, на таких за-стольях они редко случаются — при здешнем-то обилии и разнообразии блюд и закусок...

Отчетливо доносились звуки виолона, кто-то пел — вроде бы Гаржак, но слов Сварог не разобрал. Гаржак любил поиграть и попеть на таких вот посиделках, а по-скольку играл и пел он неплохо, его с удовольствием слушали. Наверняка и теперь он. Сварог чуточку расслабился. Приятно было знать, что на несколько часов можно забыть о делах, что сейчас он присоединится к общему веселью, беззаботно проведет время, а потом они с Яной отправятся в комнату для гостей, где он, между нами, музыками, оставит на ней только колготки и драгоценности, что вряд ли встретит протест с ее стороны, она ничего не имеет против разных новшеств...

Правда, прежде чем туда идти, нужно было завершать дела. Он достал «портсигар» и отдал пару распоряжений дежурным восьмого департамента и девятого стола — после чего мог считать себя свободным от всех служебных обязанностей. Ни от него, ни от Интагара пока что ровным счетом ничего не зависело. Все, что они могли, уже сделали. Работа начнется только утром — если все пройдет гладко, и привезут Бадеша...

Он спрятал «портсигар» в карман — другой чуть оттягивала коробка с «тарелочкой». Что до нее, у Сварога начала оформляться смутная, быть может, сумасшедшая идея — но ведь других попросту не было... Решительно направился дворец.

Еще издали, в коридоре, он узнал и голос Гаржака, и «Балладу о Неоткрытом Острове»:

— Он есть на старых картах, он был знаком корсарам...
Как? Остров Неоткрытый? Что? Остров — пилигрим?
Он не стоит на месте, и моряки недаром
заранее не знают, где ждет их встреча с ним.

*Себя благоуханьем, подобно даме знатной,
он выдает. Он рядом, подаренный судьбой...*

*И вдруг он исчезает — прекрасный, непонятный,
уже не отличимый от дали голубой...*

Во главе стола, на дальнем торце, где обычно располагаются хозяин с супругой, сидели Канилла и Вердиана: ну правильно, герцогиня — хозяйка дворца, а Канилла — глава Ассамблеи. У ближнего торца остались свободными с десяток кресел — рядом с Яной Сварог сразу увидел пустое, приготовленное для него. Он тихонько вошел и направился туда за спинами сидящих. Гаржак, стоявший неподалеку от Каниллы, его увидел, но своего занятия не оставил — не те у них были отношения, чтобы граф при виде короля, тем более здесь, вставал навытяжку. Да и маска ему незнакома.

А вот другие... Произошло что-то непонятное. Сварог был еще на полпути — а добрая половина сидевших на противоположной стороне стола вдруг встала и склонилась в поклонах. Те, мимо кого Сварог проходил, стали оглядываться — и некоторые тоже вставали, почтительно кланялись. Все, как на подбор — м е с т н ы е, Сварог узнавал многих, допущенных ко двору. Это еще что такое? Как они узнали? Добравшись до пустого кресла, Сварог прямо-таки плюхнулся в него — Яна тут же склонилась к нему и произнесла, практически не шевеля губами (этим искусством владеют многие при дворах монархов, чтобы, не нарушая этикета, беседовать непринужденно во время каких-нибудь обязательных, скучных и длинных церемоний):

— Ты без маски...

Тут только Сварог спохватился: взволнованный и взбудораженный новостями, обозначившимся следом, просто-напросто забыл надеть «маску», покинув флигель. Ничего удивительного, что земные члены Ассамблеи моментально узнали своего короля...

Воцарилась чуть напряженная тишина, все так и стояли, что до Гаржака, он попросту перестал играть и петь,

и, кажется, с любопытством ждал дальнейшего развития событий. Сварогу стало чертовски неловко: испортил людям застолье...

Тут с кресла встала Канилла, ударила серебряной палочкой в стоящий рядом с ее прибором маленький серебряный гонг — знак главенства. Мелодичный звук разнесся по залу. Не успел он умолкнуть, как Канилла звонко, непринужденно, весело произнесла, очаровательно улыбаясь:

— Дамы и господа! Его величество оказал нам честь, согласившись стать членом Ассамблеи... что ставит нас выше всех прочих Ассамблей, а это приятно, не правда ли? Его величество не хотел бы никого стеснять и потому считает, что можно на время его пребывания здесь значительно урезать обычные правила этикета. Подобное в истории случалось нередко, вспомним королеву Дайни Барг...

И послала Сварогу многозначительный взгляд, явно означавший что-то вроде: ну подыграйте, что вы сидите! Сварог торопливо поднялся и сказал громко:

— Действительно, дамы и господа, здесь так весело, что мне захотелось побывать среди вас и как один из вас. Надеюсь, никто не станет возражать?

На лицах некоторых появились первые неуверенные улыбки. Ну, кажется, лед тронулся и начал таять, с облегчением подумал Сварог. И продолжал:

— Вы мне доставите большое удовольствие, если не будете держаться скованно. Иначе, чтобы не мешать непринужденному веселью, мне придется вас покинуть, а мне бы этого совсем не хотелось, мне у вас очень нравится... Забудьте, что среди вас король, — он широко улыбнулся. — Конечно, не стоит доводить вольность в обращении до того, чтобы хлопать короля по плечу и называть по имени (улыбки стали шире, послышались смешки), но в остальном, я вас душевно прошу — отбросьте всякую скованность. Мне будет приятно.

Он сел. Стоявшие один за другим стали опускаться в кресла. За плечами Сварога бесшумными тенями обозначились лакеи — скорее всего, настоящие, не все слуги здесь были оперативниками. Кто-то знал его вкусы: перед ним, словно из воздуха, возникло блюдо с вальдшнепами под брусничным вареньем, блюдо с тонко нарезанным и невероятно красиво уложенным ноздреватым ратагайским сыром, в бокал зеленоватой струйкой полился «Сильванский ревень».

Гаржак ударил по струнам:

— Надежды прочь, сомнения долой,
забыты и досада, и бравада.
Граница между небом и водой
уже неразличима, и не надо.
По-прежнему свободный свой разбег
сверяя с параллелью голубою,
плывет неутомимый наш корвет,
волнуемый лишь смертью и любовью...

Очень походило на то, что он, моментально оценив ситуацию, подыгрывал Каниlle и Сварогу, добавляя непринужденности. И в самом деле, Сварог с радостью увидел, что застолье понемногу возвращается в привычную колею, безмятежное течение: понемногу к яствам потянулись вилки и ножи, зазвенели бокалы, стала вновь разгораться веселая болтовня. Гаржак, послав Сварогу быструю ухмылку, с замашками опытного менестреля прошелся вдоль стола:

— Воистину ничем не дорожа
за этим легкомысленным занятием,
мы верим, что не будет платежа,
Но если он и будет, мы заплатим...
Чего бояться нам — тюрьмы, тоски,
Ущерба очагу, вреда здоровью?
Но это все такие пустяки
в сравнении со смертью и любовью...

Облегченно вздохнув, Сварог осушил до дна свой бокал. К нему вновь склонилась Яна, спросила тихо, нетерпеливо:

— Ну, что там?

— Пока ничего, Вита, — ответил он так же тихо. — Но если все пройдет гладко, еще до рассвета возьмут человека, который, никаких сомнений, сможет рассказать немало интересного...

...В конце концов вибрация стала настолько сильной, что Сварог проснулся. Перед тем как заснуть, он положил «портсигар» под уголок подушки, поближе к лицу, сначала хотел вообще не спать, но вот сморило. Прочитав сообщение, тихонько выбрался из постели, оделся, не разбудив Яну — она всегда спала крепко. Выскользнул за дверь и едва ли не бегом пошел по коридору — собранный, жесткий, готовый к любым сюрпризам.

Гончие не просто взяли след — догнали зверя...

Утро стояло прекрасное, казалось, весь мир свеж, чист и совершенно лишен грехов и грязи. Ох, если бы...

Инtagар дождался его на крыльце, стоял с крайне довольным лицом. Сварог нетерпеливо сказал:

— Как я понял из сообщения, все отлично. Взяли чисто, я так понимаю. Какие-нибудь текущие соображения есть?

— Выглядит крепким орешком, ваше величество, — сказал Инtagар. — И тем не менее... Понимаете ли, именно с купцами сплошь и рядом работать гораздо легче. Купец привык всю свою сознательную жизнь, что ни день, взвешивать, оценивать и переоценивать, рассчитывать, просчитывать наперед. У купцов все эти качества гораздо более ярко выражены, чем у многих других (вспомнив патриция Кадората, Сварог согласно кивнул). Когда мы их брали, он не тащил, не дергался, ничем таким не пугал — даже когда оказался здесь и понял, что имеет дело вовсе не с «ночными портными». Я бы сказал, очень выжидательно держался — и в башке, я уверен, уже за-

работала счетная машинка... Чтобы не терять времени, я рискнул проявить некоторое самовольство: сказал ему, по чьему приказу он арестован, показал пыточную. Он, стараясь сохранять хладнокровие, тут же напомнил, что пытки у нас запрещены. Ну, а я напомнил ему, что вы — еще и гланский король, а до Глана часа два полета. Вот тут у него в глазах что-то примечательное мелькнуло, отрубите мне голову, но он прекрасно понял свое положение и должным образом оценил, ваши люди, о которых вы предупреждали, прилетели, сидят в соседней комнате. Простите за самовольство...

— Пустяки, — отмахнулся Сварог. — Вы все правильно сделали, мне не придется повторять лишний раз... пойдемте.

Он не собирался заморачиваться долгими психологическими ловушками-подвохами. Как там говорил тот гестаповец в знаменитом романе Юлиана, а потом и в фильме? «Сейчас не первый год войны, а четвертый. Время убыстрилось, у нас нет возможности держать вас в камере и разрабатывать тщательным образом». Да, мы в схожей ситуации, даже худшей. Мы понятия не имеем, сколько у нас осталось времени, прежде чем они начнут — а они непременно что-то начнут. Данное Орку поручение не похоже на глупый розыгрыш — и на дезинформацию тоже. Дезинформация призвана отвлечь противника от чего-то конкретного, что ему удалось, узнать — но мы-то не знаемничегошеньки. Так что — минимум разговоров и никаких угроз. Дозу эликсира в глотку — и понеслось...

Еще издали Сварог услышал за дверью пыточной отчаянный женский визг. Повернулся к Интагару. Тот спокойно пожал плечами, хмыкнул:

— Ничего особенного, ваше величество. Рабочие будни, не имеющие отношения к главному...

Сварог больше ничего не стал спрашивать: плевать на все, что не имеет отношений к главному...

Коринт Бадеш сидел на стуле для посетителей, а над ним возвышался тот верзила, моментально исчезнув-

ший из комнаты по знаку Интагара. Сварог с некоторым усилием придинул неподъемный (действительно, трудновато драться такими в кабаке) стул к торцу Интагарова стола, сел и принялся рассматривать Бадеша. Крепкий кряжистый мужик лет пятидесяти, в темных волосах и аккуратно подстриженной бородке уже появилась седина, глаза умные, настороженные, верится Интагару, что в голове у этого типа уже давно щелкает счетная машинка...

— Вы не смазливая служаночка, а я не хваткий драгун, — сказал Сварог резко. — Долгих и проникновенных уб а л т ы в а н и й не будет. Кратко и по существу... Вы знаете, кто я такой?

— Конечно, ваше величество...

— Доводилось слышать, что я безошибочно отличаю правду от лжи?

— Ходят такие разговоры...

— Так и есть, — сказал Сварог. — Слово короля. Будем проводить испытания этой моей способности, или так поверите?

— Пожалуй, так поверю, — сказал Бадеш. — Достаточно серьезные люди говорили...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Закрашенные трюмные марки и прочие чисто купеческие грешки — не та мелочь, которой станет заниматься лично король... Догадываетесь, за что вас арестовали?

После непродолжительного молчания Бадеш ответил:

— Да.

— Положение свое понимаете?

— Да.

— А все проистекающие из него печальные перспективы?

— Конечно...

— Одно удовольствие с вами беседовать, Бадеш, — усмехнулся Сварог. — Я серьезно. Мы прямо-таки галопом преодолели путь, на котором с человеком другого склада понадобилось бы гораздо больше времени... Капельку

лирики. Вам есть что терять, Бадеш, вы чертовски много теряете, вплоть до самой жизни... — он закурил и продолжал неторопливо: — Не будем тянуть кота за хвост, идет? Я уверен, вы и сами прекрасно понимаете, какие вопросы я вам задам, какие ответы хочу услышать и о чем... Так?

— Примерно так... — сказал Бадеш. — Вот только... Простите за приземленный образ мыслей, ваше величество, но я не благородный и не книжник, я купец, и образ мыслей у меня соответственный, что поделать...

— Ясно, — сказал Сварог. — Торговаться будете?

— Самое время в моем положении...

— Торгуйтесь, — разрешил Сварог.

— Ваше величество, вы можете сказать под слово короля, что меня ждет в случае полной откровенности?

— Ничего, — усмехнулся Сварог. — Абсолютно ничего вас не ждет. Я даже не буду напускать на вас полицию из-за тех закрашенных марок — мелко для короля, пусть сами копают, а там уж как повезет... Ничего вам не будет, слово короля. Правда, вам придется на меня исправно поработать, потому что какое-то время я буду вести игру... Но тут уж ничего не поделаешь, для человека в вашем положении это прямо-таки детское наказание — побить какое-то время агентом. Нет?

— Пожалуй, ваше величество, вы правы...

— Ну, тогда рассказывайте, не размазывая и не отвлекаясь на третьестепенные детали.

— Простите, ваше величество... — сказал Бадеш. — Не благоугодно ли вам будет рассказать, что вам у же известно? Чтобы я знал с чего начинать.

— С самого начала, — сказал Сварог. — Меня интересует, как все это началось. А когда мы дойдем до того, что мне уже известно, я вам скажу... Валяйте, Бадеш, зарабатывайте полное прощение...

— С начала... Ну, началось все с того, что я однажды вечерком кончил с делами и сидел за бутылкой в кабинете. Там у меня большое зеркало, повыше человеческого

роста. И вдруг оно стало наливаться сиянием изнутри. Все сильнее и сильнее. Я, конечно, удивился, но не особенно испугался — всякое в жизни испытал. Там, за зеркалом, появилось что-то вроде коридора, возле изнанки зеркала стояло кресло, а в нем сидела девушка...

Сварог поднял ладонь:

— Приостановимся... Молодая девушка, красивая, длинные светлые волосы, голубые глаза, длинное, едва ли не до пят, светло-серое платье, никаких украшений...

— Вы ее в точности описываете. Вот только что касаемо украшений... Не знаю, что и сказать. У нее на шее висело этакое странное ожерелье из серых, в синих прожилочках, брусков, длиной этак с мой мизинец, шириной пальца в два, каменные на вид, и выглядят такой дешевойкой, что их и украшением-то назвать никак нельзя...

— Об украшениях не будем, — сказал Сварог (а ведь Орк ни о чем подобном не упоминал, хотя к нему она могла заявиться без этой штуки). — Давайте дальше.

— На видение от вина это никак не походило, — пролежно продолжал Бадеш. — Уж я-то себя знаю и пить умею, да и в тот вечер едва успел опрокинуть стакан... Она мне улыбнулась и сказала, чтобы я ее не боялся, она человек, а не что-то другое, и у нее ко мне деловой чисто купеческий разговор.

— А вы испугались? — спросил Сварог.

— Да как-то не особенно, — пожал плечами Бадеш. — Удивился, это да. А сразу пугаться... Я же говорю, всякое повидал, в молодости, когда ездил с отцовскими обозами, оборотня видел, и еще всякое, не от нашего мира... Вот и решил защититься. Купцу от многих опасностей приходится высчитывать защиту заранее, все нужно учесть: разбойников, происки конкурентов, нечисть. Тем более что у меня младший брат в монахах-витольдинцах, он научил... Короче говоря, взял я со стола крест Единого, поднял перед ней, прочитал «Отходную черным гостям». Это, если вы не знаете...

— Знаю, — сказал Сварог.

Он прекрасно знал — монахи из Братства святого Рожа научили. Не такая уж длинная молитва. «Отходная черным гостям» моментально прогоняет любую нечистую силу — кроме Великого Мастера.

— И что?

— И ничего не случилось. Преспокойно сидела и ухмылялась. Потом еще раз повторила, что она — человек, и против нее все это просто не нужно. Вышла, как будто никакого зеркала больше и не было, подошла ко мне. Я ей приложил ко лбу крест Единого — снова ничего. А она, заразка, все улыбается — и предлагает ее потрогать, чтобы я окончательно убедился. Ну, я и потрогал, — Бадеш ухмыльнулся, сложил ладони ковшиком и поводил ими в воздухе. Действительно, человек, теплая такая, ладненькая. Я бы еще потрогал, как следует, только она отстранилась и попросила не увлекаться — мол, она не одна. Я посмотрел в зеркало — а там стоит мордоворот, в плащ закутанный, целит в меня из какой-то непонятной штуки. Телохранитель, ага. Ну, я убрал руки. Она преспокойно села к столу и сказала, что хочет поговорить о делаах, которые мне принесут большую выгоду. Ну, я и сел. На купца, сами понимаете, слово «выгода» действует магически, в любом случае выслушать не мешает, от этого не убудет. Она сказала, что пришла из другого мира, из какого, рассказывать не будет — во-первых, слишком долго и сложно объяснять, во-вторых, это, собственно говоря, ни к чему — мы с ней не ученый мужи, я купец, и она тоже. Ага, вот именно. Там, у себя, она — купец высокой гильдии. И намерена предложить мне быть здесь ихним торговым представителем.

Сварог вновь поднял ладонь:

— Теперь снова я... Она вам предложила распространять здесь эти каменные штуковины, да? Действуя так, чтобы никто не определил, откуда они исходят: контрабандой... Так?

— Все правильно. И торговать этими штуковинами, и устроить мастерские, где на них делали бы гравировку. А потом пошли еще и символы богов, но это уже потом...

— И быстро вы согласились?

— Довольно-таки, — сказал Бадеш. — Есть у меня знакомец в Глане, тоже судовладелец. Пили мы с ним както, болтали о разном, о всяких диковинах в том числе, и он после третьей бутылки рассказал, что у них давно ходят слухи про каких-то купцов из другого мира, которые шастают из зеркал с товарами — правда, у нас ими не торгуют, а просто проходят из одного мира в другой... И платят пошлину тем, чьими зеркалами пользуются. Я тогда не знал, что и думать — в конце концов, чего на свете не бывает. А теперь сообразил, что он мне, пожалуй, и не врал. Вот она сидит, купец из Другого мира... Самая настоящая, своими руками щупал... Ну где тут было мне не согласиться? Если она подробно условия изложила? За каждую... штуковину — а потом и за каждый символ — мне полагается золотой аурей. Причем все расходы, что по контрабанде, что по устройству граверных мастерских и прочего она оплачивает отдельно. Я моментально прикинул разницу меж продажной ценой и своей прибылью — прибыль ожидалась такая, что в глазах туманилось... К тому ж... Она сделала знак своему мордовороту, и он бросил ей на колени мешочек. И высипала она на стол кучу ауреев — на глазок не менее двухсот. Потом оказалось — двести шестнадцать. Сказала, что это даже не задаток, а подарок для закрепления дружеских отношений. В общем, я не ломался. Когда ожидается такая прибыль, только сумасшедший будет ломаться...

— И что же, вы никакого объяснения у нее не попросили? — сказал Сварог. — Прибыль прибылью, но обстоятельства очень уж необычные...

— Обижаете, ваше величество! Я о том же самом подумал. Пусть она натуральный живой человек, но обстоятельства больно уж диковинные... Она объяснила. У них таких камней сказала, что грязи — а вот серебра очень мало, и оно ценится дороже, чем у нас алмазы, не золото даже... Ну, убедительно... На Сильване есть

места, где горную березу можно взять за гроши, а наши мебельных дел мастера за нее платят дурные деньги. Такие, что после всех накладных расходов прибыль остается ж и р на я. И еще есть примерики... А что до низкой цены, она сказала дельную вещь: чуть попозже, когда покупатель привыкнет к товару и он войдет в большую моду, цены можно и повысить. Тоже вполне покупчески, ничего необычного, так часто делают. Ну, и пошла работа...

— Так, — сказал Сварог. — Значит, за всем этим вы стоите? Вы один?

— Вот то-то, что я один! — сказал Бадеш не без самодовольства, не вполне уместного в его положении. — К чему посвящать в тайну многих? Главное — платить людям столько, чтобы не задавали вопросов. Правочку знают только два сына и мой молочный брат, но он мужик надежный, в моих делах давно и по уши. Ваше величество! Вы только поймите меня правильно. В конце концов, это и не нечистая сила, и не курительная дурь. Никому не было никакого вреда. Камушки и камушки. А серебра у нас хватает...

— Ну, а как все это происходит на практике? — спросил Сварог.

— Очень просто. Она мне подробно объяснила, что делать. Есть у меня лабаз, довольно большой. Я велел его почистить от всего, что там было, потом туда перенесли пять здоровенных зеркал и поставили у стены в рядок — и повесили портьеру, чтобы ею наутро зеркала задергивать и никто их не видел. Ключ только у меня. Ну, иногда я его передаю сыновьям или молочному брату. Приходишь утром — а весь лабаз завален аккуратными такими ящиками с товаром. Ну, а возчики, которые за ними приезжают, понятия не имеют, что вчера ночью лабаз был пустехонек — откуда им знать? Также и с вырученным серебром — оставляем его ночью у зеркал, а утром его уже нет. Значит, действительно нужно им серебро...

Или притворяются, что оно им нужно, подумал Сварог. Сказал:

— Дальше.

— А дальше, собственно, и ничего. Все шло, как по на-катанной, — он с явным сожалением покачал головой. — Такие денежки в карман текли... Она появлялась время от времени, чтобы что-то уточнить или обговорить.

— И это она вам поручила сделать так, чтобы «тарелочка» попала к Велеретте Интагар?

— Ну конечно. Зачем бы мне самому? Она сказала, что хочет, чтобы такие вот, новые, с камешками, вошли в моду у самых знатных и высокопоставленных — цены вскоре можно будет повышать. Вот и нечего больше рассказать. Разве что... Или неважно...

— Рассказывайте, — сказал Сварог. — Все важно.

— Да понимаете... — сказал Бадеш. — Я же не старик и не железный, чтобы смотреть, как она ходит. Платье хоть до пят, но она в нем, как голая... Вот я ей как-то и объяснил прямыми словами: для дальнейшего закрепления отношений есть диван в углу, мягкий, широкий, удобный... Знаете, ваше величество, тут не в ней одной дело. Интересно мне стало проверить. Насколько далеко она в интересах дела зайдет. Девка *п о р о д и с т а я*, по всем манерам и ухваткам, высоко там у себя стоит. И не похожа на шлюху, которая из удовольствия с каждым вторым, не считая каждого первого. Я, простите, в бабах неплохо разбираюсь. Вот и подумал: если я им *о ч е н ь* нужен, согласится. А если откажет, рискуя испортить отношения — значит, у нее есть и другие тропинки... Короче, она нисколечко не ломалась, не возмущалась — подошла к дивану, скинула платье, легла...

— Ну, и какие чисто мужские впечатления?

— Смачная девочка, — сказал Бадеш. — Все умеет. Я ей кое-что предлагал опять-таки проверки ради — так она на все соглашалась, как миленькая. И уж безусловно, самый натуральный человек, ни малейших отличий неглядел. Любопытно мне стало, решил я на этом не

останавливаться. Когда пришла в следующий раз, сказал: ради закрепления отношений придется и с двумя моими сыночками... Она опять-таки без возражений согласилась. Парни ее как последнюю шлюху, часа два... — он усмехнулся с той же ноткой самодовольства. — И понял я окончательно, что д р у г о й тропинки у них нет, все в меня упирается. А раз так, есть интересные перспективы. Стал продумывать, как бы погромотнее ее прижать к стенке — ну, в переносном смысле. Предложить, чтобы платили по два аурея за штучку, все равно они будут повышать цены. Рискованно, конечно, могли и послать меня к чертовой матери, кто их там знает, но в нашем деле иногда и рискнуть не грех ради хорошей прибыли. Начал я все это продумывать — а тут и ваши налетели. Вот и все, ваше величество, а больше рассказать нечего, хоть зарежьте...

Он не врал. Сварог спросил:

— Вы что же, так ни разу и не встревожились происходящим? Не задумались, что тут что-то может быть нечисто? С вашим-то житейским и деловым опытом?

Бадеш вздохнул:

— Конечно, задумывался, первое время. Странновато все же, как ни крути. Насчет камней и серебра — убедительно, но все равно... Только потом думать перестал. Потому что так и не придумал подходящего объяснения. Если они мне врут, и у них совсем другой интерес, то в чем он? — он энергично потряс головой. — Ничего в голову не приходило, как ни ломал мозги! В конце концов плюнул, махнул рукой — пусть идет, как идет. Самое главное — вреда от камней никакого, и нечистой силой тут и не пахнет. Когда бы это нечистая сила кресты Единого мастерила, вот скажите вы мне? В общем, так и шло, и ничего я от вас не скрыл, вы ведь сами можете определить...

— Уже определил, — сказал Сварог. — Нисколечко не врете. Это похвально... — он встал, подошел к купцу и навис над ним. Заговорил холодно, жестко: — Теперь —

о дальнейшем. Через несколько часов мы вас выпустим. Прошло слишком мало времени, чтобы кто-то успел всполошиться из-за вашего исчезновения, вообще о нем узнать. Но предусмотреть нужно все. Слуги и служанки могут начать болтать о происшедшем...

— Я их настрого предупрежу, что языки отрежу, — угрюмо сказав Бадеш.

— Иных болтунон даже такие угрозы не пугают... — сказал Сварог. — Если что-то станет известно и пойдут разговоры, намекните с таинственным видом, что на дом напали «ночные портные» и с ними пришлось кое о чем договариваться. А о подробностях вы говорить, понятно не хотите. Как по-вашему, это прозвучит убедительно?

— Конечно, — сказал Бадеш. — Случались иногда у людей нашего ремесла... коллизии с «ночными портными». Никто в таких случаях не делится подробностями...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Итак, через несколько часов мы вас освободим... что вы ерзаете? Ага... Ну разумеется, и вашу подругу тоже. Здесь с ней поговорят, но вы, со своей стороны, внушите ей, что язык следует держать за зубами, иначе возникнет риск его лишиться...

— Уж она-то сумеет, — сказал Бадеш. — Помогала покойному мужу во всех делаах, так что соображает, что к чему, и молчать умеет.

— Ну, смотрите... Ваша задача, собственно, будет несложной: всего-навсего продолжать заниматься тем, чем занимались. Как будто ничего и не случилось. И я вас убедительно прошу, Бадеш, не вздумайте вести двойную игру. Даже если ваши загадочные хозяева, узнав обо всем, окажутся настолько благородны, что спрячут вас у себя в Зазеркалье, в чем лично я серьезно сомневаюсь, что у вас будет за жизнь? Приживальщик в каких-то неведомых краях... З д е с ь у вас устоявшееся положение, спокойная и богатая жизнь. И обеспечить вам ее и далее могу только я. Хорошо это понимаете?

— Хорошо, — сказал Бадеш. — Ну ее к болотному черту, двойную игру, не купеческое это дело... Ваше величество, а каким образом мне вам докладывать, если возникнет надобность?

— А никак, — Сварог обаятельно ему улыбнулся. — Понимаете ли, уважаемый Бадеш, как только вас выпустят, вы круглосуточно будете под наблюдением — и отнюдь не земной полиции. Я, вы прекрасно должны знать, еще и король Хелльстада. А там у меня есть... устройства, с помощью которых за вами можно присматривать и слушать каждое ваше слово. Слово короля... точнее, в данном случае слово короля королей, так и обстоит. Вы уж это учитывайте... Ну, а если понадобится дать вам какое-то поручение, к вам попросту придет человек... Ну, вот и все, я думаю?

— Можно один вопрос, ваше величество? Нельзя ли узнать, на чем я с г о р е л? Простите за нахальство, но у меня привычка всегда понимать ситуацию во всех подробностях. Мне один ответ подворачивается: это гвардейский щенок провалил дело... Конечно, если мне знать нельзя, ничего не попишешь...

— Ладно, — усмехнулся Сварог. — Доставлю уж вам такое удовольствие, куда вам теперь от нас деться, болтать все равно не пойдете. Ну да, вот именно. Этот бравый гвардеец. Вот кстати... Его тоже скоро выпустят, так что, уж будьте так любезны, верните ему его долговую расписку, как обещали. Он добросовестно ваше поручение исполнил — и не виноват, что у нас были основания его после этого взять. Понятно?

— Да понятно... — Бадеш скривился, словно от зубной боли. — Значит, если бы не то чертово поручение, вы бы ко мне не привязались?

— Вот именно, — обаятельно улыбнулся ему Сварог. — У нас было несколько человек на примете, мы никак не могли сделать выбор — и решили брать того, что начнет как-то д е й с т в о в а т ь. Начали вы. Кто ж в этом виноват?

— С-С-стерва... — прошипел сквозь зубы Бадеш так, что любая змеюка обзавидовалась бы. — Спалила меня, как пучок соломы...

— А что же вы хотели? — пожал плечами Сварог. — В таких делах никак не получится обойтись только сладкими пряниками, иногда случается и уксус хлебнуть... Ладно, не будем зря болтать языком, — он повернулся к Интагару. — Устройте его где-нибудь на несколько часов в относительно приличных условиях, если захочет — покормите.

— Полезет тут кусок в глотку... — проворчал Бадеш.

— Ну, в таком случае не кормите, — спокойно сказал Сварог. — Расходов для казны меньше, кормежка тоже денег стоит...

— А бутылочку вина можно вместо кормежки? — с надеждой спросил Бадеш. — Покрепче бы, не слабенько-го дамского питья...

— Горе топить будете? — понятливо подхватил Сварог. — Ладно, вы себя хорошо вели... Интагар, раздобудьте ему бутылку чего-нибудь покрепче. Только не слишком увлекайтесь утоплением горя, Бадеш, горе частенько хорошо плавает...

Он кивнул Интагару, а тот подошел к двери, приоткрыл, что-то тихонько сказал. Вошел давешний детинушка, взял Бадеша за шиворот и выволок в коридор, как мешок картошки.

— Вы были совершенно правы, Интагар, — сказал Сварог. — Договариваться с купцами — одно удовольствие. Вот у кого счетная машинка в голове щелкает, побольше бы таких клиентов... Ну что же. Вроде бы больше и нечего пока обговаривать. Вы, со своей стороны, продолжайте за ним слежку, как и за прочими. Мало ли какую штуку он может выкинуть, чтобы скрыться от моих ушей и глаз. Устройства мои, признаюсь по секрету, не всемогущи — а вот от л ю д е й не спрячешься... А я займусь своими делами, — он сделал шаг к двери, но вдруг остановился. — Да, а что за женщина в пыточной орала? Отвлекаешься на рутину?

— Не совсем, — сказал Интагар, скupo ухмыляясь. — Просто-напросто решил подцепить на один крючок двух рыбин, коли уж подвернулся удобный случай. Я предположил, что у нее есть тайник в доме, как вы помните. Ну, а коли уж она у нас в руках, отчего бы и не проверить точно? Ребятишки мои отвели ее в пыточную, растолковали, для чего предназначена «растяжка», положили на скамью, пригрозили, что сейчас привяжут... Женщины в большинстве своем создания слабые. Она и не вспомнила, что пытки давно отменены... Повизжала малость — и все выложила.

— И что? — с любопытством спросил Сварог.

— Есть тайник, — сказал Интагар. — Покойный лихварь оставил немало. Там сорок три тысячи с чем-то ауреев золотом и горсть драгоценностей, сданных в заклад — из тех, которые пока что не следует светить. В доме на всякий случай пока остается парочка моих ребят, они только что доложили: слуги смирнехонько лежат связанными, исчезновения хозяйки и ее дружка никто не заметил, и долго еще не заметит — у нее нет таких соседей или знакомых, способных нагрянуть в гости спозаранку. Я сейчас пошлю несколько человек с инструментом, тайник в подвале, они его аккуратненько подломят и все выграбят. Получится неплохой прибыток для вашей казны. Частенько бывают нужны деньги на непредвиденные траты, не предусмотренные расписью государственных доходов...

— Правильно мыслите, Интагар, — одобрительно сказал Сварог. — Тысячу можете взять себе, заслужили вознаграждение.

— Благодарю, ваше величество...

— Пустяки, — махнул рукой Сварог. — Деньги шальные, с неба упали. А вам замуж выдавать... дочку.

Он выругал себя: чуть-чуть не ляпнул «дочерей» — а откуда бы ему, спрашивается, знать, что и Велеретта в скором времени собирается замуж?

— Ну, удачи вам, — сказал Сварог. — Я пошел.

Он кивнул Интагару и вышел на крыльцо. Солнце уже поднялось над верхушками деревьев в парке. Поблизости слышался стук копыт и колес — гости разъезжались. Ничего не скажешь, Канилла устроила приятное местечко для отдыха, надо тут бывать по возможности почаше...

Не торопясь, он выкурил сигарету, прикидывая план дальнейших действий. Таковой был несложным: лететь в Хелльстад и посадить Золотого Обезьяна круглосуточно следить за Бадешем. Работы не нуждаются ни в отдыхе, ни в подмене, разве что им надо иногда подзаряжать какие-то там аккумуляторы (Сварог не вникал в тонкости устройства своих механических слуг — к чему?) — но не чаще раза в год.

А потом... А потом во всем, что касается Радианта, — сидеть и смотреть, куда кривая выведет. Ничего другого не остается — при отсутствии действий со стороны противника. А противник...

Почувствовав вибрацию, он достал «портсигар». На экранчике появилсялся дежурный девятого стола (судя по широкой мерцающей сиреневой кайме, охватившей экранчик рамкой, вышедший на связь не по обычному каналу, а по секретному, суперзащищенному).

— Доброе утро, господин директор. Можно узнать, где вы находитесь?

- В Латеране. Случилось что-нибудь?
- Нет, ничего. Для вас есть срочная шифровка.
- Сбрасывайте — распорядился Сварог.

Дежурный кивнул и отключился. Сварог держал «портсигар» включенным, на ладони. Шифровка на него упала секунд через пять — а манипуляции с дешифратором заняли немногим больше.

Пряча «портсигар» в карман и быстрой походкой направляясь к дворцу, Сварог прямо-таки ликовал. Не то чтобы он был на седьмом небе от счастья, но пребывал в прекраснейшем расположении духа, жаль только, что ждать придется долго, изведешься, измаешься...

Навстречу по дорожке, ведущей к каретному сараю, прошла Велеретта, молча поклонилась. Разумеется, закутана она была в летящий дворянский плащ чуть ли не до пят, надежно скрывавший предосудительный наряд. Хотя... Сварог быстро догнал ее, придержал за локоток:

— Велеретта, в следующий раз переодевайтесь здесь. И сестре скажите. Все «предосудительные» наряды перевезите сюда, так будет надежнее.

— Вы не преувеличиваете, ваше величество? — улыбнулась она. — Отец вряд ли станет рыться в наших гардеробах.

По некоторым деталям легко было догадаться, что эту ночь она провела не в одиночестве. Торопится жить молодежь, подумал Сварог. А впрочем, я в их годы был не благонравнее...

— Кто его знает, как он поступит в непредвиденной ситуации... — сказал Сварог. — Всего доброго.

На крыльце у двери о чем-то тихо разговаривали Канилла и Гаржак с виолоном за спиной. Канилла безмятежно попыхивала сигареткой — от ворот слишком далеко, чтобы кто-нибудь увидел с улицы, а своих этим зреющим не удивишь. Она уже переоделась в свой любимый мужской костюм, зеленый, каталаунского фасона — приехала сюда верхом, кареты терпеть не могла по причине их крайней медлительности с точки зрения жительницы небес (в чем Сварог был с ней полностью согласен).

— Ребята, работать пора, — сказал Сварог.

— Все, мы уже уезжаем, — заверила Канилла.

Отличное настроение переполняло его до краев.

— Дайте-ка сюда... — сказал Сварог и бесцеремонно снял с плеча графа виолон.

Разумеется, он был безупречно настроен. Пройдясь по струнам, Сварог решил не утруждать себя переводом песни на таларский язык:

— На тебе сошелся клином белый свет,
на тебе сошелся клином белый свет,
на тебе сошелся клином белый свет,
но пропал за поворотом санный след.

Канилла и Гаржак смотрели на него с некоторым удивлением, но он ничего не мог с собой поделать — не стоит торжествовать заранее, дурная примета, и все же, все же...

— Я могла бы побежать за поворотом,
я могла бы побежать за поворотом,
я могла бы побежать за поворотом,
я могла бы, только гордость не дает...

Пройдясь по струнам последним размашистым аккордом, он вернул виолон Гаржаку. Канилла, испытывающе приглядываясь к нему, не удержалась:

- Что-то вы ненормально веселы, командир...
- А почему бы и нет? Жизнь прекрасна, ребята, особенно в такое утро... Ладно, попрощаюсь пойду с нашей гостеприимной хозяйкой. Время у меня есть.

У него было время. У него было очень много времени... Краткая шифровка сообщала: герцог Орк прилежно сообщил своему связнику из девятого стола, что на его компьютер-камень (который гостья из Зазеркалья велела постоянно носить при себе) только что свалилось сообщение — ровно за час до полуночи быть в каминной своего манора. Означать это могло только одно — она собирается вновь заявиться в гости. Следует ждать каких-то интересных новостей: это Бадешу отведена роль простого распространителя по Талару зазеркальных изделий, а вот Орк, судя по уже данному ему заданию, как бы там ни обстояло с посланным ему канцлерством, на агентурной лесенке поставлен гораздо выше блудливого купца...

Вообще-то времени не так много — нужно еще связаться с Канцлером, чтобы тот привел в боевую готовность своих техников, а техникам понадобится несколько часов. Но все равно, нет нужды спешить, хватит времени, чтобы и попрощаться с Вердианой, и для подстраховки дать кое-какие распоряжения с в о и м техникам, и выслушать кое-какие рапорты...

Глава VI

ЛИРИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ У КАМИНА

— **Н**е волнуетесь, часом? — поинтересовался Канцлер.

— Я?! С какой стати?! — искренние изумился Орк. — Подумаешь, какая-то стерва из-за зеркала... И не такое видывал.

— Вот кстати, — сказал Сварог. — Вы говорили в прошлый раз, что у нее не было украшений. Совсем никаких?

Орк пожал плечами:

— Ну, висело на шее что-то такое. Связка серых с синими прожилками камней, они у меня абсолютно не ассоциировались с украшением. Украшение... На Таларе такое и последняя крестьянка не наденет. Я подобные видел на шее у сильванских дикарей, разница только в том, что у нее камни отполированы. Вообще странно: такая женщина могла бы себе позволить настоящие украшения.

Действительно, подумал Сварог. Золото они рассыпают прямо-таки лопатой. Хотя... Всякое бывает. На Земле, в свое время, когда не научились еще промышленным методам производства алюминия и получали прими-

тивным способом всего-то несколько килограммов в год, алюминий считался драгоценным металлом, едва ли не дороже золота, шел на украшения и столовые приборы для знати, не всякий аристократ мог себе позволить есть алюминиевыми ложками-вилками. Можно допустить, что эти камни в ее родных местах встречаются реже, чем алмазы на Таларе, и по тамошним меркам она таскает на шее целое состояние.

И повторил это вслух — разумеется, не упоминая про алюминий.

— Возможно, — сказал Канцлер. — В любом случае это должно что-то означать, — он поджал губы. — Орк, будьте чуточку посеръезнее... Веселитесь, как мальчишка...

— Натура такая, — безмятежно ответил Орк. — Особенно если учитывать, какое поручение мне дал лорд Сварог. — Он послал Сварогу свою фирменную хищно-обаятельную улыбочку. — В конце концов, я дисциплинированно выполняю все ваши указания, Канцлер...

— Попробовали бы не выполнить... — проворчал Канцлер, посмотрел на часы. — До срока — восемь минут, но все равно, идите-ка в каминную...

Орк проворно встал, поклонился и преувеличенно церемонным шагом гвардейца на параде вышел из прилегающей к его каминной комнате.

— Фигляр... — буркнул Канцлер.

— Черт с ним, лишь бы работал хорошо... — сказал Сварог.

— И все равно, сколько лет он меня злит не на шутку, а упрятать под замок не подворачивается случая — всякий раз ухитряется выкручиваться... Занимаем места, господа?

Они сели в кресла перед стеной, за которой располагалась каминная. Правее за сложными пультами помещались трое техников — один из Техниона, один из разведки Канцлера, один из девятого стола. Никакой высокой дипломатии в таком сочетании не было — просто каж-

дой конторе требовалась информация, которую можно начать обрабатывать немедленно, не тратя времени на одалживание у «соседей».

— Экран, — негромко распорядился Канцлер.

На стене вспыхнул большой экран — словно в стене вдруг образовалось окно. Четкость изображения, как всегда, была потрясающей, но Сварог давно к этому привык. В каминной установили не только «глаза» и «уши» — она была набита всевозможными датчиками, детекторами и анализаторами, словно знаменитые пирожки с Кадильварской ярмарки — изюмом. Из ситуации следовало выкачать все, что возможно...

Один из техников доложил:

— Какого бы то ни было энергетического воздействия не фиксируется. Посторонних излучений нет. Присутствие «третьего ручейка» не фиксируется.

Профессор Марлок, вертя в руках погасшую трубку, проворчал:

— Вполне возможно, что наша аппаратура ничего не фиксирует, а на самом деле тут полно всякого...

В кризисном штабе Марлок усердно играл роль «адвоката дьявола». Сварога это иногда раздражало, но он прекрасно понимал, что в сложных делах штатный скептик необходим. К тому же Марлок мог оказаться прав: в конце концов, как ни бились, не смогли установить, каким именно образом те связываются из своего неведомого укрытия с камнями-компьютерами. Даже хельстадская аппаратура Сварога не смогла. Единственное, что удалось установить, — это случается всякий раз, когда происходит «встреча», и Радиант обстреливает Талар старательно и безостановочно (сейчас, кстати, именно такой момент). Но это знание не давало ровным счетом ничего...

— Внимание, господа! — сказал Канцлер.

Но все и так видели, что высокое стариинное зеркало потихонечку стало наливаться изнутри мерцающим голубоватым сиянием, возникшим словно бы из одной точки, быстро распространявшимся до краев тяжелой

вычурной рамы из черного дерева. Сияние мигнуло — и исчезло. Стал виден сводчатый коридор и молодая женщина, сидящая в мягким кресле у самой границы Зазеркалья.

Сварог разглядывал ее во все глаза. В точности такая, как ее описывали Орк и Бадеш: золотистые волосы по плечам, синие глаза, штучная красавица, непринужденная поза, длинное светло-серое платье, отчего-то казавшееся очень дорогим. И те самые камни на шее — Орк прав, на украшение это нисколечко не похоже, такое и в самом деле впору носить сильванскому дикарю — разве что аналогия с алюминием верна...

Техники по-прежнему молчали — значит, ничего не фиксировали. Сварог обратил внимание: возле ее кресла стоит довольно большая корзина, плетенная из лозы, очень похожая на те, с какими на Таларе ходят на базар или в продуктовые лавки крестьянки или кухарки.

Сварог, как и остальные, видел только спину Орка, но стервец, чувствуется, держался крайне непринужденно, в самом деле без малейшего волнения:

— Я нескончально рад видеть вас снова, прелестная Фея, — он галантно раскланялся по всем правилам политеса. — Вы озарили мое скромное жилище и в прямом, и в переносном смысле...

Незнакомка улыбнулась — этакой отработаннойдежурной улыбкой, принятой на вооружение дамами в высшем свете, не содержавшей ни теплоты, ни радости:

— Я тоже рада видеть вас, герцог... Вы приготовили то, о чем я вас просила?

— Конечно, — Орк достал из кармана небольшой, сложенный вдвое листок бумаги. — Я вашу просьбу выполнил в точности: не стал проводить углубленный анализ, просто написал номера тех вариантов, которые мне представляются самыми предпочтительными... Или вы хотите все же выслушать обоснования?

— Нет необходимости, — сказала она, протянула руку. — Давайте. Что же вы? Или боитесь?

Ее протянутая рука оставалась в Зазеркалье. Орк, не раздумывая, ответил:

— Когда я оказываюсь наедине с прекрасной дамой, боюсь только одного: что она признает меня недостаточно искусным...

Шагнул вперед, протянул руку в Зазеркалье. Девушка развернула листок, окинула взглядом. Кивнула, похоже, удовлетворенно:

— Надеюсь, вы подошли к поручению со всей серьезностью и ответственностью...

Орк моментально отозвался:

— Ровно с теми же, с какими отнесся к вашему обещанию известного поста...

— Мы всегда сдерживаем свои обещания, — ответила она. — Лишь бы поручения выполнялись исправно и не случилось двойной игры...

— Не надо во мне сомневаться, — сказал Орк. — Выгода взаимная, а ставки велики.

— Рада, что вы это понимаете... У меня вновь будет к вам маленькое поручение, — она протянула руку и коснулась высоких ручек корзины. — Возьмите это.

Орк столь же решительно шагнул в Зазеркалье, поднял корзину, вернувшись в каминную, взвесил ее на руке:

— Ого! Вы что, туда камней наложили?

— В каком-то смысле вы правы... — улыбнулась девушка. — Я прекрасно понимаю, что мужчины не менее любопытны, чем женщины — хотя почему-то именно женщин принято считать воплощением и символом любопытства... Поэтому могу сказать сразу: если у вас возникнет такое желание, можете осмотреть содержимое корзины сразу после моего ухода. Я не буду в претензии.

— Должен признаться, я так и поступлю, — сказал Орк. — Любопытен, что поделать... Тем более в такой ситуации.

— Ничего страшного, — сказала она. — В данном случае любопытство — не порок и наказанию не подлежит...

— И что мне с этой корзиной делать?

— Завтра же, прямо с утра, отправитесь к принцу крови Агеляру и передадите корзину ему. Вы ведь дружите?

— Ну, вряд ли это можно назвать дружбой... Несколько раз выпивали вместе, несколько раз совершали поездки на землю...

— Я прекрасно осведомлена о характере этих... поездок (на сей раз ее улыбку вполне можно было назвать улыбкой стервы). В любом случае, вы хорошие знакомые и ваш визит к принцу никого не удивит. Я права?

— Конечно. И все же вы, боюсь, не имеете представления о некоторых деталях...

В голосе Орка Сварогу послышалась неподдельная озабоченность — и Сварог понимал ее причины. Девушка чуть подняла брови...

— Вы что, отказываетесь?

— Никоим образом, — сказал Орк. — Просто есть некоторые реалии, о которых вы, надо полагать, не знаете. Наши принцы и принцессы крови — под неусыпным наблюдением спецслужб. Их круглые сутки подслушивают — а порой, бывает, и подсматривают...

— Могу вас заверить, я прекрасно знаю о... некоторых реалиях. Ну и что? Они ничем не осложнят вам жизнь. Содержимое корзины — вполне безобидно, сами убедитесь. Хотите, прямо сейчас? Достаньте одну коробочку и откройте.

— Охотно... — Орк присел на корточки.

Судя по движениям, он доставал что-то, разглядывал — но что именно, рассмотреть было невозможно, он присел на корточки спиной к камере. Огорчаться не стоило — все равно эта корзина очень скоро должна была попасть к ним в руки...

Орк выпрямился, произнес с ноткой удивления:

— В самом деле, вполне безобидные штуковины...

— Я же говорила. Вот уж никак не предполагала в вас такой боязливости. У вас репутация человека смелого, иногда даже чересчур...

Орк пожал плечами:

— При чем тут боязливость? Просто не хочется попадать в поле зрения спецслужб. Я им, признаюсь, и без того намозолил глаза по живости характера. Не хочется лишних неприятностей.

Она сказала тоном величайшего терпения, словно учительница, в десятый раз объясняющая тупому двоечнику теорему Пифагора:

— Ну, какие у вас могут быть неприятности? Разве самый обычный, безобидный визит к принцу их вызовет?

— Вообще-то нет...

— Вот видите. Вы просто меня не дослушали. Или вы вообразили, что я вам поручу, прибыв к принцу, заявить с порога, что вы намерены вовлечь его в заговор против императрицы? Ничего подобного. Переложите коробочки в другую корзину, повместительнее, добавите к ним несколько бутылок земного вина, того сорта, который принц особенно предпочитает... «Аромат цветущего луга», верно ведь? У него послезавтра день рождения, если вы забыли...

— Помню, — с ноткой угрюмости ответил Орк. — Я уже получил приглашение.

— Вот видите, — повторила она с очаровательной улыбкой. — Все складывается просто идеально. Вы поздравите его с днем рождения, подарите вино, извинитесь, что не сможете на дне рождения быть, сошлетесь на крайне срочные дела на земле — такие у вас порой случаются. Потом скажете, что выполнили его просьбу — и отадите коробочки. Да, на всякий случай, если кто-то все же спросит... Вы ведь в последний раз были на земле с принцем месяц назад?

— И откуда вы столько обо мне знаете...

— Женское любопытство... — улыбнулась она. — Там, на земле, в одной из лавок, вы эти штуковины и увидели — и принц решил, что они прекрасно подходят для «ответных подарков». И попросил вас заказать нужное количество — земная экзотика, и там пока не получившая широкого распространения. Вы, конечно же, пообещали — и обещание

выполнили. После чего преспокойно можете откланяться. Скажите сами, та к о й визит может повлечь за собой какие бы то ни было неприятности для вас?

— Ни малейших...

— Что и требовалось доказать, любезный герцог...

Кстати, для пущего правдоподобия вам и в самом деле лучше заранее вечером накануне дня рождения принца на денек-другой слетать на землю — вы там бываете очень часто, это ни у кого не вызовет подозрений. Собственно, ничто и никто вам не мешает на дне рождения присутствовать — я всего-навсего не хочу, чтобы вы лишний раз с в е т и л и с ь возле принца. По-моему, это вполне отвечает и вашим желаниям?

— Вполне.

— Ну что же, все обстоит прекрасно. Позвольте попрощаться.

Ну, давай, стервец, подумал Сварог. Самое время, она сейчас исчезнет, и неизвестно, когда появится в следующий раз... Неужели не рискнешь, с твоим-то жизненным опытом определенного рода?

Нет, все шло по накатанной. От рамы стало распространяться синее мерцающее сияние — но Орк решительно сказал:

— Подождите!

— Что еще? — подняла она брови.

— Мы не закончили разговор, моя прекрасная дама...

— А я полагала, что закончили...

— А я полагаю, что нет — уже со своей обычной наглостью ответил Орк. — Право же, найдется, о чем поговорить... Или вы куда-то спешите?

— Пожалуй, нет...

— В таком случае, не задержитесь ли еще ненадолго?

— На предмет?..

Орк заговорил давно знакомым Сварогу насмешливо-циничным тоном:

— Видите ли, прелесть моя, я себя чувствую в нашем с вами договоре обделенной стороной. Обеща-

ния ваши, что скрывать, крайне заманчивые, но пока что обещаниями и остаются. Однако ваши поручения я выполняю исправно, рискуя попасть в поле зрения наших спецслужб. Вы уверены, что они на вас пока что не вышли?

— Уверена.

— И тем не менее... Так уж испокон веков повелось, что хорошая работа должна вознаграждаться...

Она сделала крайне наивное выражение лица:

— Вы хотите денег?

— Не такой я пошляк, — сказал Орк. — В присутствии такой красавицы из головы вылетают всякие мысли о деньгах, думать начинаешь исключительно о высоких материях, лирике и романтике, большой и чистой любви... Вы ведь, такая красивая и молодая, не можете не верить в любовь с первого взгляда?

Она не выглядела ни смущенной, ни оскорблённой. Чуть улыбнулась:

— Ах, вот оно в чём дело... Следовало ожидать... А это обязательно?

— Думается мне, обязательно, — заверил Орк. — Воспоминания о вас меня будут побуждать на любые решительные действия...

Сделав гримаску, она встала из Зазеркалья — на сей раз за ее спиной никто не маячил с пушкой наперевес, как о том рассказывал Бадеш, — коридор был пуст. Подошла к Орку вплотную, вскинула на него исполненные отнюдь не оскорблённой невинности глаза:

— Вы нахал, герцог...

— Я же не виноват, что женщинам это нравится... — ответил Орк.

Провел пальцем по ее шее, потом (опять-таки во исполнение инструкций Сварога) коснулся вязанки камешков:

— Снимем сначала это? Терпеть не могу, когда на женщинах хоть что-то остается...

И якобы небрежно ощупал странное ожерелье.

— Вот это — ни в коем случае, — сказала она. — Это такой талисман, у нас их полагается носить, не снимая, до самой смерти...

— Ну, в чужие обычаи не суюсь со своим мнением... — покладисто сказал Орк. — Как тебя зовут?

— Иляна, — сказала она, нисколечко не противясь грубошерстными ласкам.

— Красивое имя, — сказал Орк. — Тебе идет. А платье снять тебе ваши обычаи не запрещают?

— Нисколечко, — улыбнулась она улыбкой опытной шлюхи. — Отпусти тогда...

Отступила на шаг и принялась снимать платье. Канцлер бросил технику:

— Уберите изображение, да и звук приглушите, — и обернулся к Сварогу с профессором: — Ну, как вам наша таинственная гостья?

— Странно чуточку, — сказал Сварог. — Выглядит, голову можно прозакладывать, холеной надменной аристократкой, но исправно собой расплачивается с особо ценностными агентами...

— Разведка, — пожал плечами Канцлер. — Вам ли не знать? А при их уровне развития — компьютеры и прочее — у них не может не существовать разведки. Или она — записная шлюха наподобие всем нам знакомой леди Черелет, которая земными конюхами не брезгует... Черт с ней. В конце концов, не она сейчас самая интересная фигура, а помянутый принц крови Агеляр, не правда ли? Давайте не будем делиться скороспелыми выводами. Времени достаточно, спокойно обдумаем эту интересную новость. Вас, лорд Сварог, это касается в первую очередь: принцы и принцессы крови — ваш забота...

Он достал трубочку и с отрешенным видом опустил ее в кожаный кисет с табаком. Марлок занялся тем же самым. Сварог закурил. Судя по доносившимся из каминной звукам, любовь с первого взгляда без долгих прелюдий вступила в решающую фазу.

Действительно, принцы и принцессы — его головная боль, от которой он с превеликой радостью отказался бы, чтобы не отвлекала от более серьезных дел. Однако такого не дождаться: Диамер Сонирил ни за что не согласится передать какому-нибудь другому ведомству ни единого сотрудника, что уж говорить о таком крупном подразделении, как отдел по наблюдению за принцами и принцессами...

Орк всего-навсего высказал вслух то, о чем втихомолку поговаривают многие: за принцами и принцессами следят круглосуточно, их маноры набиты подслушкой и подглядкой, половина слуг, если не больше, заагентурена и исправно снабжает информацией о хозяевах, все их передвижения, встречи и застолья — под неусыпным наблюдением. Ничего удивительного: на земле точно так же поступают с людьми, имеющими права на престол. И в случае надобности не стесняются применять самые жесткие меры — как сделал Конгер, усыновляя Сварога. В Империи эта традиция сохранилась с незапамятных пор — и наблюдение было резко ужесточено несколько лет назад, после известных событий на Сильване. Порой люди, имеющие права на трон, но прекрасно знающие, что смогут его занять лишь по стечению самых фантастических обстоятельств, склонны поддаваться искушениям...

Итак, принц крови Агеляр... По земным меркам лет тридцать с небольшим, женат, есть дочь, никогда не проявлял желания занять какую-либо военную или гражданскую должность (хотя принцы крови при наличии деловых качеств могут претендовать на некоторые, пусть и не самые высокие). В строго расписанной очереди на престол — шестой от конца, что для него вдвое не печально. Особенным умом не блещет, но и далеко не дурак (а среди принцев есть и такие, что глупы, как пробки). Беззаботно кружится в вихре светских удовольствий, на которые Империя богата, но порой проявляет некоторый интерес к ученым материям: иногда посещает полигон

Магистериума, чтобы понаблюдать за очередным экспериментом (но исключительно таким, чтобы выглядел крайне эффектно, а не его научную значимость принцу наплевать). Гораздо чаще посещает инкогнито земные столицы и большие города, где внимание делит примерно поровну между хорошими ресторанами и доступными красотками. Впрочем, ярмарками и сельскими праздниками тоже не брезгует — там тоже без особого труда можно найти говорчивых красоток. Именно в таких поездках ему и сопутствует частенько герцог Орк. Никаких реальных выгод он от этого получить не рассчитывает (трудновато их ждать от шестого с хвоста очереди), просто-напросто ценит как подходящего напарника: принц отнюдь не трус, любитель позенеть мечом вочных дуэлях и прочих стычках, так что на него можно полагаться в небезопасных местах.

Вот такой у нас принц. Соответствующему отделу восьмого департамента до сих пор никаких хлопот не доставлял — разве что порой оказывался вне поля зрения и технических средств, и агентов, но умы слабы в этом пока что не усматривали: внутри дома технические средства не действуют (в отличие от тех, какими Сварог располагает в Хелльстаде), что до агентов, они не всегда могут пойти куда-то следом за принцем. Одним словом, как принято было писать в досье когда-то (в том мире, откуда Сварог пришел): «Компрометирующими материалами не располагаем».

Он поднял голову. Канцлер и Марлок смотрели на него с нетерпеливым ожиданием. Канцлер тут же спросил:

— Ну, что скажете, лорд Сварог?

Сварог пожал плечами:

— До сих пор у восьмого департамента на него ничего не было. Мое мнение... Если только это не дезинформация, чтобы отвлечь нас от настоящего главного, повторяется история с любителем бабочек. Если мы на правильном пути, к принцу однажды пришли и сдела-

ли предложение, крайне его соблазнившее. С любителем бабочек так и обстояло, разве что пришли к нему не загадочные визитеры из неведомого мира, а здешние знатные господа... Чисто технических возможностей обговорить все с заговорщиками у него имелось немало, да и сейчас имеется. Отдел у меня скрупулезно фиксирует каждый случай, когда объект оказывался без наблюдения. Я не держу в голове точной цифры по каждому о б ъ е к т у, но за год таких случаев обычно накапливается немало, и всегда они получают безобидное объяснение, или такое, что выглядит безобидным, но проверить, как все же обстояло на самом деле, мы не в состоянии.

— Особенno если о н и ему, как Орку, дали компьютер-камень, а? — подхватил профессор Марлок. — В этом случае всякая техника не в состоянии засечь разговор, верно?

— Не только наша, — сказал Сварог. — Вся техника Империи.

— И ваша хелльстадская тоже? — небрежно спросил Канцлер.

— И моя тоже, — сказал Сварог. — Мой... предшественник совершенно не занимался «точками Кондери», он был практик и рационалист. Вообще-то Канилла Дегро с магистром Дальретом сейчас отлаживают прибор, по их заверениям, способный перехватывать разговоры с использованием «третьего ручейка», а там, смотришь, и других — но это опытный образец, еще даже не испытывался.

— Ага, — сказал Марлок. — Значит, он может засесть в своем роскошном отхожем месте и провести краткий сеанс связи? Или вы и там держите «глаза и уши»?

— «Глаз» не держим — сказал Сварог. — А вот «уши» с некоторых пор держим. Был случай несколько лет назад, еще при Гаудине. Один из принцев кое-что задумал и со своей сообщницей вел беседы именно что в своем роскошном отхожем месте, благо оно было приличных размеров и комфортабельно обставлено — видео, музыка...

В подробности я не стану вдаваться, это, в конце концов, сейчас неинтересно... Нет, никакого заговора — но интрига задумывалась довольно грязная. Тогда и стали всаживать «уши» и в роскошные сортиры. Кстати, если у него и в самом деле есть компьютер-камень, — а почему бы и нет? — «уши» совершенно бесполезны — компьютер работает бесшумно, к тому же, как выяснилось в случаях Орка и Кадората, способен глушить наши микрофоны... хотя я неточно выразился. Не глушить, а поставить некий «экран», так что оператор решит, будто в помещении стоит тишина... В общем, несмотря на надзор, у него есть возможность встречаться с сообщниками и, не исключено, вести с ними переговоры.

Канцлер недовольно покосился на погасший экран — там по-прежнему раздавались звуки, неопровержимо свидетельствовавшие, что загадочная гостья Орка в таких вот случаях к молчуньям не относится, наоборот:

— Когда они там уймутся... Лорд Сварог, у вас есть какие-то мысли? Предложения?

— Я бы за принца с удовольствием взялся, — сказал Сварог. — И постарался бы расколоть — втайной полиции многому научившись. На земле именно такие люди быстро раскалываются — знатные баловни судьбы, жизнь прожившие в роскоши, довольствие и безопасости. Никто им ни разу не заезжал в ухо, не пугал вполне реальными крупными неприятностями — и вдруг все меняется самым решительным образом, человек осознает, что серьезно влип и церемониться с ним не будут... Но не получится, — добавил он с сожалением. — Мне попросту нечем напугать его всерьез. У нас, конечно, будет запись этой милой беседы, — он кивнул на погашенный экран. — Но ею серьезно не напугаешь, когда нет ничего другого. Он мне просто расхохочется в лицо, и мне придется уйти, как оплеванному...

Марлок с надеждой сказал:

— Может быть, удастся зацепиться за эти «ответные подарки»? Для чего-то же она их принесла?

— Нет пока смыла гадать, — сказал Канцлер. — Мы еще не видели, что там такое, вот когда посмотрим...

На этом разговор как-то сам собой прервался — потому что о чем было разговаривать серьезно, все, что смогли, обговорили. Оставалось сидеть, курить, пропуская мимо ушей несущиеся из каминной сладострастные стечения загадочной гостьи — очень похоже, непритворные, хотя кто ее знает, любая опытная проститутка и не такую страсть изобразит... Техники прилежно сидели за пультами, все это время молча.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из каминной послышалось:

— Вы были великолепны, любезный герцог...

— Всегда к вашим услугам, — отозвался Орк. — Когда я вас вновь увижу?

Канцлер махнул рукой, и техник зажег экран.

— Когда возникнет деловая надобность, — ответила Иляна.

Она, уже одетая и причесанная, стояла у входа в Зазеркалье.

— А просто так вы не можете запросто прийти в гости? — спросил Орк.

— Если выдастся свободная минутка... — лукаво улыбнулась Иляна. — Но у меня сейчас столько дел... До встречи!

Она небрежно чмокнула герцога в щеку и вошла в коридор. Мерцающее голубоватое сияние тут же поползло от рамы к центру, скрыло Зазеркалье, сгустилось — и появилось обыкновенное зеркало, в котором, как полагается, отражался Орк в расстегнутом камзоле и часть комнаты с камином. Пригладив волосы перед зеркалом, Орк подхватил корзину и вышел к ним, опять-таки во исполнение инструкций: самим туда входить не следовало, вполне возможно, из Зазеркалья могли наблюдать за каминной и тогда, когда зеркало становилось обычным зеркалом — никто ничегошеньки не знает о Зазеркалье...

— Вот, извольте, — сказал Орк, поставив корзинку, ухмыльнулся... — Подглядывали, а?

— Мы не извращенцы, — сухо бросил Канцлер.

— Ну да, я тоже предпочитаю не смотреть, а участвовать. — Орк выглядел как кот, стрескавший крынку сметаны. — Ну и стерва, господа, вы бы знали... Ее бы куда-нибудь в Фиарнолл, в дорогой бордель для мореходов с тугим кошельком, она бы там блистала... А то и в Латерану...

Так же сухо Канцлер спросил:

— Как по-вашему, это человек? И держитесь посерьезнее...

Орк убрал с лица фирменную улыбочку:

— Если это не человек, то совершеннее имитации в мире быть не может, но если судить по ощущениям и результатам... исследований — самая настоящая женщина, во всех, как бы удачнее подобрать слово, подробностях. Канцлер, вы разрешите и мне взглянуть, что она там притащила? Мне будет легче с принцем. Смогу войти и не принужденно сказать с порога: «Ваше высочество, я достал вам именно такие...»

— Ладно, оставайтесь пока, — махнул рукой Канцлер.

— Да, а что там с ожерельем? — спросил Сварог.

Орк пожал плечами:

— Судя по всему, действительно полированные камни, никакой синтетической имитации. Очень похоже, цепочка, на которой они висят, запаяна — замочка я так и не углядел. Черт его знает, может, это и впрямь какой-то амулет, который у них таскают, не снимая?

Сварог нетерпеливо отвернулся к корзине. Они с Марлоком присели на корточки, так синхронно, что легонько стукнулись лбами, искры посыпались из глаз. Выпрямились, потирая ушибленное, сконфуженно потоптались — оба опасались повторения сцены. В конце концов Сварог показал рукой:

— Давайте вы, профессор, по старшинству лет...

Моментально справившись с застежкой крышки, обычным кожаным ремешком с пуговкой, Марлок от-

кинул ее. Сварог вытянул шею. Внутри лежали тщательно уложенные плоские коробочки, обтянутые сине-золотистым бархатом — это сочетание цветов будило в памяти некие ассоциации... Ну конечно же! Цвета императорской фамилии, синий и золотой (как-то Сварог в шутку назвал Яну живым символом императорской фамилии — синие глаза, золотые волосы. Шутка ей понравилась).

Марлок схватил одну из верхних коробочек — так, словно передергивал затвор автомата перед атакой. Расстегнул вычурную застежку, то ли золоченную, то ли золотую.

В коробочке лежала самая обыкновенная, уже знакомая «тарелочка», но не обычная, а как две капли воды похожая на ту, что преподнесена Велеретте — по окружности украшена дюжиной полупрозрачных камней, не похожих на драгоценные, только не желтых, а красных. Гравировка — герб императорской фамилии.

Марлок трудился в лихорадочном темпе — хватал коробочки одну за другой, открывал, показывал остальным, складывал возле корзины аккуратной стопочкой. Одно и то же, «тарелочки» походили друг на друга, как две капли воды.

Корзина опустела.

— Восемнадцать... — задумчиво сказал Канцлер. — С чем-то это у меня ассоциируется, вот только не могу определить с ходу...

— А я, кажется, могу, — преспокойно сказал Орк. — Столько у нас принцев и принцесс крови — если не считать одного...

Канцлер повернулся к нему и непререкаемым тоном сказал:

— Любезный герцог, побудьте пока у себя в кабинете. Когда понадобится, мы вас пригласим.

Орк не протестовал, молча направился к двери. Едва она за ним захлопнулась, Канцлер спросил:

— Что думаете, господа?

— Орк — не просто стервец, а умнейший стервец... — сказал Сварог. — Действительно, все совпадает: девятнадцать минус один. Если учесть, что об этих штуковинах говорилось как об «ответных подарках», это, похоже, не совпадение. Не будет же принц вручать подарок самому себе...

Что такое «ответные подарки», Сварог прекрасно знал. Традиция старая, соблюдавшаяся и за облаками, и не земле. Гостям, пришедшим с подарками на какое-то торжество, хозяин непременно дарит ответные — не особенно и дорогие, гораздо дешевле преподнесенных ему, всего-навсего соблюдает правила хорошего тона. Значит, именно это получат прибывшие поздравлять Агеляра с днем рождения принцы и принцессы...

— Но зачем? — прямо-таки рявкнул Марлок. — Зачем им это?

— А для чего точно такую же, но с желтыми камнями, вручили Велеретте? — пожал плечами Сварог. — Зачем они вообще распространяют их на Таларе? Я даже не пытаюсь ломать голову. Не верю, что мы самостоятельно до-ищемся — таких озарений попросту не бывает. Нам нужен человек, который знает точно — вроде этой Иляны. Уж она-то должна знать. А вот принц может и не знать. Впрочем, его все равно пока что не на чем прижать. Канцлер, вы не возражаете, если экспертизу проведут мои люди? Они в последнее время собаку на этом съели. Отнимет все не более часа...

— Конечно, — кивнул Канцлер. — Какая, по сути, разница, кто именно... Берите одну, все равно Орк полетит к принцу только завтра утром...

Сварог положил коробочку в правый карман камзола — а из левого достал другую, взятую у Велеретты. Спросил:

— Профессор, вы уже получили от Каниллы Дегро излучатель «третьего ручейка»?

— Вчера вечером, со всей документацией, — профессор ухмыльнулся. — Мои рыцари науки спать не ло-

жились, занимались этим всю ночь — ну, мне и самому страшно любопытно...

— А бумаги вы читали?

— Внимательно изучил.

— Тогда знаете про модуляции «ручейка»...

— Ну конечно, — сказал Марлок. — Этакий алфавит из семи букв, дающих пять тысяч сорок комбинаций... Куда вы клоните?

— У вас, я слышал, есть хороший полигон, — сказал Сварог. — У меня в девятом столе пока что нет. В восьмом департаменте есть, но я хочу соблюсти предельную секретность. У меня возникла сумасшедшая идея — может быть, от бессилия... Вы бы не могли провести на полигоне Техниона несложный эксперимент?

— С превеликий радостью, — тут же ответил Марлок, завзятый экспериментатор, о чем Сварогу было давно известно. — Я бы даже предпочел сложный...

— Нет, у меня на уме довольно простой — сказал Сварог. — Полигон у вас на Сильване?

— Нет, на орбите. Иные эксперименты заканчиваются... совершенно неожиданными и нехорошими последствиями. Так что порой мы даже отводим одну из платформ подальше в космос и управляем всем дистанционно...

— Отлично, — сказал Сварог и протянул ему коробочку. — Идея у меня такая — «обстрелять» эту штуковину излучением «третьего ручейка», перебирая комбинации. Я уже прикинул: если тратить на каждую секунду десять, это займет не более полутора суток. Если ничего так и не выйдет, вы всего-навсего потеряете время, и только...

— Подумаешь, невелик ущерб, — фыркнул профессор с охотничим азартом в глазах. — В науке порой необходимы самые сумасшедшие эксперименты.

— Только отведите платформу на такую орбиту, чтобы Талар все время закрывал ее от Нериады, — сказал Сварог. — На всякий случай. Они могут за нами каким-

то образом наблюдать — техника их, насколько можно предполагать, высокоразвитая...

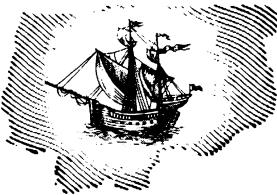
— Хорошо, сделаю, — заверил профессор.

Канцлер, стараясь сохранять свое обычное бесстрастие, спросил вроде бы небрежно:

— У вас появились какие-то конкретные идеи, лорд Сварог?

— Честно говоря, никаких, — признался Сварог. — Как бы сказать... Просто-напросто в определенный момент вдруг возникла идея такого вот сумасшедшего эксперимента. Других ведь, более осмысленных, попросту нет... Есть излучение Радианта. Есть странные изделия, неизвестно зачем распространяемые по Талару... а теперь, как оказалось, еще и среди принцев и принцесс крови, вот мне и пришло в голову: а что выйдет, если со-вместить то и другое? Дурацкая идея, но...

— Но более умных и осмысленных все равно нет, — кивнул Канцлер. — Ну что же, действуйте, Марлок...

Глава VII

ПОЩЕЧИНА И ПРОЧИЕ СЮРПРИЗЫ

На сей раз компьютер в кабинете Сварога закурлыкал особенным образом — сие означало, что включилась крайне редко пускавшаяся в дело секретная линия высшей степени защиты, носившая официальное название «Алмазная броня». Ну, неудивительно — в свете последних событий постановлено было Канцлером все особо важные разговоры по ней и вести. Марлок? Если все же будет какой-то результат, на него можно наткнуться гораздо ранее полутора суток — когда перебираешь все возможные комбинации, так порой случается...

Он торопливо плюхнулся в кресло, нажал клавиши. На экране возникла, к его немалому удивлению, желтая рожица на черном фоне, забавная, походившая на какого-нибудь доброго персонажа мультфильма. Сварог оторопело уставился на нее — а она улыбнулась во весь рот, залихватски подмигнула и спросила обычным человеческим голосом:

— Ну что, хочешь посмотреть, недотепа, как твоя женушка развлекается на земле?

И исчезла. На ее месте появилась комната с низкой широкой кроватью и массивными креслами — вся мебель в таларском стиле, она и сейчас в моде. Ярко горят карбамильские лампы, портьера задернута...

Кровь бросилась Сварогу в лицо. У постели стояла Яна, а рядом помещались два голых по пояс усача в форменных черных штанах с синими лампасами и золотым шитьем. Их рубашки и камзолы валялись тут же на кресле — прекрасно знакомые Сварогу камзолы Черных Егерей со старинной эмблемой полка у левого плеча.

Один, стоя за спиной Яны и что-то нашептывая на ухо, неторопливо расстегивал на ней коротенькое красное платьице с Той Стороны. Второй запустил ладони под подол. Яна стояла смиренехонько, опустив руки, уставясь в потолок, на ее губах играла безмятежная блудливая улыбочка. Платьице легло на кресло поверх камзолов, туда же отправились сиреневые кружевные тряпочки. Яна все так же стояла, поддаваясь грубоватым неторопливым ласкам. Посмотрела в глаза стоявшему перед ней:

— Только не оба сразу, хорошо? Я не настроена пробовать какие-то изыски. Просто-напросто хочется отомстить мужу за все измены той же монетой...

— Как вам будет угодно, ваше величество, — сказал усач. — Со своей стороны, хочу заметить, что вы выбрали самый эффективный способ мести... и самый приятный. Хочу выразить...

— Вы — первый, — прервала Яна, улыбаясь.

Высвободилась из нахальных объятий, отошла к постели и раскинулась на алом атласе. Усатый лихорадочно сбросив сапоги и штаны, лег рядом.

— Без долгих прелюдий... — прикрыв глаза, ерзала Яна.

— Как пожелаете... — хрюплю отозвался усач,

Слияние двух тел, размашистые движения гвардейца, удовлетворенные стоны... Сварог смотрел, стиснув

зубы, чувствуя, как горит лицо, словно после нескольких хлестких пощечин.

Он смотрел, смотрел... И вдруг ощутил прямо-таки нечеловеческое облегчение, стал спокойным, как удав. Почти не глядя, нажал клавишу записи, сунул в рот сигарету, жадно затянулся и процедил сквозь зубы:

— Значит, вот так изволите...

На душе стало невыносимо легко. Ее тело, ее лицо, ее голос — и все же это не она. Достаточно долго пробыли в одной постели, чтобы заключить со всей уверенностью: это совершенно не ее манера заниматься любовью, ничего и отдаленно похожего, уж ему ли не знать...

Следовательно... Он резко отодвинул кресло, встал и вышел в приемную. Секретарь показал на лежащий в углу стола конверт с эмблемой девятого стола:

— Ваше величество, донесение из второго научного корпуса, седьмая лаборатория...

Ну, пусть это кому-то покажется абсурдом, чрезмерными предосторожностями, но лучше уж такой абсурд — кого стыдиться? Все материалы по Радианту пересылаются не с помощью компьютерной сети, самых засекреченных ее каналов — вот так, на старинный манер, в конвертах и пакетах, пусть даже конверт проществовал между двумя соседними зданиями...

Сейчас, впрочем, было не до седьмой лаборатории. Взяв конверт и запихав его в карман, не обинуясь тем, что конверт при этом смялся, Сварог распорядился:

— Разыщите лейтенанта Элкона, немедленно. Хоть из-под земли достаньте, если понадобится, поднимите...

— Нет необходимости, господин директор, — вежливо, но решительно прервал его секретарь (что ему в определенных случаях позволялось). — Лейтенант Элкон — в первом научном корпусе, в пятом зале.

Ага, там, где работает Канилла... Сварог сказал:

— Прекрасно. Вызовите немедленно. Бегом ко мне. Именно б е г о м. И пусть захватит «неразлучника»...

Не дожидаясь ответа — а какой тут нужен ответ? —

вернулся в кабинет, неторопливо прошелся из угла в угол, сел за стол и уставился на экран все с тем же холодным любопытством. Чужие стоны и вскрики, чужие позы... Криво усмехаясь, не удержался, вновь негромко произнес сквозь зубы:

— Ну, суки, попадетесь вы мне... С дерзьмом смешиаю...

Распахнулась дверь, вошел Элкон, чуть запыхавшийся — видно, что и в самом деле бежал. На плече у него висел коричневый кожаный футляр размером с книгу — небольшой, но мощный компьютер, который Элкон постоянно носил при себе, если позволяла окружающая обстановка. Сварог вышел из-за стола, кивком показал на компьютер:

— Садитесь на мое место, посмотрите...

Элкон подчинился без вопросов. Поднял на Сварога глаза. Вид у него был не то что удивленный — оторопелый. Он выпалил:

— Это за... — это словечко он мог подхватить исключительно у кавалеристов во время достопамятного похода в Горрот.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Удивительно точное определение, Элкон, лучше и не подберешь... Это не Яна. Она ведет себя совершенно иначе... ну, мы с вами взрослые люди, вы меня прекрасно понимаете... Беритесь за работу. Сначала установите, откуда идет передача, все такое прочее... Потом возьмитесь за сам... фильм, определите точно, что это такое, вы ведь можете?

— Смогу, командир.

— А сможете работать в то время, когда зрелище продолжается?

— Свободно. Запараллелю передачу на свой, всего и дел. Я так полагаю, квадранса мне хватит, ну, самое большее — полчаса, — сказал Элкон со спокойной уверенностью в себе.

— Валяйте, — сказал Сварог. — Я пока поболтаюсь по манору, когда закончите, свяжитесь...

Элкон извлек «неразлучник», поставил на стол, зажег клавиатуру, пальцы запорхали по ней проворно и ловко, лицо стало, как всегда в таких случаях, отрешенно-азартным — Элкон уже не видел ни Сварога, ни кабинета, с головой у х н у в в работу. Все обстояло прекрасно. Сварог вышел из кабинета, из приемной, из здания, сел на вычурную скамейку (их много стояло по бокам лестницы, надо сказать коменданту, чтобы заменил на что-нибудь менее вычурное). Подумав, вскрыл конверт, пробежал взглядом коротенькое, в пару строчек заключение — ну, он и не ждал длинного. Что же, ничего удивительного — чего-то в этом роде и следовало ждать. Прокололись, сволочи, в точности по классикам... а в общем, это даже и неинтересно, особенно уж полезной информации не содержит...

Он небрежно засунул конверт в карман, скомкав его вовсе уж немилосердно, откинулся затылком на гнутую спинку и за неимением другого занятия замурлыкал под нос одну из «жальниц» воров-разбойничков, услышанную в свое время на каторжанском корабле:

— *Не могу я ни ходить,
Ни стоять, ни сидеть.
Надо будет посмотреть,
не смогу ли я висеть...*

Вообще-то «жальница» не подходила его настроению категорически — оно, смело можно сказать, было прекрасным, но ему как-то не приходило на ум ничего из «веселильниц». Если только он их вообще тогда слышал — там было не до веселых песен...

А потом сидел, пуская дым, пока из-за угла внезапно не появилась Яна. Сюрприз, однако — обычно она всегда предупреждала, что собирается к нему...

Подошла и остановилась у скамейки, поглядывая как-то странно. Сварог сказал чуть сердито:

— Без охраны? Ты же обещала...

— Да с охраной, не переживай, — отмахнулась Яна. — Два браганта, люди Абданка и твои детишки... Я их оставила на посадочной площадке — уж здесь-то, думается, охране нет смысла за мной по пятам ходить?

Она закурила и сидела, напряженно выпрямившись. Лицо — то ли напряженное, то ли даже тревожное. Что-то здесь было не так, и крепенько...

— Вита, — осторожно сказал Сварог. — Случилось что-нибудь?

— Как тебе сказать... Мне тут пришла на компьютер очень похабная запись...

Она открыла свою плетенную из золотых колечек сумочку и показала Сварогу флэшку. Не выдержав, он ухмыльнулся во весь рот:

— Знаешь что, Вита? Давай-ка я сыграю в нечеловеческую проницательность, ладно? Тебе прислали запись, на которой я, потаскун такой, вовсю развлекаюсь с кем-то из придворных... э-э, красоток, а то и двумя?

— Вот именно, — ответила Яна чуть удивленно. — Только сначала появилась такая уморительная рожица, спросила, не хочу ли я посмотреть, чем муженек занят, когда меня с ним нет. А потом началось... Ты, леди Ронкал и леди Барельтон...

— Логично... — проворчал Сварог.

Две помянутых красотки давно и по заслугам чисились в Келл Инире в первой десятке придворных дам, как бы это поделикатнее выразиться, побивших все рекорды легкомыслия. Ну, а если без деликатности — словечки следует потреблять исключительно драгунские, хотя и моряцкие подойдут. Милейшие особы, обе в разное время в поисках острых ощущений с недельку прослужили в таларских портовых кабаках. Обе когда-то всерьез пытались присовокупить к своей коллекции и Сварога, и приходилось проявлять порой чудеса проворства, чтобы от них улизнуть...

— Ну, а ты? — с любопытством спросил Сварог. — Что-то ты не похожа на женщину, твердо намеренную

приложить неверному муженьку чайником по макушке...

— Честно сказать, я сначала и в самом деле вскипела, а потом присмотрелась и как-то сразу успокоилась... Уж не знаю, как там обстоит с этими двумя... — она явно вовремя проглотила то ли драгунское, то ли моряцкое словечко. — Но ты был не ты, — она на миг опустила ресницы, щеки чутьчку порозовели. — Ты все делаешь совершенно иначе... Это никак не мог быть ты... Постой! А откуда ты знаешь?

Сварог, все так же весело ухмыляясь, показал кивком себе за спину, на здание:

— У меня в кабинете, Вита, очень может быть, до сих пор компьютер **к а ж е т** запись, на которой ты очень непринужденно развлекаешься с двумя таларскими гвардейцами. Очень живописное зрелище, несовершеннолетние не допускаются...

— Что-о-о-?

— Да то же самое, что и у тебя, только наоборот, — сказал Сварог. — Похожа на тебя как две капли воды, но это совершенно не ты... Тоже сначала вскипал, но быстро успокоился, когда сообразил, что к чему. Не смотри ты так удивленно. Голову можно прозакладывать, шуточки Радианта. И ведь нельзя сказать, что так уж глупо задумано. Будь мы с тобой людьми другого склада, больше склонными поддаваться эмоциям, чем рассудку, черт знает, чем могло кончиться. В любом случае — жуткойссорой, которая пошла бы во вред делу...

— Но мой компьютер...

Сварог ее понял. Ее компьютер — самый защищенный из всего, что только найдется в Империи. Там стоит не «Алмазная броня», а что-то вовсе уж запредельное, о котором Элкон отзывается с неприкрытым уважением, хотя говорит: если бы он взялся со всем своим умением, невозможно заранее сказать, чем кончилось бы, вполне возможно, и триумфом — как выражался герой одного

отличного фильма, виденного Сварогом в покинутом им мире: что один человек сделал, другой завсегда разломать может...

— Значит у Радианта есть способные умельцы, — сказал Сварог, морщась. — Нужно учитывав это. Я думаю, записи нужно показать Канцлеру...

— Придется... Но нужно же что-то делать?

— У меня в кабинете сидит Элкон, — сказал Сварог. — Выясняет все, что только в его компетенции. А делать... Больше мы, собственно, ничего и не можем сделать. Принца Агеляра мне пока что нечем прижать. Посмотрим, что даст «Невод-2»...

— Агеляр... — задумчиво сказала Яна. — Я с ним, так уж получилось, гораздо лучше знакома, чем с иными другими родственниками. Весьма неглупый человек...

— Это-то и плохо, — проворчал Сварог. — Умный мерзавец всегда опаснее глупого. Помню...

Он замолчал, почувствовав вибрацию, вытащил «портсигар» и, прочитав короткое сообщение, поднялся:

— Пошли, Вита. Элкон закончил.

Она прямо-таки вскочила.

Пропустив Яну в кабинет, Сварог сразу определил, что запись еще не кончилась: от компьютера по-прежнему доносились сладострастные стоны и крайне похабные реплики. Усмехнулся, легонько подтолкнул Яну к столу:

— Иди, посмотри на «себя»...

Не садясь, она через плечо Элкона глянула на экран, присмотрелась. И не сдержалась, у нее вырвалось короткое, но выразительное словечко, о происхождении которого не стоило и гадать — подхватила где-то, когда они инкогнито разъезжали по Пограничью, бывали и на ярмарках, и на танцах, и в кабаках для вовсе уж простого народа. Как выражался герой другого отличного фильма — там было много новых слов. Не затыкать же ей было уши ватой...

Сварог с Элконом, как настоящие джентльмены, притворились, будто ничего и не слышали. Сварог подошел, убрал звук — но запись не отключил. Показал Яне на кресло в уголке, откуда она не могла бы видеть экран, открыл шкафчик и с вопросительным видом показал ей бутылку «Кабаньей крови». Она сердито кивнула. Сварог налил всем и сказал:

— Ну, до чего докопались?

— Что до передачи, командир, с ней обстоит в точности, как с камнями-компьютерами: откуда ведется и каким путем подключились, выяснить невозможно, по крайне мере, с помощью нашеей аппаратуры. Передача из ниоткуда...

— Так... — сказал Сварог, покосился на свой компьютер. — У меня передача до сих пор идет... Свяжитесь с первым корпусом. Канилла давно наладила наблюдение за Радиантом... Пусть доложат, есть ли он сейчас в прямой видимости... вообще, результаты наблюдений.

Элкон кивнул и склонился над «неразлучником». Не прошло и минуты, как он поднял голову:

— Радиант в прямой видимости, очередная «встреча» будет длиться не менее четырех часов. Они сообщают еще: все это время он излучает в варианте модуляции номер семьсот два...

— Ну вот, уже кое-что, — сказал Сварог. — Теперь знаем, на каком режиме они залезают в наши компьютеры... правда, насколько я знаю, пока еще никто не придумал, как их глушить, хотя и у Каниллы, и в Технионе мозги дымятся от усилий... Ладно. Что насчет самого маловысокохудожественного фильма?

— Подделка, — сказал Элкон. — Компьютерная графика — но высочайшего класса, как и та, у Орка, с проектами покушений. У них отличные компьютерщики, командир, выпади случай, я бы с ними с удовольствием пободался...

— А уровень? — спросил Сварог. — Превосходят они нас? Насколько, если превосходят? Или уступают? Можно сказать что-то определенное?

— Конечно, — сказал Элкон. — Я бы выразился так: очень похоже, мы с ними идем голова в голову. Примерно — паритет... — и быстро добавил: — Но это мнение — исключительно на основании того, что мы наблюдали на данный момент. Не хочу быть пессимистом, но если рассуждать теоретически, у них может оказаться отложенным на черный день что-то и посильнее...

— Посильнее нашего? — спросил Сварог спокойно.

— Командир, вы же сами нас учили: если нет точной и всеобъемлющей информации, на всякий случай стоит подозревать самое худшее, по максимуму. Мы о них практически ничего не знаем...

У Сварога чуть не сорвалось с языка: «Кроме того, что их бабы-агентессы преспокойно рассчитываются с ценными агентами своей...» Но он вовремя вспомнил о Яне и прикусил язык.

— Ну, что ж, — сказал Сварог, подумав. — Особых успехов нет, но на пару шажков мы все же продвинулись, а это лучше, чем ничего. И позволяет делать кое-какие умозаключения. О нас они, похоже, знают немало, значит, просто обязана быть агентура из местных, занятая исключительно сбором информации. Правда, как ее засечь, ума не приложу... — он посмотрел на Яну. — Знают даже, какие у нас отношения, но это не говорит о каких-то их сверхъестественных способностях — об этом очень уж многие знают... И вот что мне кажется... Эта пакость со «взаимным компроматом» по большому счету — мелковата... Ох, мелковата... Наших точных психологических характеристик у них нет — для этого одной агентуры мало, для этого нужно долго и старательно за нами наблюдать, в том числе и в быту, чтобы узнать характеры, составить психологические портреты, а уж исходя из этого что-то предпринимать...

— А они на авось, — бледно улыбнулась Яна. — Вдруг ты меня из ревности зарежешь, или я тебя застрелю, или, в крайнем случае случится та самая жуткаяссора, сложности вызовет, отвлечет от дел...

— Вот я и говорю, — сказал Сварог. — Действовать на авось — это всегда мелковато. Что-то я не вижу у нас в противниках этаких суперсуществ. Как только что сказал Элкон — примерный паритет. Уже легче...

...Вопреки своему всегдашнему обыкновению, Канцлер не сидел за столом, а неторопливо прохаживался по кабинету, зажав в зубах погасшую трубку. Сварог так и не догадался, есть ли это признак сильного, умело скрываемого волнения. Очень уж замурованная наглоухо личность — наш Канцлер...

Зато Марлок не скрывал своих чувств так искусно. Он сидел, как на иголках, то и дело поглядывая на свое небольшое устройство, аналогичное «портсигару» Сварога — остававшееся немым как рыба. В чем тут дело, Сварог прекрасно знал: излучатель на полигоне почти сутки лупил по «тарелочке» комбинациями, коих перебрали уже добрых две трети...

— У меня две с к в е р н о в а т ы х новости, ваше величество, лорд Сварог, — сказал он, остановившись посреди кабинета и оборачиваясь к ним. — Одна свежайшая, рапорт поступил, пока вы сюда летели, другой уже несколько часов. Не знаю, с чего и начать, обе новости, я бы сказал, равноценны...

— Я бы начал с самой свежей, — сказал Сварог. — Коли уж они равноценны.

— Пожалуй, присоединюсь к мнению лорда Сварога, — сказала Яна.

— Ну что же... — продолжил Канцлер. — Вам, ваше величество, безусловно неприятно будет слушать, но ничего не поделаешь... Четыре часа назад, точно по расписанию, начался плановый сеанс телевещания на землю. Стандартная программа: придворная хроника,

музыка на фоне пейзажей, две серии бесконечных типовых сериалов, приключенческого и любовного... — он хмыкнул. — Которые, увы, у нас иные обожают столь же страстно, как на земле. Вот только вместо придворной хроники на экранах появилась та мастерская подделка, которую скинули на компьютер лорду Сварогу... В телекентре поначалу растерялись, пытались что-то подавить, как-то убрать, но потом кто-то сообразительный и энергичный вообще вырубил вещание. Передача шла чуть менее минуты, вряд ли кто-то успел узнать «вас», ваше величество, а если и узнал, сплетничать побоится. Но даже если и начнет, ничего страшного: всеобщего изумления не будет...

— Станет сплетничать — отловим... — сказал Сварог.

— Да, конечно, но не в том дело... На сей раз речь шла не о том, чтобы поссорить ваше величество и лорда Сварога — дело, несомненно, было вызвать на земле нешуточное смятение в умах. И тут угроза, по-моему, переходит на качественно новый уровень. Оказалось, они могут влезть в телевещание на землю, что хуже — в неплохо защищенный компьютер лорда Сварога в девятом столе, и, что совсем скверно — в личный компьютер ее величества, защищенный на пределе наших возможностей. Это сегодня. А завтра? Что, если они в состоянии влезть в систему управления боевыми орбиталами? В сети военных и спецслужб? И полностью их парализовать — а тем временем предпринять какие-то действия? Брашеро в свое время это удалось, правда, тогда успели раньше, чем он начал с размахом.

— Можно попытаться кое-что прояснить, — сказал Марлок. — Все мы тут осведомлены о некоторых тонкостях... Лорд Сварог, ваши хельстадские умельцы, кто бы они там ни были, могут проникнуть в личный компьютер ее величества?

— Представления не имею, — сухо ответил Сварог. — Никогда не ставил таких задач и не собираюсь.

— Канцлер, а если мы разрешим лорду Сварогу поэкспериментировать в интересах дела?

— Зачем?

— В любом случае сможем составить более полное представление об их возможностях...

— Не вижу смысла, — отрезал Канцлер, досадливо поморщился. — Ваша страсть к экспериментам, Марлок... Делу это ничего не даст. Вряд ли нам так уж необходимо знать точные границы их возможностей. Гораздо важнее придумать, как им противостоять... называя вещи своими именами, как нам защищаться. Как это ни прискорбно для нашего самолюбия, мы пока что именно защищаемся... Особенно, если учесть вторую скверную новость, по-моему, в некотором смысле примыкающую к первой. С «Неводом-2». Чередой пошли помехи и сбои — в работе и орбиталов, и аппаратуры лейтенанта Дегро. Полunoчные районы королевства Даркош, те, где находится Радиант, невозможно изучить, как надлежит. Помехи и сбои хлынули буквально потоком. Мы проверили, это касается только интересующего нас района. Так что локализовать место, где находится Радиант, пока что невозможно. Они там пытаются что-то сделать, уводят орбиталы на более высокие орбиты, срочно перебрасывают к Нериаде другие разновидности наблюдательной аппаратуры. Но... — он печально усмехнулся. Я прекрасно помню одну из любимых поговорок лорда Сварога — «Ожидаем лучшего, но готовимся к худшему». Поэтому я заранее настроен пессимистически. Предугадать следующий ход невозможно. Остается... — он помедлил. — Остается жесткое силовое решение. В конце концов, мы в состоянии перепахать в с ю Нериаду на десять ударов вглубь с земли: подтянуть «Белый шквал», «Глаз Балора», «Протуберанец» наконец. Крепко сомневаюсь, что они смогут защититься. Разумеется, это крайняя мера, но ее нужно взять в расчет. Лорд Сварог, у вас, как и в прошлый раз, будут возражения против такого варианта?

— Ничего подобного, Канцлер, — сказал Сварог. — Я только что поймал себя на том, что судьба обитателей Нериады мне совершенно безразлична. Злюсь на себя, но так и обстоит. Земные королевства — мои, там люди, с которыми я хорошо знаком, которых уважаю и ценю... и миллионы незнакомых, за которых я отвечаю, как за своих подданных. Ни одного жителя Нериады я никогда не видел вживую, они для меня совершенно чужие, к тому же это словно бы даже и не люди, а некие куклы. Если встанет вопрос «Они или Империя?», буду всецело на стороне Империи... еще и оттого, что угроза возникает не только для Империи, но и для моих королевств. И все же... Я был бы категорически против силового решения. Не из гуманизма, а по соображениям насквозь практическим. Кто бы они ни были, откуда бы ни пришли, из Зазеркалья, о котором никто не знает ничего, или из каких-то других миров — на Нериаде они именно пришельцы. Будь их там много, мы бы их непременно обнаружили раньше. Все за то, что их мало, что Нериада для них — не более чем база. И ее уничтожение нам ни малейшей пользы не принесет. Они всего-навсего отступят в свой мир — а потом могут нанести удар в другом месте, как-то иначе, и это для нас будет совершеннейшей неожиданностью, последствия которой я просчитывать не берусь...

— Разрази меня гром, лорд Сварог прав, Канцлер... — сказал Марлок.

— Пожалуй... — согласился Канцлер. — Но все равно, если дело дойдет до критической точки — я надеюсь, мы сможем ее усмотреть вовремя, не останется ничего другого...

— Я и не спорю, — сказал Сварог. — В случае, если...

Он замолчал — мелодично засвиристела блестящая коробочка Марлока, профессор сцепил ее, как кот мышь, зажег клавиатуру, невидимый остальным экран. Судя по всему, пришло какое-то сообщение — ничей голос так и не раздался. Профессор напряжен-

но уставился на экран, на его лице сменяли друг друга самые разнообразные чувства. Все остальные молчали.

— Вот такие дела... — сказал Марлок с непонятным выражением на лице. — Рапортуют с полигона. Лорд Сварог, ваша идея оказалась нисколько не безумной, совсем наоборот... Когда пошла в ход комбинация за номером три тысячи сто семьдесят два, на месте «тарелочки» образовался огненный шар диаметром около двадцати уардов — и продержался пять секунд, потом пропал. Температура составляла примерно три с половиной тысячи градусов, — он криво, вымученно усмехнулся. — При такой температуре кипят, как вода в чайнике, медь, олово и кобальт, и не только они. А уж человек испаряется, как капля воды на раскаленной плите...

Значит, вот так, подумал Сварог, вспомнив двухэтажный, но не особенно и большой дом Интагара. В какой бы комнате ни полыхнуло, от дома останется выжженная изнутри коробка, а то и ее не будет — коли уж кипит медь и другие металлы. Ночью, когда Интагар дома... Порой он, впрочем, дома не ночует, но поблизости от его дома можно посадить агента и совершенно точно знать, что он приехал...

— Неглупо, — сказал Сварог глухо.. — Интагар — весьма важная шестеренка в моем государственном механизме, на него очень многое замыкается. Я запрошу других ключевых персон — не попадали ли к ним в дом такие вот «тарелочки». Мало ли еще кому могли подсунуть безобидный внешне подарок, как это пытались проделать с дочкой Интагара... подождите! — почти вскрикнул он, озаренный внезапной догадкой. — Логично предположить, что и подарки принца должны полыхнуть...

— Это бессмысленно, — сказал Канцлер... — Рукотворный огонь. Совершенно безопасный для ларов. Слуги погибнут, а лары останутся невредимы.

— Я помню, — сказал Сварог. — Я и не утверждаю, что полыхнет непременно огонь. Это может быть что-то другое, столь же смертельное для ларов, как и для жителей земли... вот только я пока что совершенно не представляю, что это может быть...

— Проверить предельно просто, — сказал Марлок. — Отвезти на полигон «синюю тарелочку» и обстрелять ее «третым ручейком». Если все сделано по тому же принципу... Надеюсь, вы не считаете эту идею излишней страстью к экспериментаторству, Канцлер?

— Не считаю, — угрюмо отозвался Канцлер. — Наоборот, поддерживаю. — Он взглянул на часы. — В маноре принца Агеляра давно уже началось праздничное застолье. Поскольку это не гулянка принца Элвара, а чинное семейное торжество, гости разъедутся к вечеру. Нужно подумать, как изъять у кого-то из них «тарелочку». Следует выбрать кого-то самого слабохарактерного, который, будучи настрого предупрежден, станет держать язык за зубами...

— А зачем изымать? — спросил Сварог, вспомнив иные детективные романы и фильмы. — Гораздо практичнее будет подменить. Я могу прямо сейчас отправить приказ моим людям, они в два счета купят чистую «тарелочку», а мастера быстро выгравируют герб и подберут похожие поделочные камушки — на земле их много, всевозможных цветов. Если все же не найдется подходящего, пошлю самолет в Маррано, там лучшие на Таларе стеклодельные мастерские, в два счета сварят стекло любого цвета и оттенка — кроме «разноцветного хрусталия», секрет которого утрачен. Простое синее — запросто. Понадобится совсем небольшой слиток, остынет он быстро... Если напрячешься, вполне можно управиться к утру. В манорах полно агентуры восьмого департамента. Где бы «тарелочка» ни висела, ее нетрудно украдкой подменить. Никто и не заметит...

— Толково, — сказал Канцлер. — Посылайте приказ немедленно.

Сварог достал «портсигар» и отправил Интагару не особенно и длинную шифровку, что заняло минуты три. Все это время присутствующие молчали, словно опасаясь чему-то помешать.

— Вот и все, — сказал Сварог, пряча «портсигар» в карман. — Сейчас Интагар пошлет человека за тарелочкой и станет подыскивать подходящих мастеров — а у него, я уже убедился, есть мастера на все случаи жизни.

Канцлер задумчиво сказал:

— Если и со второй «тарелочкой» что-то произойдет, будет, с чем идти к принцу, чтобы взять его за глотку...

— Думаете? — спросил Сварог. — А я вот не уверен... Даже если «тарелочка» сработает, прямых улик не будет. Он может твердить от рассвета и до заката, будто понятия не имеет, что ему подсунул злодей Орк, которого он просил достать самые безобидные «тарелочки» — и уличить его попросту нечем. Возможно, эти, из Радианта, Орку вульгарно соврали насчет канцлерства, и он им был нужен исключительно для того, чтобы «тарелочки» попали к принцу, не вызвав ни малейших подозрений. Можно, конечно, взять его на пушку, но «тарелочки» маловато для серьезных психологических игр. Будь у меня еще кое-что, чего пока нет, но создать его нетрудно...

И сделал хорошо просчитанную паузу. Он не импровизировал, заранее готовился к этому разговору, многое продумал и изучил...

Как он и ожидал, и Канцлер, и Марлок восхитились одновременно:

— Ч то?

Яна промолчала, но с интересом подалась вперед.

— Смертная казнь, — спокойно ответил Сварог. — Я бы очень просил меня до поры до времени не перебивать... У меня многое продумано, так что я как следует поразмыслил... Смертная казнь, которую тысячу с лишним лет назад по благородству души отменил император Анишер Четвертый — что в последующие

времена не раз придавало уверенности участникам нескольких заговоров, твердо знаявших, что жизни они не лишатся при любом обороте дел. На собственном опыте убедился, пока сидел на земных престолах — смертная казнь не способна искоренить ни один вид преступлений полностью, но многих способна остановить вовремя — и ее наличие частенько облегчает допросы. Позвольте сначала пример из собственной практики? Мне, да и многим моим начальникам тайной и обычной полиции, хуже горькой редьки надоели так называемые «тарабарские принцы»... вы знаете, кто это такие? Отлично, обойдемся без лишних объяснений. Я созвал совещание, пригласил с дюжину вышеупомянутых лиц, мы все обговорили. В общем, я месяц назад подписал очередной указ... Татуировки «тарабарских принцев» и матерых бандитов рангом пониже известны превосходно, у полиции есть подробные справочники. Так вот, указ не особенно длинный. Каждый, у кого на теле будет обнаружена хотя бы одна такая татуировка, без суда и следствия подлежит смертной казни. Соответствующие изменения в Карний кодекс внесены. С дополнением: если тот, кого это касается, сдастся полиции и поклянется покончить с прошлым, ему делается еще одна татуировка, означающая, что отныне он чист перед законом, — Сварог жестко усмехнулся. — Правда, если такой все же попадется на нарушении клятвы, его ждет уже не петля, а нечто похуже... Полиции — и вообще любому, кто передаст в руки закона такого субъекта, — положено серьезное денежное вознаграждение. Первые итоги впечатывают оптимизм. Схвачено за этот месяц более сорока человек — примерно половину схватила полиция, другую половину либо цинично сдали сообщники — награда достаточно заманчивая — либо просто случайные люди. Их вешают в людных местах, голыми — чтобы все знали, за что это тут человечка вывесили... Еще одиннадцать сдались полиции. Трое сбежали на

Сильвану — но об этом указе знают и там, а золото любят не меньше, чем на Таларе. По данным полиции, еще трое пытались татуировки как-то удалить, что не удалось. Учитывая, что подлежащих повешению субъектов на Таларе, по точный данным полиции, не более шестисот, результаты о б н а д е ж и в ю т... Если и дальше будет продолжаться теми же темпами... К чему я веду? Я изучил архивные документы. Отмененный императором закон о смертной казни был отнюдь не людоедским и охватывал крайне узкий круг лиц. Касался лишь, я вам сейчас приведу точную формулировку, «совершеннолетних персон независимо от пола, кавовые примут участие в заговоре с целью свержения либо убийства правящего монарха, либо его супруги, либо правящей монархини, либо принца трона». Распространялся этот закон и на принцев и принцесс крови либо короны... По-моему, ничего людоедского — а вот потенциальных заговорщиков в узде закон держал крепко. Сейчас принц — или принцесса — во что бы они ни оказались замешаны, прекрасно знают, что им не грозит ни замок Клай, ни тюрьма Лорс. Самое худшее, что их ждет, — пожизненная ссылка на Сильвану, в достаточно обширное поместье. А вот точное знание, что впереди может ожидать плаха, поневоле заставит на многое смотреть иначе. Если бы я явился к принцу, имея в кармане только что изданный императрицей указ о восстановлении смертной казни, мне было бы гораздо легче взять его на пушку... Гораздо легче...

— Юридические детали? — спросила Яна.

— С ними обстоит крайне просто, — ответил Сварог. — Указ был бы коротким, в две строчки: «Традиционное обращение к «сторонам света, четырем мирам». Далее «Повелеваю исключить из Эдикта о прегрешениях и наказаниях статью седьмую». Подпись императора. Большая императорская печать. И все. Так что достаточно будет столь же короткого указа, повелевающего вернуть в Эдикт статью седьмую... Я говорил с

Прокурором Высокой Короны, он подтвердил, что так и обстоит...

Он замолчал. Яна прервала его решительным жестом. Выпрямилась в кресле — лицо чуточку побледневшее и решительное, губы плотно сжаты, — потом сказала тоном, после которого коронованным особам перечат разве что добровольные самоубийцы:

— Милорды, попрошу вас несколько минут посидеть молча...

Протянула руку, пошевелила губами — и перед ней на темном полированном столе возник лист гербовой бумаги, сразу видно, того образца, что предназначен для императорских указов: вверху императорский герб в несколько красок со всеми полагающимися геральдическими красивостями вроде намета и фигур — щитодержателей, кайма из затейливого золотого узора, таившего в себе какие-то секреты, своеобразные «водяные знаки», защищающие от подделки. Вынув из воздуха стилос, Яна на недолгое время задумалась, подняв глаза к потолку, потом не торопясь, аккуратно вывела пару строчек, поставила размашистую, вычурную подпись. Обвела присутствующих холодным взглядом м о н а р х и н и. Спросила бесстрастно:

— Канцлер, надеюсь, у вас нет возражений? Это указ о возвращении в Эдикт седьмой статьи.

— Ни малейших, ваше величество, — сказал Канцлер, явно понимавший, что никакие возражения сейчас не помогут. — С одной стороны, кто-то может усомниться в этом возвращение к старинном варварству, с другой — такое мнение не будет иметь особого значения.

— Я бы уточнила — никакого значения! — поправила Яна. — Печать приложу немедленно, как только после совещания прилечу в Келл Инир. Лорд Сварог, вы получите копию первым.

— Давно пора, — недобро насупясь, бросил профессор Марлок. — А то распустились...

Яна нетерпеливо спросила:

- Есть еще какие-то деловые вопросы?
- Пожалуй, нет, — сказал Канцлер.
- Один-единственный все же найдется, — сказал Сварог. — Вы позволите, ваше величество?
- Конечно.

Сварог извлек из кармана тот самый мятый конверт, за последнее время ставший еще более мятым, перевернулся вскрытой боковинкой вниз и вытряхнул на ладонь три золотых аурея. Аккуратно положил их на середину стола:

— Вот, извольте. Некоторые дополнения ко всему прозвучавшему.

— На вид выглядят самыми обыкновенными, — сказала Яна, много раз бывавшая на земле в самом разном облике и знакомая с тамошними деньгами. — Но тут, несомненно, есть какой-то подвох? Иначе бы вы их не доставали...

— Вот то-то и оно, — сказал Сварог. — Все очень просто. Содержание золота в аурее — семьдесят процентов. Остальное — серебро. Золото — металл мягкий, чем выше проба, тем быстрее стирается монета, если она не лежит в банке или в денежном ящике и тайниках, а ходит по рукам, обращается в торговле, в игорных делах... Самое занятное, что бумага из полиции Казначейства залежалась среди обычных сводок более месяца, но потом Интагар кое-что вспомнил и сопоставил. Золотая голова... Полиция Казначейства занимается неплатильщиками налогов и незаконными прибылями во вторую очередь, а в первую — фальшивомонетчиками, наряду с обычной полицией. К ним обратился один купец из Фарнолла и принес ауреи, показавшиеся ему какими-то подозрительными. Они слишком быстро приобретали потертый вид. Обычно аурей так быстро не стирается. Монеты, судя по дате, отчеканены в прошлом году — он глянул на собственный, отнюдь не медальный и не орлиный профиль, философски усмехнулся: а куда де-

нешься, королям положено красоваться на монетах. — И, безусловно, не должны были столь быстро стереться, в конце концов, золотые монеты переходят из рук в руки гораздо реже серебра, бронзы и меди... Полиция заинтересовалась. На земле не могут пока давать результаты с точностью до долей процента, но все же химический анализ делают более-менее точно. Оказалось, что ауреи, как написано в докладе Пробирной палаты, «почти целиком» состоят из золота. В полиции Казначейства, понятное дело, были крайне удивлены: фальшивомонетчики всегда подмешивают к благородным металлам неблагородные — ни разу не случалось, чтобы они повышали пробу в своих с позволения сказать, изделиях. И тем не менее все так и обстояло. Что им оставалось делать? Написать доклад и начать поиски. Когда Интагар пришел ко мне, я распорядился взять у Бадеша несколько аурев из тех, что он получил из Зазеркалья, отвез их в восьмой департамент, там их проверили уже более точными методами. Так и есть. Содержание золота — девяносто девять целых девяносто девять сотых. Совершенно ненужная в обиходе высокая проба. Это деньги Радианта. Что позволяет сделать некоторые выводы. Лишний раз подтверждается, что они не всемогущи, не вседесущи, не всезнающи, допускают самые нелепые ошибки. Кое-что не способны проработать детально. У них попросту нет на земле достаточно серьезной агентуры, знающей жизнь во всей полноте. Да и здесь... Канцлер, вы знаете пробы земных монет?

Канцлер пожал плечами:

— Как-то не видел в этом особенной нужды. Разумеется, есть узкие специалисты, которые знают...

— Вот видите, — сказал Сварог. — Коли уж они допускают такие ошибки, мы имеем дело не с дьяволом и не с какими-то сверхразумными созданиями, превосходящими нас. Они крайне близкие к нам по уровню интеллекта и возможностям. А значит, есть реальные шансы их перехитрить, победить, обыграть...

Он посмотрел на Марлока, ожидая каких-то продиктованных стремлением к въедливой точности замечаний. И не ошибся в предположениях, профессор сказал знакомым, самую чуточку сварливым тоном:

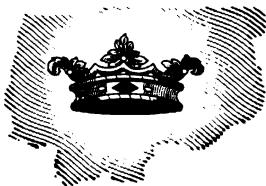
— Вероятнее всего, у них есть синтезаторы. Столь высокую химическую чистоту металла дают либо развитые технологии, либо синтезаторы.

— Ну, это уже детали, — сказал Сварог. — Опять-таки свидетельствующие не в пользу сверхмогущества и всезнания...

— Если рассуждать теоретически...

— Милорды... — мягко прервала Яна. — По-моему, все главное сказано. Не пора ли кончить совещание? И вновь его созвать, когда появятся какие-то практические результаты?

Возражений не последовало.

Глава VIII

НОВОСТИ И РАЗГОВОРЫ

Казалось, будто и не было прошедших суток — они сидели в том же кабинете, на тех же местах, даже в той же одежде. Только на сей раз по кабинету прохаживался из конца в конец не Канцлер, а открывший заседание профессор Марлок. Выглядел он бодрым и веселым, а вот Канцлер, наоборот, был мрачен, что Сварогу крайне не понравилось. С таким лицом сообщают о чем-то скверном... Он подметил, что и Яна украдкой бросает на Канцлера быстрые пытливые взгляды и озабоченно хмурится.

— Результат был получен, когда пошла в ход комбинация под номером две тысячи восемьсот семьдесят пять, — говорил профессор, попыхивая трубочкой. — Итог интереснейший. На сей раз никакого огня. Возникла некая сфера, окруженная силовым полем диаметром примерно уардов в сто. Держалась она пять минут сорок секунд. А когда исчезла, оказалось, что внутри в это время сохранялось безвоздушное пространство, которое тут же заполнил окружающий воздух. Подобные силовые поля мы создавать умеем, они-то как раз загадки не представляют. Но непонятно пока, каким именно образом удалось без видимых эффектов уничтожить кисло-

род внутри сферы. Впрочем, это второстепенный вопрос, будем работать...

— Кислород... — задумчиво протянул Канцлер. — Нужно признать, изящное решение...

Сварог его прекрасно понимал. Лар может дышать под водой — но не в безвоздушном пространстве. Пяти с лишним минут без кислорода хватило бы, чтобы погибли все до единого обитатели манора, от антланской прислуги до благородных ларов...

— Можно замечание с точки зрения контрразведки? — спросил он.

— Разумеется, — сказала Яна.

— Сразу же возникают кое-какие соображения, — начал Сварог. — С большой долей уверенности можно предполагать, что проекты покушений, переданные Орку «на экспертизу», — не dezинформации высокой марки, а часть реального плана. Все выглядит очень правдоподобно. Все должно произойти одновременно — на их месте я бы так и поступил. Покушения на императрицу, Канцлера, обоих принцев крови и меня. Интагар — а возможно, кто-то еще из моих ключевых фигур — гибнет в пламени. Восемнадцать принцев и принцесс попросту задыхаются. Поскольку для успеха нужно, чтобы все, кого нужно устраниТЬ, находились дома, вероятнее всего, акция должна проходить ночью.

— Не обязательно, — сказал Канцлер. — Большинство сценариев покушений как раз рассчитано на светлое время...

— Да, я как-то не подумал... — сказал Сварог. — Ну, возможно, акция рассчитана на два этапа. Или они придумали какой-то ход, в результате которого все потенциальные жертвы — или подавляющее большинство — будут сидеть по домам. Совершенно не представляю, что бы это могло быть, но придумать можно много. И все же это детали. Знаете, что самое примечательное? Заговор, если все пролет гладко, может никак не проявлять себя внешне. Все может выглядеть так, словно никакого

заговора и не было. То есть, открыто он не даст о себе знать, пусть даже некоторые сразу начнут подозревать, что дело нечисто. Как все будет выглядеть для непосвященных? Последовала череда очень странных смертей, императорская фамилия буквально выкошена. Но заговорщикам нет нужды предпринимать какие-то силовые акции, что-то захватывать, кого-то арестовывать. Принц Агеляр автоматически становится императором, потому что больше просто некому. Он — единственный из живущих член императорской фамилии... Отсюда следует, что круг заговорщиков может быть и не особенно широким. Власть им в руки должна упасть сама...

— Все это интересно, — сказал Канцлер. — И выглядит очень убедительно. И все же не об этом следует сейчас говорить... Есть вещи важнее. — Он помолчал, уставясь в столешницу, потом резким движением поднял голову. — Ваше величество, милорды... Уже можно говорить, что «Невод-2» провалился полностью. К сожалению, именно так и обстоит. Мы пустили в ход всю аппаратуру, какой только располагаем, пытались действовать с разных орбит, даже опускали орбиталы и другую технику до полулиги. Результат один: помехи и сбои довольно скоро слились в сплошную з а в е с у, примерно так, как в свое время обстояло с Горротом. Полуночная часть королевства Даркаш остается недоступной для наблюдения, локализовать Радиант мы не можем. Правда, никто не пытался наши орбиталы сбивать или перехватывать управление, но от этого не легче. Мы слепы, как новорожденные щенки. Боюсь, мы достигли той самой критической точки, когда вопрос ставится ребром: «Или они, или Империя». А потому я на свой страх и риск — точнее, пользуясь доверенными мне полномочиями — уже начал формировать две ударных флотилии. «Белый шквал», «Пляска пламени», «Глаз Балора», «Протуберанец» и, для пущей надежности, «Синий гром». По-моему, лучше переборщить, чем оказаться слабыми. Для удара по Нериаде мне понадобится ваша санкция, ваше величество. Решение нужно

принимать незамедлительно, мы не знаем, сколько у нас времени в запасе. Возможно, меньше, чем мы рассчитывали. После «Невода-2» они, несомненно, поняли, что мы ими заинтересовались всерьез, что нам что-то о них известно. И могут начать раньше, чем планировали — тем более что планы, точнее, та их часть, о которой мы знаем, а может быть и другие, могут осуществиться хоть завтра, хоть сегодня. «Тарелочки» на месте, убийцы тоже могут быть в готовности. Времени нет. Чтобы полностью сформировать флотилии и вывести их к Нериаде, потребуется не более двух часов. Флотилия выйдет на достаточно высокую орбиту, в точку, где окажется вне зоны действия излучения Радианта. Бряд ли они будут в состоянии создать помехи по всем пяти видам оружия. — Его лицо прямотаки исказила злая гримаса. — А если смогут, придется пустить в ход с орбиты над Таларом «Безмолвную грозу» — от нее нет защиты теоретически. Правда, в этом случае Нериада разлетится на тучу мелких обломков, а потому нужно в течение этих двух часов продумать план их полного уничтожения, пока не превратились в метеоритные рои, но над этим уже работают. Все упирается в вашу санкцию, ваше величество...

— Следовало бы выслушать мнение и других, — сказала Яна с непреклонным видом. — Милорды? Профессор?

Марлок сделал такое движение, словно хотел пожать плечами, но в последний момент передумал.

— Конечно, лучше бы захватить пленных и трофеи, — сказал он с тем самым яростным огнем заядлого экспериментатора в глазах. — Бесценные результаты для науки... Но, с другой стороны, если нет другого выхода, кроме удара флотилии, Канцлер прав, не стоит рисковать и тянуть...

Яна так же спокойно и непререкаемо сказала:

— Тысяча извинений, Канцлер, вы отличный государственный деятель... но, все же, невоенный. А лорд Сварог до того, как попасть к нам, всю сознательную жизнь был военным...

Канцлер ответил бесстрастно, без тени сарказма:

— В несколько иных условиях, я бы так выразился...

— А вот это как раз особого значения не имеет, — сказал Сварог. — У меня было время присмотреться, сравнить, даже чуточку повоевать. Орудия войны в разных мирах отличаются, а вот некоторые законы войны, стратегия и тактика остаются теми же. Я уже говорил: даже уничтожив Нериаду, мы, вполне возможно, этим не уничтожим их троицы в Зазеркалье, и они могут вновь нагрянуть, уже с чем-то новым. Но не том речь... Один книжник в моем прежнем мире написал как-то: «Господь помогает не большим полкам, а тем, кто лучше стреляет». Это далеко не для всех военных ситуаций справедливо, но иногда — очень даже соответствует истине... В чем я с вами совершенно согласен, Канцлер, так это в том, что нам нельзя ввязываться с ними в затяжную войну в ситуации, когда мы знаем о них гораздо меньше, чем они о нас. Просто необходим блицкриг...

— Простите? — поднял бровь Канцлер.

Сварог спохватился, что последнее слово произнес по-русски. Точнее, по-немецки.

— Есть такой термин, — сказал он. — Молниеносная война. Внезапный мощный удар, чтобы покончить с противником или по крайней мере нанести ему непоправимое поражение, после которого он уже не оправится. Собственно, именно это вы и предлагаете — но я бы предпочел совершить это иными средствами... — он подыскал подходящие слова. — Ее величество совершенна права: я всю сознательную жизнь был военным... только с довольно специфическим опытом. Служил в частях, которые можно уподобить здешним «волчьим сотням». Вы знаете, что это такое?

— Конечно, — сказал Канцлер. — Уж такие-то вещи я знаю.

— Отлично, — сказал Сварог. — Ничего не придется объяснять. Как показывает мой опыт, частенько удар малой группы оказывается эффектнее, чем атака кавале-

рийского полка... Вот это я и хочу предложить. Это не импровизация — у меня уже готов подробный план, хотя и не все доработано до конца. О том, что «Невод-2» практически провалился, я узнал за шесть часов до того, как сюда вылететь...

— Ну да, разумеется... — поджал губы Канцлер. — Канилла Дегро? Больше и некому...

— Она, — сказал Сварог. — Никаких нарушений тут нет. Она остается сотрудником девятого стола, прикомандированным к проводившей «Невод-2» группе, и никто ей не запрещал докладывать начальству о результатах. Как только она поняла, что, по ее глубокому убеждению, операция провалена...

— Ну ладно, ладно! — с досадой прервал его Канцлер. — Я не собираюсь во всем этом копаться. Доложила и доложила, режим общей секретности это никак не нарушило... И что у вас за план?

— Блицкриг, но малыми силами, — сказал Сварог. — Я и далее буду употреблять это слово, вы ничего не имеете против? Так мне как-то привычнее, а запомнить термин легко... (Ну вот, мимолетно подумал он, обогащаю здешнюю военную науку новым термином. Знай фон Шлиффен, он бы порадовался...) Давайте для начала рассмотрим наше положение. Оно не такое уж скверное. Переворот у них не получится. Остальные семнадцать «тарелочек» мои люди тихонечко изъяли у принцев и принцесс крови, подменив безобидными имитациями. Все, кого они наметили в качестве мишенией, надежно охраняются... — он усмехнулся. — Ну, разве что кроме меня, мне частенько приходится немного рисковать, но я обычно рисую в местах, которые их планами не предусматривались. Вряд ли у них есть запасной план, столь же тщательно проработанный. Иногда, когда дела идут очень уж гладко, люди преисполнются некоторого самодовольства, успокаиваются, о запасных планах уже не думают. А само существование Иляны доказывает, что мы имеем дело именно с людьми. На этом сошлись

эксперты, изучившие все записи, сделанные в маноре у Орка... Впрочем, вы все это не хуже меня знаете. Далее. Даже если мне удастся расколоть принца Агеляра — а у меня есть некоторые основания думать, что получится, — сомневаюсь, чтобы мы продвинулись далеко вперед. Я уверен, что он предназначен на роль живого знамени, и не более того. Конечно, он просто обязан знать какую-то крупную рыбу, но она может оказаться персоной, которую мы не сможем изъять из обращения тут же — скажем, ее пропажа с глаз сама по себе будет сигналом тревоги... В общем, остается блицкриг.

— Согласен, согласен... — нетерпеливо сказал Канцлер. — Давайте детали.

— Излагаю, — кивнул Сварог. — Только я бы очень просил сначала выслушать меня до конца, а уж потом высказывать свои соображения и критику... Итак. Мы немедленно начинаем возводить во всех столицах шести нериадских королевств резиденции имперских Наместников. Яправлялся, это займет не более суток. Что может быть естественнее желания восстановить прежний контроль над вассалами? Шестьсот лет назад это прошло гладко, хотя они и есть сильные подозрения, уже тогда обосновались на Нериаде, вообще, у меня есть подозрения, что они это сделали очень давно, и тамошние жители стали «куклами» в первые десятилетия после штурма, я хорошо помню материалы. Но тогда они не могли строить планов борьбы с Империей — скажем, не имели достаточно сил, не сразу достигли нынешнего уровня развития техники. Ну, не буду отвлекаться... Короче говоря, строительство резиденций отнимет не более суток. После чего в каждую прибывает наместник с полным штатом персонала. Пять — чисто отвлекающий маневр, в столицу Даркаша — не помню, как она зовется, да это сейчас и неважно, — в роли наместника полечу я. Естественно, багаж наместника проверять никто не станет, я возьму с собой кое-какую аппаратуру, которую, когда она отключена, не обнаружить никакими детекторами.

И парочку людей, способных с ней хватко управляться. Остальные — боевики. На всякий случай. Правда, эта аппаратура будет предназначена для решения второстепенных задач. Главный поиск я проведу своими силами.

— Интересно, какими это? — спросил Канцлер. — Нет гарантии, что аппаратура будет там работать, — в его глазах мелькнуло нечто напоминающее озарение. — Или вы намерены...

— Да, — сказал Сварог, ждавший этого вопроса и отлично к нему подготовившийся. — Я собираюсь использовать кое-какие хельстадские хитрости...

Он опустил руку в карман, достал Золотого Шмеля и аккуратно поставил его на стол. Не теряя времени, мысленно отдал нужные приказы. Даже в столь непростой и, что уж там, тяжелой ситуации можно себе позволить шутку — если она длится пару секунд, не более... Шмель заложил крутой вираж в сторону Канцлера и тот машинально отшатнулся, совсем, самую чуточку, но все-таки... За что ему, по лицу видно, тут же стало стыдно.

Шмель взмыл к потолку и принялся описывать идеальные с точки зрения геометрии круги вокруг люстры. Марлок следил за ним жаждуще-хищным взором экспериментатора. Ну уж нет, подумал Сварог, штуковину я вам не отдам, профессор, потому что у вас нет другой цели, кроме как потешить ученое любопытство... Только Яна осталась совершенной спокойной — она в Хельстаде навидалась не только Шмелей, но и Филинов с Драконами.

Шмель неторопливо нарезал круги вокруг затейливой люстры из синего хрусталя. Марлок провожал его взглядом опытного зенитчика. Канцлер осведомился уже с не-притворным спокойствием:

— И что это за штуковина?

— Нечто вроде орбитала-наблюдателя, — сказал Сварог. — Разве что действует с малых высот и захватывает гораздо меньший участок. Но это компенсируется многочисленностью. Я возьму их туда сотни две и в первую

же ночь выпущу на разведку — сначала пару-тройку, а потом, если все пройдет гладко, всю стаю. Судя по прежнему опыту, они управляются задолго до рассвета — им предстоит обследовать не такой уж и большой район... правда, вдобавок еще и столицу — коли уж она размещаете в том месте, которое от нас скрыли помехами, что-то это да значит...

Канцлер спросил:

— «Прежний опыт» — это не Горрот ли?

— Он самый, — сказал Сварог. — Я не стал включать в отчет кое-какие подробности, вы сами согласились, что они не имеют большого значения... Именно эти крохи провели там разведку, нашли Горное Гнездо... причем шайка Брашеро так и не смогла их засечь. Потому что они другие. Они сделаны в мире, где апейрона нет и никогда не было, и потому любая здешняя аппаратура на них попросту не реагирует. В точности так, как и на изготовленные до Шторма предметы — я плавал в Горрот на «Рагнароке» и вернулся незамеченным, потом взял с собой доштурмовые пистолеты, аппаратура Брашеро не отреагировала и на них, точнее зафиксировала их наличие, но посчитала обычными бластерами, которые в условиях Горрота должны были стать бесполезными кусками железа... Это-то и позволяет надеяться, что Шмели останутся незамеченными и в Нериаде. Нериада, в конце концов, мир апейрона... Если так и случится, я буду еще до рассвета знать, где находится Радиант, и примерно смогу указать, что он собой представляет и каковы его возможности. А дальше... Я не намерен геройствовать в одиночку — не тот случай. Дам сигнал флотилии... или спецназу. Я бы вам посоветовал, Канцлер, перебросить поближе к Нериаде не только ударную флотилию, но и большой отряд спецназа. Если окажется, что мы способны драться с ними на равных, лучше не крушить там все вдребезги и пополам, а послать спецназ. Пленные, трофеи — нам это чертовски пригодится... (Марлок машинально закивал с тем же огнем в глазах, пылавшим страстью к познанию.)

Вот, собственно, и все. Детали можно проработать уже совместно. Вот теперь я с радостью выслушаю ваши соображения и критику, если таковая отыщется...

Канцлер не раздумывал долго. Взглянул на позабытого Шмеля — не получая новых приказов, тот по-прежнему кружил вокруг люстры — протянула:

— Я бы не сказал, что ваш план мне не нравится. Выглядит он вполне реалистичным. В самом деле, то, что сработало в Горроте, может сработать и на Нериаде. Вот только есть одно-единственное, но крайне важное уязвимое место. Вы, я думаю, сами понимаете, где оно?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Я долго все обдумывал, взвесил варианты и шансы... Эти, из Радианта, могут все же засечь моих Шмелей, а то и забить им помехами обзор, как они это проделали с орбиталами. Я уже говорил, что не намерен геройствовать в одиночку. При таком обороте дел я немедленно даю сигнал флотилии. Эвакуировать на орбиту всех наших из шести резиденций можно быстро, если заранее все обдумать. Если не останется другого выхода, пусть флотилия нанесет удар...

— А вы не думали, что при таком обороте дел можете попасть в плен сами?

— Думал, — сказал Сварог. — Но тут уж приходится рисковать. Никак не похоже, чтобы их техника так уж значительно превосходила нашу. Пока что нет никаких оснований такое предполагать. Даже на Таларе, где резиденциям никто и ничто не угрожает, они надежно защищены силовыми полями и кое-чем еще. Ну, а на Нериаде можно пустить в ход все средства защиты, которыми мы только располагаем. Вряд ли это вызовет у противника подозрения. Конечно, они могут заподозрить неладное, когда после перерыва в несколько столетий вдруг объявились вновь Имперские посланники, но вряд ли тут же начнут штурмовать резиденции — чересчур уж глупый ход. Не похоже, чтобы их логика так уж значительно отличалась от нашей. Должны понимать, что любая атака не просто вызовет подозрения уже у нас,

а повлечет за собой ответный удар. Любой на их месте, и я тоже, сначала постарался бы установить наблюдение с применением всех средств, какие только имеются в распоряжении. Тщательно исследовать, за каким чертом мы нагрянули и что держим за пазухой. Такое наблюдение требует времени, а времени мы им как раз и не дадим. Это должен быть блицкриг. На поиск мне хватит ночи. Если Шмели засветятся, придется действовать немедленно. Если нет... Я бы попросил еще день-другой на разведку уже собственными силами. Оглядеться немного в столице, присмотреться к тамошней жизни, ко дворцу короля, которому предстоит представиться всем правилам, в соответствии с церемониалом. Вдруг да обнаружим что-то интересное и за пределами Радианта, в столице? Что, если они не сидят затворникам в Радианте, а как-то действуют в столице? У меня неплохо получается выявлять и определять, кто есть кто и что есть что. Это не только присущие ларам умения, но и кое-какая выучка на земле у специалистов вроде Грельфи — в Токеранге кое-что из ее знаний мне оказалось неоценимую услугу. А впрочем... Я намерен, если позволите, взять с собой кого-то из боевых монахов, лучше всего из Братства святого Рока: там чуточку лучше других умеют выявлять и давать оценку выявленному. Что еще? Нам благоприятствует еще и то, что язык и письменность на Нериаде остались неизменными, как и на Таларе после Шторма. В общем, мне представляется, что шансы на успех не так уж и малы. У меня все.

Он сел, вытащил сигареты, но сначала налил себе сока, в глотке чуточку пересохло. Нельзя сказать, что он не волновался вообще — если Канцлер заупрямится, предстоит долгая словесная баталия. Вся надежда на Яну...

Канцлер и на сей раз не стал предаваться долгим раздумьям — острого ума человек... Он сказал с расстановкой:

— В принципе... Серьезных возражений по существу дела у меня нет. В конце концов, нас еще не приперли

к стене, несколько дней мы можем себе позволить. Нам действительно не помешали бы пленные и трофеи. Ох, не помешали бы... Я готов поддержать план лорда Сварога. При одном-единственном условии: если лорд Сварог будет вести себя так, как только что нам изложил, никакой лишней импровизации и ненужной отсебятины. Никаких геройств в прежнем стиле — не та ситуация...

— Я это прекрасно понимаю, Канцлер, — облегченно вздохнув про себя, сказал Сварог. — Слово чести, никаких геройств в одиночку. Риск в пределах разумного. Ваше величество... — он вопросительно глянул на Яну.

Яна медленно произнесла:

— Мне нужно немного подумать, милорды. В одиночестве. Канцлер, у вас найдется комната, где я могла бы спокойно подумать?

— Разумеется, ваше величество, — Канцлер поспешил встать. — Я вас провожу...

Когда за ними захлопнулась дверь, Сварог посмотрел на люстру и поднял руку ладонью вверх. Шмель моментально спикировал на ладонь, сложил на спине золотисто-прозрачные крыльышки, замер. Сварог хозяйственно спрятал его в карман. Перехватил взгляд Марлока, напоминавшего сейчас ребенка, у которого отняли игрушку, усмехнулся:

— Не переживайте, профессор. Может быть, одного я вам потом и подарю. Мне самому интересно знать, что они этакое...

И тут же подумал, что никогда этого не сделает. Золотой Шмель, по сути, обычный инструмент, их в Хельстаде многие сотни — и все равно, отчего-то неприятно думать, что один из принесших уже немалую пользу золотых красавцев попадет на лабораторный стол, в загребущие лапы экспериментаторов, одержимых лишь жаждой познания — а эта жажда, если разобраться, чистенько никакой пользы и не приносит, познание ради познания, по его глубокому убеждению, чересчур уж напоминает рукоблудие. Ну, узнает он в точности, что со-

бой представляет Золотой Шмель, — что это изменит в окружающем мире, в мыслях, расчетах и делах? Ровным счетом ничего...

Вернулся Канцлер, сел на свое место, задумчиво уставился на Сварога. Сварог торопливо сказал:

— Канцлер, я не хотел бы, чтобы в наших отношениях возникла хотя бы тень напряженности... Слово чести, мы с императрицей ничего заранее не обговаривали, она сама обо всем узнала только сейчас...

— Верю, — хмуро сказал Канцлер. — Распиши вы сценарий заранее, она не стала бы доводить игру до абсурда и уходить, чтобы поразмыслить в одиночестве...

— Значит, одному моему слову вы не верите? — с настянутой улыбкой спросил Сварог.

— Да верю, верю, не напрягайтесь вы так... — проворчал Канцлер. — Просто привык учитьывать все, натура такая... Если что-то пойдет не так, нам придется уговаривать ее вдвоем. Есть много толкового в этом вашем блицкриге... Я правильно все запомнил?

— Именно так, — сказал Сварог. — Блицкриг... Не самым бездарным военачальником в свое время придумано...

Яна вернулась быстрее, чем он предполагал, через каких-то пару минут. С порога обвела их серьезным взглядом и сказала почти спокойно:

— Я решила одобрить план лорда Сварога. Проработайте все необходимые детали...

У Сварога гора свалилась с плеч — хорошо, что не пришлось уговаривать еще и ее... Он сказал:

— Думается мне, обсуждение деталей можно отложить на пару часов, время терпит. Мне сначала хотелось бы побеседовать по душам с его императорским высочеством, принцем крови Агиляром. Самое время. Вдруг найдутся какие-нибудь крохи полезной информации, которые помогут при окончательной разработке плана...

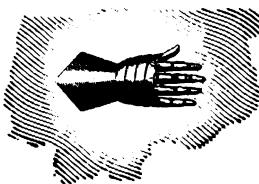
Судя по недоброей усмешке Яны, она не питала и тени дружеского расположения к дальнему родственнику —

все верно, с чего в такой ситуации взяться расположению и жалости? Сказала с той же улыбкой:

— Только не бейте его слишком сильно, лорд Сварог...

— Ну что вы, ваше величество, — сказал Сварог весело. — Я же не зверь. И прекрасно помню этикет, как-никак — его императорское высочество... — И добавил уже без улыбки: — А впрочем, битье по физиономии — грубая работа. Мои сыщики потолковее предпочитают обходиться без этого, а я у них много полезного перенял...

Глава IX

БЛИЦКРИГ: ПРЕЛЮДИЯ, ОНА ЖЕ УВЕРТЮРА

Со стороны все выглядело буднично и безобидно: вимана, окрашенная в фамильные цвета Гэйров (или, исторической точности ради, Гайров), плавно и мягко опустилась на обширную зеленую лужайку перед замком — конечно, он был больше и роскошнее, чем обычные маноры, как-никак принадлежал принцу крови. В окно Сварог видел: к вимане уже спешит осанистый дворецкий, как все они здесь, чем-то неуловимо похожий на прочих — прекрасно вышколен, разумеется, ухитряется и не спешать, но в то же время идти быстрее обычного. И никаких дружинников с огненными клинками: принцы крови стоят гораздо выше обычных ларов, но, в отличие от ларов, держать свою дружину принцам и принцессам не дозволено с незапамятных времен — кто-то из первых императоров был человеком предусмотрительным и о многом позаботился, в отношении как ларов, так и лиц императорской фамилии...

Пора. Он поправил на поясе церемониальный меч, означавший, что прибыл по служебным делам, взял не-

большой светло-коричневый портфель с тисненой золотом эмблемой девятого стола и спустился на первый этаж. Не моргнув глазом, прошел мимо спецназовцев в полной боевой выкладке, занявших позиции по обе стороны двери так, чтобы снаружи их никто не увидел. Открыл дверь, спустился по трем ступенькам. Чуть кивнул в ответ на витиеватое церемониальное приветствие дворецкого и с удовлетворением выслушал известие, что его императорское высочество готовы принять господина камергера.

Именно так, камергера, подумал он, шагая к замку чуть позади дворецкого. «Генералом» он меня именовать не стал — интересно, означает ли это, что принц не питает ровным счетом никаких подозрений касательно его внезапной просьбы об аудиенции и ничуть не встревожен? А почему бы и нет? Жаль, что умение моментально отличать правду от лжи не работает, когда беседуют друг с другом заоблачные жители...

Принц простер гостеприимство настолько, что встретил Сварога в роскошном вестибюле — а мог бы, согласно статусу, дожидаться в кабинете, этикет позволяет. Остался, разумеется, на месте, и Сварог, подумав: «Мы люди не гордые опять же, вспомнить Магомета и гору...» — сам к нему подошел, вторым, как и полагалось, протянул руку. Рукопожатие у принца было крепким, в отличие от вялой расслабленности парочки других, с которыми Сварогу довелось встречаться на приемах. И он нисколечко не выглядел встревоженным — улыбка, как и следовало ожидать, лишена и тени подлинных чувств, отработанная, светская. Судя по взгляду, отмели наличие церемониального меча, а не знать, что это означает, просто не мог — но ни в лице, ни в глазах ничего не изменилось.

Согласно этикету, Сварог вручил меч дворецкому, торжественно, на вытянутых руках понесшему его к особой вешалке в углу, сейчас пустовавшей. Впрочем, ручаться можно, она пустовала и раньше — ни у кого

попросту не находилось причин являться к принцу по каким-то служебным делам. Ну что же, будет почин...

Судя по размерам кабинета, куда его принц привел, — относительно небольшой кабинет был малым. Ну, опять-таки ничего против этикета...

Сварог дождался, когда усядется принц, занял место по другую сторону стола — столешница являет собою плиту из дымчатого горного хрусталя, ножки наверняка не позолоченные, а золотые. Вся прочая обстановка соответствует: предводитель команчей жил в пошлой роскоши... Поскольку это малый кабинет, личного компьютера не видно (хотя ничто мешает установить его и здесь) — ну что же, так гораздо лучше, к большой выгоде для Сварога...

Принц откровенно его рассматривал — в отношении дамы такой взгляд считался бы нахальным, ну, а на мужика может плятиться до посинения, благо, по точной информации, порочной склонности к своему полу не испытывает ни малейшей, мы люди простые и денег за погляд не берем...

— Вино, кофе? — как и полагалось по этикету, предложил принц.

— Нет, благодарю вас, ваше высочество, — сказал Сварог.

— В таком случае, курите, — принц кивнул на массивную хрустальную пепельницу, украшенную эхолотом, где уже лежала пара окурков — ну да, агенты так и докладывали, золотистая тончайшая бумага, черный табак, один из лучших сильванских сортов, по причине относительной редкости попадает только к членам императорской фамилии, ну, и к Сварогу через Яну...

— Может быть, вы позволите вас угостить... — принц выжижательно положил сильную ладонь с одним-единственным рубиновым перстнем на указательном пальце на золотую шкатулку, судя по размерам, сигаретницу.

— Благодарю вас, ваше высочество, но я привык к своим, — сказал Сварог, извлекая свой портсигар без кавычек.

Мало ли что этот титулованный сукин кот мог туда подмешать. Сварог давно убедился, что понятие «безвредный вред» — крайне растяжимое. Мог за рядить все до одной сигареты, старый фокус, сам, между прочим, не закурил, хотя, по тем же донесениям, смолит нещадно, не хуже Сварога. Так что будем соблюдать разумную осторожность по максимуму, в нынешней ситуации это необходимо...

Принц сказал непринужденно, в лучших традициях пустой светской болтовни:

— Любопытство — не обязательно женская черта характера, мужчинам она тоже свойственна, если соблюдать меру. Вы меня очень заинтриговали, камергер, — тем, что заявились со слубым визитом. Последний раз такое случалось... не скажу даже точно, очень много лет назад, когда Главный Герольд явился сообщить, что батюшка, посчитав свой возраст преклонным, решил передать титул мне. К тому же, со служебным визитом вдруг прилетает не кто-нибудь, а легендарный лорд Сварог...

— Вы излишне добры ко мне, ваше высочество, — сказал Сварог. — Сам я никогда не стал бы употреблять в отношении себя совершенно незаслуженный эпитет «легендарный».

— Ваша скромность делает вам честь.

— Благодарю вас, ваше высочество.

Ни малейшего раздражения затянувшейся светской прелюдией Сварог не испытывал — времени у него хватало.

— Чувствуйте себя свободно, — сказал принц.

— Благодарю вас, — склонил голову Сварог.

Эта реплика означала, что более не требуется, как предписывает этикет, добавлять к каждой фразе «ваше высочество». Ну что же, подумал Сварог не без веселости, свободно так свободно...

И небрежно коснулся мимолетно синего самоцвета в браслете на правой руке, по собственному разумению выбирая степень свободы.

Никакого ответа, конечно, не последовало, но он знал, что сейчас его люди, держа оружие наизготовку, рванули ко дворцу молниеносным отточенным броском. А все, кто был здесь его агентами, за исключением женщин, приготовились к неожиданностям. Не пройдет и минуты, как дворец будет занят по всем правилам спецназа, всех, кто не агент, возьмут под бдительный присмотр, всякую связь с внешним миром заблокируют кому бы то ни было, проделано все будет четко и бесшумно, так что принц ничего не заметит до того, как придет пора играть с открытыми картами словно при последней раздаче в «трех семерках». Для окружающего мира все останется тайной. Чтобы исключить любые случайности, Сварог выбрал время, когда манор заслонен от Радианта Таларом...

Он не расслаблялся ни на миг: берегите пенсне, Киса, сейчас начнется... Загнанный в угол человек способен на самые неожиданные поступки, в особенности тот, кто всю сознательную жизнь прожил в уверенности, что стоит выше законов и самым страшным наказанием в случае чего будет пожизненная ссылка в роскошное сильванское поместье. Просмотрев ради любопытства кое-какие донесения, Сварог узнал: чертов любитель бабочек, конечно, удручен своим положением, но головой о стены не бьется, по ночам не рыдает в подушку и о самоубийстве не думает — многие радости жизни остались ему доступны, пусть и на ограниченном пространстве.

А значит... В хрустальной столешнице нет ящиков. Шкатулка с сигаретами (а есть ли там сигареты) через чур мала для того, чтобы держать в ней оружие... но оно может оказаться миниатюрным. Либо лежит у принца в кармане. Некоторые виды лучевого оружия для лара

столь же смертельны, как для обычного человека: не-прерывный луч, идущий от дула к цели, играет ту же роль, что копье, меч в чьей-то руке или та гирька на ве-ревочке, которой Сварог оглушил тогда Брашеро (она и сейчас, между нами, таилась в правом рукаве мунди-ра, надежно удерживаемая пружинной застежкой).

С другой стороны... Как раз такой человек, уверен-ный в своей безопасности, может и не держать при себе оружия. Ну, что же, не стоит ломать голову, нужно про-сто-напросто быть настороже, мне рановато умирать, сколько еще не завершено, вообще не сделано...

Походило, что принц несколько удивлен затянувшимся молчанием. В конце концов он заговорил первым:

— Господин камергер...

Вот она, зацепочка! Сварог, наплевав на этикет, бес-церемонно прервал собеседника:

— Простите, но сейчас я не камергер. Как видите, на мне мундир не камергера, а девятого стола. В этой роли я и выступаю. Думаю, уместнее было бы обраще-ние «господин директор» или «господин генерал»... впрочем, можно и без «господина», ни к чему лишние церемонии. В качестве директора я и прилетел вас до-просить... как участника заговора, имеющего целью убийство правящего монарха. Не свержение, а именно убийство. Все в полном соответствии с седьмой статьей Эдикта о прегрешениях и наказаниях.

Понеслось, сказал он себе. Если этот субъект глупее, чем я думал, — начнет чваниться, пыжиться, орать, упирая на свое положение и проистекающие из этого немалые привилегии. Если он умнее, чем я думал, — останется более-менее невозмутимым и начнет отби-ваться, как опытный земной бретер. Ну-ка...

Нельзя сказать, чтобы принц особенно уж изменил-ся в лице, но что-то такое в глазах мелькнуло, то ли недоумение, то ли тревога, то ли все вместе. Он сказал ровным голосом:

— Вы меня озадачили... директор. На сумасшедшего вы не похожи, а шутить так не стали бы. Извольте объясниться.

Второй вариант, констатировал Сварог. Может быть, так даже лучше: порой умного человека гораздо легче колоть, чем чванного глупца, та же история, что с купцами, умеющими в хорошем темпе просчитать грозящие убытки или выгоды...

— По-моему, я выразился достаточно ясно, — сказал Сварог. — Могу, конечно, повторить слово в слово, но вы, по-моему, прекрасно все слышали.

— Седьмая статья Эдикта отменена еще во времена моего деда... — произнес принц почти бесстрастно.

Отлично, подумал Сварог. Он начал разведку боем. И улыбнулся, хотелось верить, обаятельнейшим образом:

— Вы знакомы с юриспруденцией, принц? Любой монарх имеет полное право отменять указы кого-то из предшественников... кроме нескольких статей Эдикта о вольности, в просторечии, среди законников, именуемых «нерушимыми». Императрица вернула седьмую статью в Эдикт...

— Мне об этом ничего не известно, — сказал принц все так же бесстрастно.

— Вы просто, как многие, поленились посмотреть почту, — сказал Сварог. — Прикажите принести из большого кабинета личный компьютер, там, как полагается, уже должно быть сообщение. Такие известия в первую очередь рассылают членам императорской фамилии и некоторым сановникам и должностным лицам...

Справа, у кромки, стояли аккуратной шерентой шесть золотых статуэток высотой в пол-локтя — рыцари в доспехах, в разных позах, кто атакует, кто обороняется, кто просто стоит, положив обе руки на эфес меча. Не меняясь в лице, принц плавным движением протянул руку и коснулся шлема второго от себя рыцаря.

Дверь распахнулась буквально через несколько секунд — вот только вместо осанистого дворецкого обявился спецназовец в своих марсианских доспехах, остановился у входа, держа лучемет немалых размеров дулом вверх. Его лица Сварог, конечно, не видел за опущенным дымчатым забралом.

— Уж не посетуйте... — сказал Сварог. — Мои люди заняли замок. Этот человек назначен исполнять роль дворецкого, если вам что-нибудь понадобится. Вы позволите ему принести компьютер из главного кабинета? Заверяю вас, человек надежный и дисциплинированный, какую-нибудь ценную безделушку ни за что в карман не смахнет, да и нет у него карманов...

— Сделайте одолжение, — тихо сказал принц.

Сварог кивнул, и спецназовец словно испарился, оставив дверь открытой. Принц открыл шкатулку — Сварог на мгновение напрягся — но там, отсюда видно, лежали только сигареты. Какое-то время стояло молчание. Сварогу вдруг с поразительной четкостью представилось, что это уже случалось однажды в его жизни. Однако он моментально нашел ответ, лишенный всякой мистики или неясностей: просто-напросто по ассоциации вспомнил, как вошел в кабинет безвременно ушедшего снольдерского Короля и увидел девственно чистый пол. Абсолютно чистый. У принца, по крайней мере, стоит пепельница, сигаретницы и эти рыцари...

Посланный вернулся быстро, поставил перед принцем небольшой плоский компьютер, отдал честь и вышел, притворив за собой дверь. Принц зажег клавиатуру. Сварог, конечно, не видел, что появилось на экране, но это никакого значения не имело.

У принца невольно вырвалось:

— Но закон не... — и он, спохватившись, замолчал.

— Не имеет обратной силы, — понятливо подхватил Сварог. — Нюанс в следующем... Сообщение к вам поступило четырнадцать минут назад, а следствие по вашему делу еще не открыто... Какая тут обратная сила...

Принц с застывшим лицом произнес:

— Императорские указы приобретают силу не раньше, чем бываю оглашены перед Палатой Пэров и Тайным... — вновь спохватился и вновь замолчал.

Сварог откровенно улыбался:

— Запамятали, конечно... Давно уже нет ни Палаты Пэров, ни Тайного Совета. Есть только временный Избранный Совет, выполняющий некоторые их функции. Указ именно что о глаше перед ним четырнадцать минут назад. Следовательно, вступил в силу. Вы наверняка прочитали только одно сообщение, а там есть и второе...

Второе принц прочитал быстро. Очень уж примечательное, интересное стало у него лицо. Лицо пешехода, перебежавшего улицу на красный свет — а там, на другой стороне, его встретили милиционеры и растолковали — пока он скакал зайцем, уворачиваясь от машин, законы поменялись, и теперь за переход улицы в неподложенном месте полагается десять лет тюрьмы, вот и газета, где напечатан полный текст нового закона, вступившего в силу после публикации...

Принц попытался улыбнуться, и это у него получилось. Почти.

— Вы сказали, что следствие еще не открыто...

— Так и обстоит, — кивнул Сварог. — Так что вы можете встать во весь рост, величественно простерши руку, указывая мне на дверь, и велеть мне убраться. Я как человек законопослушный вынужден буду забрать своих людей и улететь. Прекрасно помню, что и по возвращении седьмой статьи для открытия следствия против принца крови необходимо согласие императрицы — письменное, с подписью и приложением печати, причем достаточно и Малой. И что же? Заверяю вас, я вернусь менее чем через час со всеми нужными бумагами. Это время вы никак не сможете использовать к своей выгоде: всякие попытки связаться с сообщниками будут засечены соответствующими службами, а если вы ре-

шите полететь к ним сами, за вами будут следить, едва вы покинете манор. Выйдет коротенькая отсрочка, и не более того... Я готов покинуть манор, если вам будет так благоугодно...

Лгал, конечно. Все необходимые документы лежали у него в портфеле, и он не собирался оставлять принца одного: у того может отыскаться в кармане камень-компьютер, как у Орка, и он пошлет сообщникам весточку, которую никто не сможет перехватить. Но нужно же посмотреть, как он станет держаться дальше. Умный человек постарается узнать, что именно мне известно, тем более что я не собираюсь ничего скрывать.

— По-моему, ваше молчание свидетельствует, что я могу остаться, — сказал Сварог. — Ну что же, извольте... — он щелкнул позолоченным замком портфеля. — Вот копия указа. Вот подлинник решения Прокурора Высокой Короны об открытии следствия. Как видите, наложена соответствующая резолюция: собственной рукой императрицы, с подписью и Малой печатью. Я человек беззастенчивый, должность такая, в средствах порой не стесняюсь, но даже я не рискнул бы подделывать руку императрицы и печать, неважно, Большую или Малую. В конце концов, вы можете связаться с императрицей, и она все подтвердит. Будете настолько последовательным? Кажется, не собираетесь... Вот и подумайте, как вам жить в условиях, когда впереди плаха... Канцлер к вам настроен очень недоброжелательно, я тоже, помилования императрица ни за что не подпишет...

И вот тут принц сорвался. Выкрикнул тоненько, визгливо, едва ли не бабьим голосом:

— У вас же нет палачей...

И умолк, зло посверкивая глазами. Ну да, ему приходилось импровизировать, та к о й развязки он не ждал и не готовился к ней, не продумал линию защиты...

— Господи, принц... — поморщился Сварог. — Нашли проблему... Палачей у меня на земле хватает.

Насколько я знаю, и во времена действия седьмой статьи палача либо брали из англичанцев, либо привозили с земли. Не цепляйтесь за несущественные детали... Ваша реплика?

— На каком основании...

— Хорошая реплика, — сказал Сварог. — Отличная. Логичная, вполне ожидаемая и уместная. Я никак не иронизирую, поверьте. Вы, конечно же, хотите знать, что мне известно? Извольте. Вы играете в «три семерки»? Прекрасно. Настала последняя раздача, все козырные розы открываются. Я не собираюсь ничего от вас скрывать, все равно вы никому уже не проболтаетесь. Если мы не договоримся, вы отправитесь прямиком в замок Клай — для этого мне уже не требуются какие бы то ни было разрешения и резолюции...

— Здесь нет даты...

— Действительно, — сказал Сварог, сокрушенно кивая, и приложил все силы, чтобы сокрушение выглядело именно что нарочитым. — Действительно, на решении об открытии следствия нет даты. Эти канцеляристы порой так небрежны... Ничего непоправимого, сейчас я все впишу, — он достал стилос, придинул к себе казенные бумаги, глянул на часы. — И время поставлю. Ничего противозаконного... а, впрочем, пойдите докажите потом, что это я у вас на глазах все вписал. Дата, время... Ну вот, следствие открыто минуту назад. Ситуация проста, я могу вам гарантировать Именем императрицы: если все выложите, никаких последствий не будет, исключая краткосрочное пребывание под домашним арестом. Можете связаться с императрицей, она подтвердит. Будете запираться — механизм завертится. С несомненной плахой в finale. Выбор, как часто случается, небогат. Решать вам. Я дам вам время подумать, не особенно долго, пока горит сигарета, — он беззастенчиво достал из золотой шкатулки длинную сигарету. — Умному человеку и этого достаточно. Думайте...

Он закурил и демонстративно сделал глубокую затяжку, чтобы покончить с сигаретой быстрее. Принц опустил голову на руку, оперся локтем в столешницу, лицо стало еще более напряженным, хмурым, безрадостным. Конечно же, он лихорадочно искал выход — и не находил...

— Сигарета догорела, — сказал Сварог, тщательно гася окурок в роскошной пепельнице. — Итак?

Принц вскинул него глаза — и они, и лицо приобрели уже иное, не допускавшее двойного толкования выражение.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Тот момент, когда человек жалеет, что не может убивать взглядом, подобно василиску...

И подумал: у него нет оружия, иначе непременно выхватил бы. С такими лицами и убивают в приступе слепой не рассуждающей ярости...

— Прекрасно, — продолжал он. — У вас в глазах полыхает лютая ненависть. Боже, как вы меня ненавидите... Причины не соизволите привести? В конце концов, не считается преступлением, если кто-то кого-то за что-то ненавидит всей душой. Вряд ли все только из-за того, что я вас разоблачил. Должно быть, что-то еще... Ну? Как мужчина мужчине?

Принц немного владел собой, но ненависть в глазах не погасла совершенно.

— Потому что я всегда ненавидел ф а в о р и т о в, — сказал принц. — Вне зависимости от того, умны они или глупы. В любом случае, мне противна скотина, которой дозволено плевать на законы и обходить их исключительно оттого, что она спит с императрицей, и...

— Хватит! — сказал Сварог резко. — Все равно не поверю, что ваша благородная душа кипит праведным гневом, направленным против мерзавцев-фаворитов. Не верю я в душевное благородство людей, которые со спокойной душой собираются перебить всех родственников, включая императрицу, и вскарабкаться на опу-

стевший престол. Все проще, а? Вы меня ненавидите за то, что до императрицы можно добраться только через мой труп... И не вы один. Это гораздо более жизненная версия, лишенная глупой романтики... Ну? Молчите? Тоже объяснимо. Вы не собираетесь сдаваться просто так, вас необходимо припереть к стене. Ну что же, разумно... Мало ли как я могу блефовать... Времени у меня достаточно. Могу себе позволить не спешить и методично загонять вас в угол, как в шакра-чатурандже короля или королеву теснят к тем клеткам, где они уже не смогут более двигаться... — он полез в портфель. — Вот, извольте. Эти материалы те, кто за всем стоит, дали Орку, чтобы он выбрал лучший, по его мнению, способ покушения на нескольких особ, в том числе и на императрицу. Только я бы посоветовал просмотреть в ускоренном режиме — ну, большую часть. Запись достаточно длинная, нет смысла смотреть ее целиком...

Судя по тому, как поехали по клавиатуре пальцы принца, он так и поступил: сначала посмотрел пару минут нормальной записи, а потом принял ее гонять, время от времени останавливаясь на каких-то эпизодах. Сварог терпеливо ждал. Наконец принц поднял голову:

— Ну и где здесь мое участие? Где здесь я?

— Вы совершенно правы, — сказал Сварог. — Там вас нет. Зато подарочки, которые вы вручили на своем дне рождения принцам и принцессам крови — целиком на вашей совести. То, что вам их привез Орк, подтверждается как показаниями Орка, так и, что скрывать, сделанными в вашем маноре записями. Вам продемонстрировать то и другое? Ах, не хотите... Правильно, я на вашем месте тоже отказался бы. Короткая проволочка, и не более того. Лучше ознакомьтесь с этой вот бумагой. Официальный и обстоятельный отчет Техниона о проведенном над одним из ваших подарков эксперименте. Тут всего две страницы. Документов пока что нет, не успели составить, но сегодня утром на полигоне Техниона провели эксперимент со

вторым подарочком. С теми же результатами. Логично предположить, что и остальные должны выполнить ту же задачу. Вот тут уж вы есть, — он помолчал. — Разумно... Вы не пытаетесь свалить вину на Орка... потому что не знаете, сколько он нам рассказал и что именно. Могу вас заверить: он рассказал все, что знал. Когда мы его допрашивали, указа о возвращении седьмой статьи еще не было — но он не принц крови, ссылкой на Сильвану не отделался бы, а для столь деятельной натуры пожизненное заключение в замке Клай было бы хуже смерти... Так что его без особого труда вывернули наизнанку, как наволочку при стирке. Вот еще одна запись встречи Орка с некоей особой — точнее нужный в данный момент коротенький кусочек записи, где недвусмысленно излагается, кому Орк должен передать подарки и для чего. Посмотрите, это не займет и минуты... — какое-то время он молча курил, не без злорадства наблюдая, как на лице принца прибавляется безнадежности. — Посмотрели? — он вновь собрался встать. — Есть и другие записи, и другие показания, но я их предъявлять не стану ради экономии времени, у нас запас времени все же не безграничен. Достаточно этой записи и двух экспериментов...

Насчет второго эксперимента он не врал. Коли уж в их распоряжении оказались все восемнадцать тарелочек, не было смысла беречь их. На сей раз, не затягивая, по второй в п а л и л и уже известной комбинацией — как и следовало ожидать, сработало, все повторилось...

— Вполне достаточно этой записи и двух экспериментов, — повторил Сварог напористо. — Вы, конечно, можете сказать, что ничего не подозревали, понятия не имеете о секрете подарков. Может быть, и правда не имели. Но такое заявление автоматически означает, что вы все же были в заговоре. И уже не имеет никакого значения, знали или нет. В таких делах лишаются голов и главари, и простые исполнители. Вполне достаточно уже имеющихся улик, чтобы отправить вас

на плаху. Учитывая отношение ко всему императрицы, обоих принцев короны и Канцлера, другого приговора и ждать не стоит. В конце концов принцев крови у нас, простите за хамство, как собак нерезаных... Если вы лишитесь головы, Империя от этого ничего не потеряет, наоборот — другим будет впредь наука, чтобы сидели, как мыши под метлой и ни во что не ввязывались. Самое скверное в жизни человека — когда требуется наглядный пример, и именно ему предстоит в этой роли выступить. В нашем случае примером должна служить скатившаяся с плахи голова, — он собрал бумаги и флешки, уложил их в портфель и старательно его застегнул. — Разговорам подходит конец, пора принимать решение — вам принимать, я имею в виду. Могу только добавить: конечно, мы знаем не все, врать не буду, но знаем г л а в н о е. С покушениями ничего не выйдет. Все до единого ваши подарки потихонечку изъяты и заменены безобидными копиями... В полной боевой готовности, как выражались в старину, все, способные держать оружие. Любую попытку переворота мы задавим, не стесняясь в средствах. Несколько кусочков головоломки еще не уложены, правда — и вы один из них, не более того. Вполне возможно, вы не просто «живое знамя». Человек вашего ума мог и не удовлетвориться столь незавидной, по сути, ролью марионетки... а то и потребовать гарантий в виде дополнительной информации. Я поставил себя на ваше место... Лично я непременно потребовал бы такой информации — чтобы решиться впутаться в такой заговор, нужно получить полную уверенность, что вы имеете дело с серьезными и сильными людьми, это азбука любого заговора, никто не верит не подкрепленным аргументами обещаниям... Умный человек всегда требует более-менее убедительных доказательств. Орк, как человек умный и изворотливый, такие доказательства получил в свое время — и не мог предполагать, что за ним уже наблюдали... Как и за вами. Ваш кусочек головоломки не

главный, но нас он тоже интересует. Не буду врать, что мы знаем все — но знаем достаточно, чтобы отправить вас на плаху. В то время как другие из наших рук благополучно выскользнут. От вас останется только пепел, а они будут разгуливать на свободе и радоваться жизни... — он резко изменил тон. — Всё, Агеляр, — он и не подумал добавлять титул. — Кончились задушевые беседы. Либо будете откровенны, либо отправитесь в замок Клай. Повторяю, в случае полной откровенности останетесь на прежнем месте в прежнем положении, императрица гарантирует. Лгать я вам не собираюсь. Можете, в конце концов, спросить ее. Она тоже не станет унижаться до лжи такой персоне... как вы. Если вы будете для нас полностью безопасны — черт с ним, живите. Только не думайте слишком долго, времени у меня много, но и дел посеребренее немало. Вы мне уже не так уж и интересны. Найдется, кому поручить вести дальнейшие допросы... Ну?

Ну вот, собственно, и все, подумал Сварог. Либо он сломается, либо откажется говорить, других вариантов попросту нет. Улик против него и в самом деле достаточно для плахи. Пусть им дальше занимаются специалисты Канцлера в оборудованной по последнему слову науки и техники пыточной, вряд ли ему поставили такую же защиту, что Брашеро — они ведь чувствовали себя в полной безопасности...

Он ощущил прилив злобного торжества: лицо принца стало именно таким, каким оно бывает у людей, когда они ломаются и понимают, что другого выхода нет. Он слишком многое теряет вместе с жизнью, а рисковать ею или ставить на кон у него, в отличие от Орка, навыка нет. Орк,битый жизнью и не раз смотревший смерти в глаза, моментально сдал все и всех, когда понял, во что впутывается. А уж этот...

Принц поднял на него глаза. Прежняя ненависть куда-то сгинула, осталось простое желание жить, и жить по-прежнему...

— С императрицей я связываться не буду, — сказал он мрачно. — Если уж обманывают, дают любые клятвы, а если нет... — и продолжал тусклым, бесцветным, безжизненным голосом. — Вы не представляете себе психологию людей, имеющих права на престол, но понимающих, что никогда на него не взойдут, так и проживут жизнь в длинной очереди возможных претендентов... Она несколько отличается от психологии других людей... И порой хватаешься за шанс...

И совершенно при этом не думаешь, через сколько трупов — причем трупов твоих родственников — придется переступить, мысленно закончил Сварог. Нет, сейчас ему нельзя читать мораль, если вообще будет на это время.

— Самое занятное, что я вас понимаю лучше, чем другие, — сказал Сварог. — Потому что я еще — и земной король. И мне, что скрывать, приходилось иногда переступать через кровь... Вот именно, особая психология...

Старый прием, избитый и затасканный, но действует до сих пор — допрашиваемый должен увидеть в сыщике пусть и не друга, но родственную душу, способную многое понять, в отличие от «обычных» людей... Подействовало, кажется, он несколько расслабился, голос звучит ровно...

— Так что рассказывайте, — сказал Сварог. — Как пишут в романах, все началось с того...

Тем же отрешенным голосом принц повторил:

— Все началось с того разговора в «Зарослях хмеля»...

— Знакомое название, — сказал Сварог. — В голове вертится... Ага, ну да... Бордель высшего класса в Равене. Не стану врать, часто там не бывал (он и не врал — ну, старые дела, как-то они с Леверлином...).

— Мы там сидели с Саторнином...

— Кто это?

— Магистр. Возглавляет одни из отделов Магистериума. Мы с ним и прежде несколько раз выбирались

на землю, не реже, чем с Орком, — принц вымученно улыбнулся. — Он тоже не лишен страсти к развлечениям, хороший спутник для иных путешествий, и, в отличие от многих своих коллег, отлично владеет мечом, не прочь подраться где-нибудь в переулке, ночью... Я у него несколько раз бывал в Магистериуме — иные их эксперименты очень занятны. Раз уж вы бывали в «Зарослях хмеля», должны знать их Селадоновый зал...

Сварог кивнул. Прекрасно знал. Лестница ведет направо и вниз, в подвальный зал, выдержаный в селадоновых, то бишь светло-зеленых тонах с добавлением черного и золотого. Очень уютное местечко, едва ли не лучшее там — кроме общего зала с подиумом для музыкантов и танцовщиц, имеются по всему периметру и кабинеты, большие, уютно обставленные, можно при желании развлекаться с девицами прямо там, а можно и вести доверительные разговоры о делах, никак не связанных с музыкой, вином и девицами — отчего зал давно облюбовали авантюристы высшей марки, шпионы и тому подобная публика. Подслушивать у двери практически невозможно, заметят моментально. Правда, есть еще мастерски устроенные слуховые трубы, о чем многие, убаюканные мнимой надежностью кабинетов, и не подозревают. А потому владельца заведения давно прибрала к рукам тайная полиция и вовсю использует в своих интересах. То же касается и «нумеров» на втором и третьем этажах. Правда, случаются казусы — ловкачи, знающие жизнь, затыкают почти незаметные снаружи отверстия «подслушки» вульгарными тряпками — и не пойдешь же туда просить: дескать, простите великодушно, не уберете ли затычку, а то нам не слышно...

— Мы сидели в подвале, в кабинете. Едва вошли, Саторнин заткнул тряпкой какую-то дыру в стене, почти и незаметную, сказал, что теперь нас не услышат. Он и раньше заводил порой разговор о нашей жизни, о переменах, устроенных императрицей, о том, что вы за-

брали слишком большое влияние на государственные дела. Если вы не в курсе, многие о вас говорят и далеко не все отзываются лучшим образом...

— Знаю, — кратко прокомментировал Сварог. — Дальше?

— Мы давно уже сошлись во мнении, что нам обоим это не по нутру, что многое следовало бы изменить. Потом я понял, что он долго и старательно меня изучал... И тогда, в кабинете, заговорил вовсе уж откровенно. Предупредил: если я кому-нибудь передам наш разговор, у меня не будет никаких доказательств... и был прав. И рассказал, что существует заговор. Отстранить Императрицу от власти, равно как и вас и кое-кого еще, возвести на престол кого-то более серьезного и ответственного... и в этой роли они видят меня. Я поначалу отнесся ко всему этому довольно скептически — как бы ни тяготился своим положением, прекрасно понимал, что против вас с Канцлером бороться трудновато. Я, конечно, ни минуты не верил, что он ваш провокатор... или чей-то еще. Знал о нем кое-что. Знал, что он и в самом деле среди тех в Магистериуме, кто настроен против вас... и всего прочего, имеющего место быть. В Магистериуме более, чем где-либо, критически смотрят на многое... Не так давно кружили смутные слухи, что кто-то из Магистериума все же устроил заговор, укрываясь в Горроте — но их разоблачили. Именно это меня и останавливало, о чем я ему честно сказал. Нет смысла участвовать в безнадежном предприятии... Что я Саторнину и выложил. Он ничуть не огорчился. Сказал, что на сей раз ситуация совсем другая: помогают крайне могущественные силы из Другого мира, с которыми в Магистериуме наладили связь. Так что на этот раз все будет совсем иначе. И он мне может это доказать. Я согласился... не на участие в заговоре, а на то, чтобы эти доказательства увидеть своими глазами. Мы поднялись в номер на третьем этаже, Саторнин его заранее нанял. Ждали

примерно с квадранс. Там было большое зеркало, чуть ли не до потолка... (Сварог насторожился.) И вдруг оно...

— Я за вас закончу, — сказал Сварог. — Оно налилось синим сиянием, потом зеркало словно бы пропало, вместо него было что-то вроде коридора или тоннеля, и оттуда вышла женщина. Молодая, красивая, синеглазая, златовласая, в длинном сером платье. Сказала, что ее зовут Иляна. Так?

Принц уставился на него с явным изумлением:

— Вы и это знаете?!

— Я же сказал, что знаем мы многое, — сказал Сварог. — Она вам наверняка повторила примерно то же самое: что они помогают заговору, что на сей раз в распоряжении заговорщиков будут средства и силы, которым никто не сможет противостоять...

— Да, вот именно...

— Интересно, а чем она мотивировала дружеское соучастие?

— Вы стали для них опасны. Вы стоите у входа в их мир, куда не преминете вторгнуться. Вот они и хотят вас опередить, так что цели у нас схожи.

— Вы поверили?

— Все равно я не мог ничего проверить, — сказал принц. — Но ее появление само по себе было чертовски убедительным аргументом. О Зазеркалье кружат разные побасенки, никто ничего не знает точно, одно ясно: его обитатели и в самом деле способны добиться своего. Потому что у вас нет надежной защиты от них, да и ни у кого нет. Дело представляло в совершенно ином свете — как и шансы на успех... Потом Саторнин ушел, мы с ней остались одни, она мне сделала то же самое предложение... и я на сей раз его принял. Все было очень серьезно и убедительно... Их мотивы тоже, они хотели, чтобы новый император остановил кое-какие работы, позволяющие проникнуться в их мир. Ничто другое их не интересует... и знаете, в этом был

свой резон. Если бы они замышляли вторгнуться к нам сами, могли бы сделать это уже давно, вы согласны с такой логикой?

— Да, пожалуй... — задумчиво сказал Сварог. — И дальше?

— Дальше... Собственно, ничего особенного. Она сказала, что мне нет необходимости вникать в детали. Главное сделают и без меня, от меня требуется лишь выполнять просьбы, которые могут последовать, и готовиться занять трон. Мягко намекнула, что если я их выдам, выгоды от этого мне не будет никакой, а вот потерять я могу очень многое, не только будущий престол, но и жизнь. Знаете, я ей поверил: где гарантии, что из моего собственного зеркала в спальне ночью не вылезет какой-нибудь мерзавец и не ткнет меня кинжалом? — он повторил задумчиво, мечтательно: — Теперь дело предстало в совершенно ином свете, как и шансы на успех... Это уже было гораздо серьезнее прежних заговоров, затеянных собственными силами. С такими союзниками... Потом... Ну, потом она осталась на пару часов... вы прекрасно понимаете, о чем я. Очаровательная женщина... Человек, несомненно. Ничего общего с нечистой силой — меня в свое время научили кое-что распознавать... Пожалуй, это все. Впоследствии она приходила один-единственный раз. Саторнин пригласил меня на землю, на сей раз в Сноль, где снимал домик... Это было две недели назад. Там тоже было большое зеркало, из него вышла Ильяна. На сей раз Саторнин ушел сразу, Ильяна сказала, что все готово, остались считанные недели. Что ко мне прилетит Орк и привезет некие подарки, которые я на дне рождения должен вручить всем остальным принцам и принцессам, как ответные. Эти предметы в нужное время погрузят всех в сон — в том числе и вас, и императрицу, и других. Всех отправят в замок Клай, я останусь единственным претендентом на престол, произойдет некая акция — без всякой стрельбы и крови, просто-напросто меня выберет Избранный Совет...

— И вы поверили? — спросил Сварог. — В то, что ограничится замком Клай?

— Почему бы и нет?

Ты хотел верить, сукин кот, подумал Сварог. Как я когда-то в Снольдере старательно вдалбливал себе в голову, чью обойдется уединенным замком в глухи... Вот только я не собирался убивать два десятка своих родственников, извести фамилию под корень, быть может, это чуточку меня оправдывает и позволяет не встать с ним на одну доску...

— Что-нибудь еще можете рассказать?

— Я рассказал все, что знал, — буркнул принц.

К превеликому сожалению, умение моментально отличать правду от лжи могло помочь только с земными жителями, лар не в состоянии пустить его в ход против лара. Ну, скорее всего, он не врал. Те, из Радианта, показали себя жесткими прагматиками, они не сделали ни одного лишнего движения, мы могли так и не выйти на них, не присмотреться к ночному небу, не встретиться на очередных таинственных тропинках красивая, загадочная, несчастная Бади Магадаль. Агентуру они задействуют, когда это по-настоящему необходимо. Принц оказался незаменим, когда потребовалось раздать «подарочки» членам императорской фамилии. Использовать его в каких-то других делах слишком рискованно: нельзя исключать, они узнают от своих здешних информаторов, сколь плотная слежка установлена за принцами-принцессами. Интересно, должны ли, по их расчетам, Орк с принцем выжить? На их месте я, решив позднеть Империю, ни за что не поставил бы на сержиные посты людей умных и ловких, гораздо надежнее марионетки. С одной стороны, принца они могли бы и оставить в своих расчетах живым — но, с другой стороны — нельзя исключать, что он им понадобился только для вручения подарков, а потом и с ним, и с Орком что-нибудь случится. Если не останется ни единого члена императорской фамилии...

лии, в Империи возможны серьезные потрясения, а это Радиант только на руку...

Он поднял на собеседника холодные глаза. Принц уставился на него исподлобья — настороженно, зло. Банальное сравнение, но что поделать, если крайне походил на попавшего в капкан волка? Случалось им с дедом Мишой однажды встретить на охоте такого волка... Те же самые глаза, пусть и не того цвета...

— Что же, в таком случае на этом и закончим, — сказал Сварог, вставая и подхватывая портфель. — Можете не беспокоиться, все данные вам обещания будут выполнены...

— Я и не беспокоился, — с наигранной надменностью сказал принц, явно только для того, чтобы сохранить лицо.

— Правда, как я и говорил, несколько дней вам придется провести под домашним арестом...

— Вы что же, не уберете этих... — он никак не мог подобрать нужного слова.

— Вам они мешают?

— Мне — нет. Но ко мне могут прилететь гости. И что я им объясню?

— Уберу, — сказал Сварог. — Самое большее через полчаса прилетят другие люди, уже не столь устрашающего вида, сменят охрану... Всего наилучшего!

У самой двери он бросил быстрый взгляд через плечо. Принц сидел, сгорбившись, пустым взглядом уставившись в пространство. Интересно, о чем он сокрушается, подумал Сварог в коридоре.

О том, что провалился, или о троне, который ему теперь, ежу понятно, не видать, как своих ушей? Наверняка о троне — провал ему ничем не грозит, разве что слежку ужесточат до предела...

Оказавшись в вимане, тут же взлетевшей, он прошел на второй этаж, сказал пилоту:

— В Латерану...

Зашел в одну из комнат, распахнул дверцу гардероба и стал неторопливо переодеваться в королевский наряд. Он не чувствовал себя победителем и не считал, будто они в тупике — они просто-напросто снова не продвинулись ни на шаг. Показания принца дополняли общую картину — и только. Что до магистра... Нетрудно повязать его вечером в его собственном маноре — но что, если он будет держаться тверже, чем все остальные, угодившие до него в капкан? Его можно и не напугать плахой — против него нет никаких улик, не считая показаний принца, а принца к суду привлекать не будут, что магистр может просчитать заранее, эти яйцеголовые из Магистериума, высоколобые и фрondеры, иначе устроены. Вообще-то, если у него нет той защиты, что поставил для себя и своих людей Брашеро... Кто-кто, а глэrd Баглю отправит к Одноглазому любого, на кого укажет Сварог. Беда в том, что его отсутствие в Магистериуме обнаружат очень быстро, а там у него могут оказаться и сообщники. Беда еще и в том, что, если заговорит — а у Одноглазого и мертвый заговорит — не расскажет ничего полезного. В отличие от всех прежних заговоров, устроенных исключительно «внутренним врагом», в игре участвует внешняя сила. А значит, нет необходимости заводить главу заговора среди ларов. Гораздо pragmatичней действовать, если можно так выразиться, на гастролях. Из Зазеркалья приходит красавица Ильяна, раздает поручения и возвращается в свой мир. Технически несложно взять и ее во время очередного дружественного визита, но в Радианте моментально сыграют боевую тревогу. Можно обойтись и той информацией, что уже имеется. Все готово для блдцкага, строительство резиденций для наместников закончено, аппаратура загружена, флотилия уже в космосе, поблизости от Нериады...

...Доктора Латрока он раньше видел раза два, на многолюдных совещаниях в восьмом департаменте, издали. И, лишь оказавшись с ним лицом к лицу, оценил

в должной мере. Гораздо шире Сварога в плечах и чуть ли не на две головы выше, громадина с кошачьей плавнотью движений, широколицый, светло-синие глаза исполнены некоей наивности, конечно же, наигранной, лет сорока на вид, но волосы совершенно седые — почему он не восстановит естественный цвет, в его же собственной клинике такую пустяковину можно проделать в два счета? Впрочем, и некоторые старики ничего не предпринимают против своих седин. Участливое, располагающее к себе выражение лица — ну, это у него явно профессиональное...

Как многие, Сварог подсознательно испытывал перед психиатрами легонькую робость — ну, самую чуточку. Все время казалось, вот он сейчас посмотрит и узнает нечто такое, чего ты сам о себе не знаешь...

— Она вас ждет, — сказал Сварог. — Вы будете с ней просто разговаривать, или...

Доктор достал из кармана золотистый шар величиной с крупное яблоко, усыпанный хаотично разбросанными черным точками, казавшийся очень легким, положил его на широкую ладонь, посмотрел на него — и шар стал вертеться не быстро и не медленно, примерно как пластинка на тридцать три оборота. Черные точки, вроде бы разбросанные как попало, очень быстро стали сплетаться в струйки, несложные узоры, их кружение, переплетение, неспешные изгибы завораживали, притягивали, подавляли волю...

Легонько тряхнув головой, Сварог моментально избавился от наваждения.

— Конечно, на вас это не действует, — усмехнулся доктор. — А вот на нее подействует. Гипноз, да... Так будет лучше для начала.

— Ну, вам виднее, — сказал Сварог. — Сколько вам потребуется времени?

Доктор посмотрел на часы, что-то прикинул:

— Приходите без квадранса шесть. Я к этому времени все закончу...

Нажал на вычурную золоченую ручку и скрылся в комнате Вердианы. Не раздумывая особо, Сварог направился во флигель — там можно было убить время с пользой. Именно так все и произошло, он обошел все три этажа, где листая свежие сводки, где решая мелкие дела, скротал время незаметно. Неизвестно, прилетела ли за это время Яна — он никого не просил докладывать о ее прибытии, а все летательные аппараты шли на посадку невидимыми, таковыми и оставались, так что обширный зеленый луг, окруженный невысокой, белой ажурной оградой казался совершенно пустым. Приземлившись, все по периметру обозначают машины тускло мерцающим светло-синим контуром; чтобы никто не налетел, не набил шишку — но он виден, когда подойдешь вплотную, отсюда не рассмотреть...

Когда Сварог шел по коридору, доктор как раз направлялся к двери. Сварог спросил с наигранной беспечностью:

— Ну, как там, доктор?

Латрок, тщательно прикрыв за собой дверь, чуть заметно пожал плечами:

— Что вам сказать? Тяжело пока что не устает, но может появиться...

— Вы уж подоходчивей, — сказал Сварог. — Будьте так добры...

— Постараюсь. Только сначала... Лорд Сварог, у врачей, когда они на работе, не бывает нескромных вопросов... Она вам нужна как женщина?

— Ни в малейшей степени, — сказал Сварог, энергично мотнув головой. — Можете не верить, но я о ней забочусь без всяких задних мыслей. Можно себе это когда-нибудь позволить? А к чему этот вопрос?

— Для общей картины, — сказал Латрок. — Ну почему же не верю? Верю. Что ж, если подоходчивее... У нее почти все в порядке, психика устойчивая, крепкая. Вполне вероятно, из-за того, что она росла в деревне,

пусть и не в крестьянской избе, а в замке — деревенские жители всегда тверже рассудком, чем городские. Но все же, то, что ей пришлось пережить, не могло не оставить рубцов. Если не принять мер, эта подсознательная боязнь мужских прикосновений из тонюсенькой трещинки может превратиться в *р а з л о м*, превратиться в манию или фобию... Точно предсказать невозможно, но следует ожидать самого худшего.

— Это лечится?

— Лорд Сварог, лечится все, кроме разве что несчастной любви, тут уж медицина бессильна... я бы забрал ее на Сильвану, в «Лазерную бухту». Нет, не делайте такого лица, с ней не происходит ничего, что потребовало бы *с р о ч н о г о* вмешательства. Просто-напросто — к чему откладывать? Там сейчас ни одного пациента, отличная аппаратура, вдобавок, кроме чисто медицинских процедур — пляж, море, солнце, морские и воздушные прогулки, поездки по красивым местам, масса новых приятных впечатлений, особенно для земной девушки... Недели за две мы бы полностью привели ее в порядок. Бывали случаи и посложнее, потяжелее. Сможете ее уговорить?

— Думаю, без особого труда, — сказал Сварог.

И шагнул было к двери, но доктор плавным движением, словно бы невзначай, загородил ему дорогу:

— Вот что еще... В а м бы тоже не помешало, лорд Сварог, на пару недель отправиться в «Лазурную бухту».

— Очень мило, — натянуто улыбаясь, сказал Сварог. — Вы что же, и во мне что-то такое... усматриваете?

— Как вам сказать... В медицинской *п о м о щ и* вы не нуждаетесь, ну, разве что, парочка легчайших, можно выразиться, процедур, профилактики ради. В этом очень многие нуждаются, хотя не все понимают. Здесь другое... Когда вы последний раз отдохнули по-настоящему? Самое малое две недели провести где-нибудь на курорте, полностью отрешившись от дел...

Сварог старательно перебрал в памяти все эти годы. Несколько охот, по два-три дня... поездки с Яной на землю, тоже ненадолго... С тех пор, как он здесь, он и не отдыхал по-настоящему ни разу, в том смысле, какой вкладывает это понятие доктор...

— Пожалуй что, и никогда, — сказал он честно.

— Вы работаете на износ, лорд Сварог, а это никогда не обходится без последствий. Я не взялся бы выносить какие-то суждения без долгой беседы с вами, но уже сейчас могу сказать, что у вас может развититься «синдром штурвала».

— И что это такое?

— Человеку начинает казаться, что без него ни-где и ни в чем не обойдется. Что без него все рухнет, пойдет прахом, что подчиненные непременно завалят дело, что необходим постоянный контроль абсолютно за всем, в больших и малых делах. Незаметно для себя он начинает вникать в то, что и без него прекрасно работает, опека становится мелочной, навязчивой, фигулярно выражаясь, человек боится хоть на секунду отойти от штурвала. Развивается это медленно, но приводит к самым печальным последствиям и для человека, и для дела. Перерастает в манию. Пока вам нечего опасаться, но вы, по моему глубокому убеждению, уже на этой тропинке. Поверьте, такие ситуации плохо кончаются. Я вам могу показать несколько историй болезни... разумеется, пациенты везде фигурируют под криптонимами. Вы сами убедитесь. Лорд Сварог, послушайте моего совета... Берите... жену и прилетайте на Сильвану. Кроме «Лазурной бухты», если вам там не понравится, у нас есть еще четыре курорта. Наконец, мы располагаем двумя базами на Селене. Многим там нравится — прекрасные пейзажи, экзотические местечки, да вдобавок сила тяжести гораздо меньше, чем на Таларе или Сильване. Как и этой очаровательной девушке, я бы вам посоветовал отправиться в одно из этих мест, не особенно

откладывая. Сейчас в Империи и на Таларе полный порядок, можно даже сказать, благодать, никаких серьезных тревог и угроз...

Сварог уставился на него прямо-таки оторопело. Не сразу уяснил себе, что о происходящем знают люди, которых можно по пальцам пересчитать, а все остальное человечество, на земле и за облаками, полагает, что царит сущая благодать, и не следует их из этого приятного заблуждения выводить. Доктор, хотя и возглавляет медицинское управление департамента, знает только то, что ему необходимо знать по работе.

— Я непременно воспользуюсь вашим советом, доктор, — сказал Сварог. — Но — чуть попозже. Вы уж поверьте на слово — сейчас как раз сложилась довольно серьезная ситуация, когда мое присутствие просто необходимо. И никаких синдромов. То, что в нешире царит благодать, ни о чем еще не говорит...

— Понимаю, — кивнул Латрок. — Как-никак, всюознательную жизнь прослужил в восьмом департаменте. У вас чересчур озабоченное лицо, а до развития синдрома еще очень и очень далеко, так что я вам верю... Ну, а что мы решим с девушкой?

— Сейчас я с ней поговорю.

— Я подожду здесь, — сказал доктор. — Скажите ей, что никакого багажа собирать не нужно. У нас там отличные синтезаторы и каталоги. Любые платья и прочее, что ей может понадобится, будет сделано немедленно...

Бесшумным духом объявился лакей, судя по ухваткам, мнимый. Бросил быстрый взгляд на доктора Латрока, коего знать не знал, сориентировался в какие-то секунды:

— Малая каминная на втором этаже...

— Скажите, что я скоро буду, — кивнул Сварог.

Лакей улетучился. Доктор легонько коснулся локтя Сварога, уже взявшегося за ручку двери:

— Да, вот что еще... Я не стал выводить ее из транса. Хлопните в ладоши, можно не особенно громко, и она проснется.

Сварог вошел. Вердиана сидела в мягким кресле в той же позе, что и в начале визита к нему в кабинет: выпрямившись, не касаясь спиной спинки кресла, положив руки на колени. Глаза были не то чтобы бессмысленные, но лишенные всякого выражения, как у младенца.

— Медицина... — проворчал Сварог и легонько хлопнул в ладоши.

Взгляд Вердианы моментально стал осмысленным, чуть удивленным, она откинулась на спинку кресла:

— А где доктор? Он здесь только что был...

— Вышел, — сказал Сварог. — У меня мало времени... Ты мне доверяешь?

— Вам первому...

— Отлично, — сказал Сварог. — Доктор считает, что тебе нужно на пару недель поехать на курорт... и чуточку подлечиться. Тогда пройдет все, что тебя мучает. Понимаешь? Всё.

— Ваше величество, вы тоже считаете, что это необходимо?

— Конечно, — кивнул Сварог. — Мне было бы очень приятно, если бы ты поехала.

— Ну, тогда я поеду. А где это?

— Тут недалеко, — сказал Сварог. — На Сильване. Полетите с доктором...

Хотел было доверительно положить ей ладонь на руку, уже лежавшую на подлокотнике кресла, но вовремя опомнился. Она, округлив глаза, посмотрела снизу вверх в совершеннейшем восторге, к которому, похоже, примешивалась капелька нешуточного удивления:

— Лететь? Да вдобавок и на Сильвану?

— Ну да, — сказал Сварог. — Я тебя уверяю, это просто и быстро. Прямо сейчас, доктор ждет...

— Но нужно же собраться... — проговорила она в полной растерянности. — Платья... и еще...

— Не нужно, — сказал Сварог. — Там есть такие штуковины... В общем, у тебя вмиг будет любое платье, которое ты захочешь. Ты таких и не видела. И все необходимое. Ну, пойдем?

Она послушно встала и пошла за ним. В коридоре Сварог негромко сказал доктору:

— Покажите ей, пожалуй, Талар с орбиты... — повернулся к Вердиане: — Ну, будь умницей. Девушки наверняка прилетят к тебе в гости... Но в любом случае ты там скучать не будешь, честное слово. Всего хорошего, Вердиана...

Кивнул и пошел прочь, оставив ее в легоньком ошеломлении. Поднялся на второй этаж, вошел в одну из малых каминных. Яна сидела за столиком, задумчиво вертя меж пальцев пустой бокал. Сварог присел напротив, улыбнулся, он надеялся, лучезарно:

— Налей и пей. Коли уж передышка выдалась...

Она молча наполнила пузатые золотистые бокалы маррунского стекла «Драконьей кровью». Ее чуточку печальный вид Сварогу категорически не понравился — тем более что он, кажется, знал причину. Чтобы как-то разрядить обстановку, взял прислоненный к креслу виолон — явно Гаржак оставил, знакомый инструмент — прошелся по струнам.

Следовало пустить в ход одно из верных, испытанных средств.

Когда выпадало время для дружеских посиделок, и Яне, и его юной гвардии из Девятого стола очень нравилось, когда он пел по-русски. Вся компания только теперь столкнулась с понятием «иностранный язык». Учившие детей наставники о том, что на Таларе в древности существовали разные языки, обычно упоминали одной фразой, как правило, тут же забывавшейся. Все старательно пытались угадать, о чем очередная песня — о любви, о смерти, о войне? Чаще всего угадывала Канилла — то ли кровь дриад тому причиной, то ли интуиция острее, чем у остальных...

Еще раз прошелся по струнам, надеясь, что пальцы сами отыщут подходящую мелодию. В памяти всплыло вовсе уж полузабытое:

— Штанишки до колен,
бинокль наперевес —
английский джентльмен
приехал в Бенарес.
И холоден, и горд,
стоит надменный бритт.
В боях за Красный Форт
Был отец его убит.
Над ним со всех сторон —
британская земля.
Здесь жил и умер он
во имя короля...

И замолчал — дальше он не помнил. Это была песня не его поколения, а предыдущего. Совсем пацаном ее слышал от старших во дворе, а когда и их компания заняла место старших, появились другие песни. Впрочем, продолжать и ни к чему — сразу видно, испытанное средство не помогло, Яна по-прежнему сидела мрачная, напряженная, глядя так тоскливо, что у Сварога защемило сердце. Он осторожно сказал:

— Вита, в чем дело?
— Сам прекрасно знаешь, — сказала она тусклым, безжизненным голосом. — Опять ждать... Я и не знала, что это так мучительно — ждать...

Перед глазами у него встало прошлое: каменистые отроги, сухие как мумия, заполошный треск бивших наугад ручных пулеметов, шелест летевших сверху вниз зарядов из гранатометов, показавшиеся на горизонте припоздавшие «крокодилы», жарко и чадно пылающий БТР, из которого никто не успел выпрыгнуть, включая прапорщика Вильчура. И вспомнил, как они потом, дома тянули спички — кому идти

к жене Вильчура и сказа ть. И как чертовская спичка досталась ему...

— Яночка, — сказал он негромко. — Иногда это просто замечательно — когда есть кого ждать. А вот когда ждать некого... — И он вспомнил классиков. — Ты знаешь, не было случая, чтобы я не вернулся. В конце концов, работы там на пару дней, а то и поменьше. День, чтобы осмотреться, ночь, чтобы пустить шмелей. Если им все удастся, завтра утром будут работать уже без нас. А если у шмелей провалится, мы тут же, ночью, улетим с планеты, и все опять-таки будет без нас. Два дня...

— Ты уже не так давно уходил на два дня. Вы уходили всемером. А вернулся ты один... какое там «вернулся», Акбар тебя принес. И жить тебе оставалось всего ничего — пока опухоль не дойдет до сердца. Будь Заводь побольше...

— Помнишь «Трактат о случайностях» Жембло?

Под этим наименованием здесь знали то, что на Земле именовалось теорией относительности.

— Смутно, — сказала Яна. — Это Кани в точных науках, как рыба в воде, а у меня с ними вечно не ладилось...

Ну хоть в более-менее нормальный разговор втянул, подумал Сварог. И сказал:

— Я тоже смутно, но кое-какие основы помню. Очень уж ничтожный шанс на то, что событие повторится в точности, два раза подряд. Наука на нашей стороне. И везение тоже.

— И все равно...

— Ну, что же делать... — сказал Сварог.

Вновь прошелся по струнам — мелодию он давно подобрал.

— *Алео траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,
э биле...*

Сложные у него были отношения с этой песней, в которой он не понимал ни словечка. Он ее ненавидел: когда она звучала, погиб Леверлин. И в то же время она чем-то притягивала, едва ли не завораживала. Сварог пел ее снова и снова, словно надеялся однажды понять, о чём она все-таки. Благо Яна, и Грельфи, и боевые монахи были едины во мнении: заклинаний в ней нет, не то что злых, враждебных, вообще никаких. Просто песня на незнакомом языке, и все тут...

*Конченто ланте,
мале нефоренте
теле наджаленте,
тале...
Таре атаманте,
белое даранте
чере кондаранте
годе...*

Отставив виолон и вновь наполнив свой бокал, он сообразил, что с Яной уже обстоит чуть получше: лицо не такое горестное, глаза сухие, даже бледная улыбка появилась на губах. Может, песня тому причиной — кто скажет, как с ней обстоит? Или она взяла себя в руки?

— Вита, ты же у меня умная и сильная, — сказал он как мог убедительнее. — Мне не придется бегать по буеракам с топором, я буду сидеть в здании и нажимать кнопки. Будет крупная военная операция, весь упор на боевую флотилию, а я — так, шпионю в безопасном отдалении. Первый раз со мной такое. Мне и не придется ничего делать, не та операция...

В глубине души он плохо верил, что все обернется для него так благостно, но делиться с ней этими мыслями безусловно не следовало. Нет, он, конечно, будет без Доран-ан-Тега, и тем не менее...

— Когда вы улетаете? — спросила Яна почти спокойным голосом.

— Через два часа, — сказал Сварог. — У меня еще будет время заглянуть к Грельфи. Понимаешь, она мне когда-то дала хорошее заклинание. Мелкий пустячок, можно сказать, бытовой, но в Токеранге это мне чертovски помогло. Авось и на Нериаде поможет, я надеюсь...

Яна вскинула на него сухие глаза:

— Раз тебе понадобилось заклинание, значит, ты собираешься во что-то ввязаться?

— Оно мне понадобится для употребления исключительно внутри резиденции, — сказал Сварог, на сей раз надеясь, что так и случится. — Вита, ты же у меня умная и сильная. К чему перед отлетом напрягать мои нервы, как струны на виолоне?

— Ну вот ничего не могу с собой поделать, — она улыбнулась чуть виновато.

— Превозмоги, — сказал Сварог серьезно. И встал. — Ну, пора ехать. Давай без долгих прочувствованных прощаний, ладно? Мы же с тобой не герои старинного рыцарского романа... Я тебя уверяю: не могу себе позволить такой роскоши — погибать...

Яна подошла, прижалась на миг, тут же отстранилась, поцеловала в щеку и глянула в лицо огромными сухими глазами.

— Я тебя очень прошу, не геройствуй понапрасну...

— Я и не собираюсь, — сказал Сварог. — Пройденный этап. Говорю тебе, не та обстановка будет, чтобы геройствовать на старый лад. Одни жмут кнопки, другие висят на орбите в боевых кораблях...

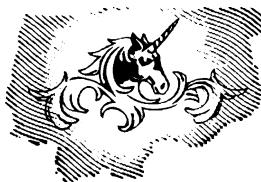
Улыбнулся ей, как он надеялся, открыто и весело, вышел, не оглядываясь.

Совсем повзросла, подумал он удовлетворенно, размашисто шагая по коридору. Заикнулась было, что хочет отправиться на Нериаду с нами, но, получив от нас с Канцлером слаженный и решительный отпор, замолчала... Вообще-то, будь там совершенно безопасно, все равно надежды на Древний Ветер мало — он не раз ничем не мог помочь, когда речь шла о чем-то с о в р е м е н о м...

Он вышел на крыльцо, сбежал по низким ступенькам, вскочил в седло, вокруг слаженно и проворно сомкнулись ратагайцы, и Сварог послал Рыжика рысью в распахнутые ворота; оказавшись на широкой улице, он не сменил аллюра — времени хватало, пусть даже сейчас не мчались впереди ликторы с буцинами.

Проехав чинную купеческую Жемчужную, он сделал круг примерно в несколько кварталов длиной — считайте это суеверием, но не хотелось проезжать неширокой Гончарной, хотя было бы ближе — но именно на Гончарной в одном из вариантов покушения его должен был скосить лучемет. Все равно никому ничего не придется объяснять, а береженого Бог бережет...

Глава X

АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ПРИЕХАЛ В БЕНАРЕС

Если говорить о декорациях, их троица абсолютно ничем не отличалась от иных окружающих. Три человека в нарядах не особенно зажиточных дворян при мечах гармонично вписываются в общую картину. Современных записей никто не делал, не дал Радиант такой возможности, но, учитывая здешнюю специфику, Сварог приказал мастерить одежду по образцам шестисотлетней давности, по записям, сделанным во времена первого «Невода». И оказался прав: фасоны одежды ничуть не изменились за прошедшие столетия, как не менялись и за прошедшие тысячелетия...

Даркаш-Ват, столица королевства Даркаш, принял их без малейшего отпора, но вот хорошей погодой порадовать не смог. Здесь стояла поздняя осень, голые деревья уныло растопырили ветви, небо затянуло занудной серой хмарью, порой в ней расплывались черные пятна и пробрасывало мелким снежком, недолгим, но душу безусловно не радовавшим.

Они, конечно, приготовились должным образом — теплые кафтаны, подбитые беличьим мехом плащи, шап-

ки грубой вязки, закрывавшие уши. Но все равно Гаржак, никогда не бывавший на Сильване, впервые столкнувшись лицом к лицу с явлением под названием «смена времен года», в уныние, конечно, не впал, не тот парень, но пришел в скверное расположение духа. Брат Ролан, коего, как Сварог слышал краем уха, на Сильвану заносило не раз, держался здесь, на Нериаде, не то чтобы веселее — просто без тени унылого раздражения. Кряжистый, средних лет, бородатый как все боевые монахи, выглядевший надежным спутником в опасном предприятии — каковым, несомненно, и был, братство святого Роха не выделило бы ему молодого и неопытного.

Что до самого Сварога, он в скверное расположение духа не пришел — но, оказалось, все эти годы начисто отвык от такой погоды. А на Сильвану, так уж сложилось, ни разу не выбрался — и сейчас чуточку зяб, холодок прихватывал кончик носа и пальцы рук.

Снег тут же таял, едва достигнув земли, но оставалась промозглая слякоть, холодный ветер гонял по мостовой грязные, отвердевшие талые листья, последние остатки осеннего листопада. В голове навязчиво крутилось:

*— Не прожить нам в мире этом,
не прожить нам в мире этом
без потеръ. Без потеръ...
Не уйдет, казалось, лето,
Не уйдет, казалось, лето,
а теперь... А теперь
Листья желтые над городом
кружатся...*

Он мог себе позволить роскошь — отвлекаться на посторонние мысли. Вокруг не происходило ровным счетом ничего, заслуживающего особого внимания, ни над чем, имеющим бы отношение к заданию, ломать голову пока что не приходилось. Нужные наблюдения уже сделаны, было время над ними поразмыслить. Так

что ровным счетом ничего не происходило — три человека неспешно шагали к тому самому месту встречи, которое изменить нельзя. И не более того.

Перевалило за полдень, движение на улице в такую пору очень оживленное. Идут пешеходы, скачут всадники, неспешно движутся повозки и гораздо быстрее — кареты. Все как полагается. Обычная картина для города такого уровня развития. Однако...

Очень быстро Сварог заметил то, чего не передавали в полной мере никакие записи. Правда, писаные отчеты именно о таком подробно повествовали. И все же совсем другое дело — увидеть своими глазами...

Никакие отчеты оказались не в состоянии в полной мере описать кукольность окружающей жизни. Сварог словно оказался посреди киносъемки, где мало того, что роли и эпизоды расписаны и поведение строго предписано — каждое движение и каждый жест педантично, подробнейше определены режиссером. Вот только найдись такой режиссер, он, несомненно, оказался бы душевнобольным — такой скрупулезности никогда не требовала ни одна киносъемка, все гораздо интереснее и где-то даже отвратительнее...

Более всего походило на то, как если бы все поголовно прохожие заключены в некое силовое поле, вторую кожу, и это поле жестко, по заранее заданной программе изрядно ограничивает свободу движений, даже больше ведет человека, управляет им, словно марионеткой на ниточках — движениями, мимикой, выражением лица. К такому заключению Сварог пришел после первых наблюдений и анализа таковых. Удачнее сравнения и не подберешь — и пока что не произошло ничего, нарушавшего бы картину. Живые куклы идут, едут верхом, разыгрывают всевозможные бытовые сценки — мастерски, надо сказать. Режиссер безусловно чертовски талантлив, продумал все до мельчайших деталей, он ничуть не безумен, он просто-напросто точно знает, чего хочет, и без малейших сбоев претворяет это в жизнь...

*И пускай волной промчатся
эти дни.*

*Были поводом для счастья
были поводом для счастья
и они...*

Листья желтые над городом кружатся...

С кем он тогда танцевал под эту песню, классический медляк времен курсантской юности? Стерлось в памяти, помнится только одно: она была красивая. Как-то так сложилась жизнь, что ему всегда — чему порой завидовали — везло на красивых, вот и с женой, казалось, в первые годы, повезло... Ладно, эти воспоминания держатся в памяти по чисто техническим причинам и душу не трогают нисколечко, так что...

Брат Ролан коснулся его локтя, сказал тихо:

— Они по-прежнему за нами топают, те двое. Хорошо топают, грамотно...

Ну да, эта парочка села им на хвост, едва они вошли в город и миновали заставу — что брат Ролан, опытный в таких делах, засек моментально, на нем как раз лежала еще и обязанность выявлять возможную слежку, у него это, по рекомендациям боевого аббата, получалось лучше, чем у Гаржака, и, уж безусловно лучше, чем у Сварога.

Вот так. Пока неизвестно, какое место отвести сему факту в общей картине и как его объяснить — именно что примитивную по сравнению с техническими достижениями Радианта слежку, освоенную с тех стародавних времен, когда появились первые государства — а с ними, конечно, и первые секретные службы. Хотя... Другим агентурное наблюдение и быть не может, учитывая тот самый уровень развития здешних королевств, прямо-таки первобытный по сравнению с Радиантом...

Вспомнив все уроки, старательно преподанные сыщиками из тайной полиции, Сварог, пожалуй, мог бы оценить происходящее безошибочно. Если двое ведут

одного — значит ему уделяется повышенное внимание. Если двое или больше ведут нескольких — учитывают, что наблюдаемые могут разделиться. Двое за тремя... Тоже не ребус: один из трех считается самым важным объектом, а остальные — второстепенными. Есть серьезные подозрения касаемо кандидата в самые важные объекты — но стопроцентной уверенности пока нет, так что воздержимся от скоропалительных выводов, мало ли что...

Вот теперь — самая пора отбросить все посторонние мысли — впереди совсем недалеко, широкую улицу косо пересекает другая, гораздо уже, как раз и ведущая к «Синей кошке», удобное место для некоторых фокусов...

— Ускоряем шаг, — тихонько распорядился Сварог. — Отрываемся, насколько удастся, сворачиваем направо. Вы, как ни в чем не бывало, шагаете в «Синюю кошку», а я догоню чуть попозже...

Они ускорили шаг.

— Ну что? — спросил Сварог.

— Тоже чуть наддали, — сказал брат Ролан. — Странятся держаться на том же расстоянии. Уардов пятнадцать...

— Ну, это ничего, — процедил Сварог.

Едва они свернули за угол, он, убедившись, что улочка совершенно пуста, через пару шагов прижался к глухой кирпичной стене, ограждавшей чей-то небесный домик, привычно в который раз стал невидимым.

Гаржак с братом Роланом быстро удалялись. Очень скоро объявились оба шпика, одетые как горожане средней руки, разумеется, чертовски неприметные, ничем не примечательные...

А впрочем, с какой стороны посмотреть... Они прошли мимо скорым шагом, Сварог видел их лица какие-то секунды, а дальше лишь смотрел в спину. Но этого хватило, чтобы сделать вывод: эти двое ничуть не походят на превеликие множество кукол, полное впечат-

ление, что этих никакое помянутое силовое поле не сковывает, они держатся совершенно иначе, как люди, располагающие полной свободой действий... как красавица Иляна. Ничего удивительного, скорее уж, именно этого следовало ожидать: вряд ли Радиант располагает одним-единственным агентом здесь, логичнее предположить, что таких немало. И снова возникает вопрос, на который пока что не доискаться ответа: Иляна и эти двое — представители противника или каким-то образом освобожденные от кукольности местные уроженцы? Есть кое-какие аргументы в пользу второй версии, но они пока что не дают оснований ее безоговорочно принять...

Он оставался невидимым, прижимаясь спиной к прохладной стене, холодок от которой проникал и через беличий мех. Вскоре по следам шпиков быстро прошагали еще двое, столь же неприметно одетые, со столь же незапоминающимися лицами, точно так же и избавленные от «второй кожи». Ну, тут уж совершенно нечему изумляться, поскольку эти двое — оперативники восьмого департамента, для того и пущенные следом на значительном отдалении, чтобы засекать возможную слежку, подстраховывая брата Ролана...

С превеликим удовольствием отойдя от холодной стены, Сварог мигом стал видимым и направился в том же направлении. На перекрестке свернул налево, благополучно добрался до корчмы «Синяя кошка» — как водится на двух других обитаемых планетах, и здесь название проиллюстрировано изображением означенной кошки (как и на помянутых планетах частенько бывает, потрудился, мягко скажем, не самый искусный художник).

Когда он вошел, спутники уже сидели за столом. Обычная картина: столы и стулья пусть и из струганого крашеного дерева, но неказистые, и, в отличие от тех, что можно порой видеть в иных трактирах Талара и Сильваны, выглядят здесь, на Нериаде, довольно лег-

кими — мечта каждого драчuna, привыкшего использовать любые подручные средства. Ну да, судя по выводам, сделанным в результате «Невода», кабацкие драки здесь случаются редко, словно бы по некоему расписанию, где несколько процентов в графе «Трактирный быт» под них скрупулезно отведены...

Присев за стол к спутникам, он, стараясь делать это незаметно, разглядывал корчму. Прямо-таки классическая картина: за стойкой помещается хозяин, без камзола, в распахнутой рубашке, основательный, кряжистый, за его спиной — ряды бутылок и парочка бочек. У стойки неторопливо выпиваю несколько человек, судя по манерам, завсегдатаи, перебрасывающиеся шутками с хозяином. В углу сдвинуты два стола, весело гуляванит компания небогатых дворян. Чинно беседуют купцы, едят и пьют представители других сословий. В другом углу воробышными глотками прихлебывая пиво из глиняных кружек, в ожидании клиентов терпеливо проводят время три особы женского пола, чей род занятий угадывается за лигу — и парочка таких же лахудр ужеочно бросила якорь за столами развеселой компании.

Действительно, картина классическая. Даже слишком — потому что все до единого напоминают не живых людей, а кукол из музея восковых фигур, в сотый раз теми же движениями разыгрывающих сценку «В корчме».

Ага! Объявился один из шпиков, присел за стол поодаль, к нему, покачивая бедрами, тут же направилась одна из служанок, судя по ухваткам, не гнушавшаяся побочным заработком — ну, таких хватает и в заведениях классом повыше, разве что там они и одеты получше, и манеры изящнее...

Шпик, со скучающим видом ожидавший заказанного, выглядел единственным живым человеком среди марионеток, ну да, как ни старайся, а полностью имитировать поведение кукол живому человеку, пожалуй,

и не удастся... Второй на случай каких-то неожиданностей остался снаружи — у крыльца таверны. Как обычно собралась кучка уличных игроков в кости, вокруг торчат зеваки, и среди них нетрудно замешаться топтуну...

Объявились вторая служанка с громадным подносом, сноровисто расставила тарелки и кувшинчики, положила ножи и вилки, тяжелые, железные, в том числе, не обойдя вниманием и пустовавший пока стол, водрузила посередине темную бутылку вина приличных размеров, глиняные стаканы. Оставшись с пустым подносом, чуть задержалась, явно ожидая, не последуют ли интересные предложения. Не дождавшись таковых, состроила едва заметную недовольную гримаску (режиссер точен в мелких деталях!) и отошла в комнатку за стойкой, где с товарками дожидалась очередного гостя или распоряжений от уже сидящих.

— Рискнем, господа мои? — негромко спросил Сварог, показав глазами на бутылку. — Благо я что-то не чувствую ни яда, ни «безвредного вреда»...

Гаржак привычно наполнил стаканы, отпил первым, прокомментировал:

— Не высший сорт, конечно, но могло быть хуже...

Удивительно точное определение, подумал Сварог, тоже отпив солидный глоток. То же самое касается и закусок и прочей принесенной снеди. Ну, наконец... Не было поводов тревожиться, но ожидание — всегда штука неприятная, а уж в таких обстоятельствах, когда можно ожидать всего...

Судя по тому, что появился именно старший группы, обошлось, однако, без неприятных сюрпризов. Сварог заранее поставил задачу перед тремя десятками агентов — и они до того, как рассвело, ушли в столицу пешком, через ту же заставу, группами по два-три человека. С задачей как следует прочесать город в поисках чего-то интересного, примерно описать его. Мегаполисов здесь не водилось. Столица, один из са-

мых больших городов Нериады, по прикидкам, насчитывала тысяч тридцать жителей — примерно как райцентр, в котором Сварог родился и провел детство. И размерами не так уж и отличалась. Нескольких часов достаточно, чтобы неплохо ее изучить, разбитую на тридцать участков. Довольно легко работать в таких условиях — это вам не Сноль или Равена, не Фиарнолл и даже не провинциарий в многолюдных губерниях...

(Коли уж отвлекаться на посторонние мысли — в свое время Сварог, прочитав «Трех мушкетеров», был не на шутку удивлен: почему мушкетеры при срочной необходимости то и дело бегают друг к другу, когда у каждого есть конь? Лишь гораздо позже понял, что к чему, когда ему попался план Парижа времен кардинала Ришелье — в длину город тогда был километра три с половиной, и в ширину не более трех — они все жили совсем неподалеку друг от друга, проще добежать, чем ждать примерно столько же времени, пока слуга заседает тебе коня...)

Как и полагалось по роли, они встретили пришедшего, как старого знакомого, но без бурных восторгов — господа дворяне еще не успели как следует принять на грудь, это в пьяных компаниях опоздавшего встречают бурным гомоном...

Как и полагалось по роли, пришедший сел, не торопясь, выпил стаканчик, закусил колбасой, вынул трубочку и кисет — куклы дымили примерно так, как и обитатели двух других планет, это входило в образ. Согласно неумолимой статистике, какой-то процент должен умирать от рака легких и прочих недугов, угрожающих курильщикам, — но курильщики не сами выбрали такую привычку, им режиссер определил, тварь такая...

Пришедший был в дворянском платье — как и остальные из отправившихся осмотреться. Самая убедительная мотивировка: большинство горожан других сословий бесцельно по улицам не бродят, разве

что набравшиеся в кабаке, а вот дворянам, особенно приезжим, как раз и свойственно от скуки болтаться, где попало, забредать в самые неожиданные места. Это стало привычным на Таларе и Сильване, будем надеяться, что и здесь режиссер то же самое ввел в обиход...

Выглядел пришедший совершенно спокойным, не походило, чтобы он из-за чего-то волновался. Можно подумать, все прошло без сучка, без задоринки...

— Итак? — спросил Сварог.

— Все прошло гладко, без единого инцидента, — доложил пришедший. — Слежку зафиксировали только три группы — видимо, они не ожидали столь массированного вторжения агентуры и не держали у заставы много топтунов. Во всех трех случаях топтуны явно были не ориентированы на кого-то конкретного — когда группы разделялись, шпик без колебаний устремлялся за кем-то одним, никаких колебаний не выказывая.

А вот те, что за нами топают, явно ориентированы на некую конкретную персону, мысленно отметил Сварог. Агент продолжал:

— Я бы рискнул сделать вывод, что топтуны не располагают какими бы то ни было средствами связи ни друг с другом, ни с центром, который просто обязан быть. Те, кто к нашим приkleился, так за ними и топали до самого их возвращения. Но вых так и не появилось. В резиденции аппаратура не зафиксировала никаких переговоров... что ни о чем еще не говорит, разговоры с помощью нашей тоже невозможно засечь и подслушать никакой аппаратурой... Согласно инструкциям, люди искали что-то такое, что выламывается из обычной картины. Причем появившихся после первого «Невода» «неправильных» объектов обнаружено два. Первый — это Канцелярия недр. Канцеляриями здесь именуются министерства...

— Я помню.

— Канцелярия недр, во времена «Невода-1» ничем не отличавшаяся от прочих, на сей раз ненормально велика, превосходит размерами даже соответствующие министерства в самых развитых державах двух планет. Создается впечатление, что она — главнейшее здесь государственное учреждение, которому придается первостепенное значение. Громадина в четыре этажа и длиной на целый немаленький квартал. Второй «неправильный» объект — столь же огромное здание на полуночной окраине города. Окружено высоким забором из тщательно пригнанных досок, так что, сколько там в точности этажей, установить наблюдением было невозможно — вы приказали соблюдать максимальную осторожность, и наш человек болтался на окраине, смотрел уардов с двухсот. К зданию ведет широкая дорога, отходящая от большого тракта, ведущего на полночь. По нему то и дело въезжают повозки, тяжело груженные, идущие с полуночи, обратно выезжает поток пустых — уходит на полночь. Было уже светло, наш человек, по-прежнему разыгрывая скучающего приезжего дворянина, остановил парочку прохожих и поинтересовался, что это там за домина. Оба отвечали одинаково: королевская камнерезная фабрика, туда привозят камень с полуночных рудников и делают всякие штуки. И оба советовали благородному господину возле фабрики не отираться — она королевская, и потому ее хорошо охраняют, не любят, когда кто-то шатается поблизости, так что никто туда не ходит... Знаете, что самое интересное? Судя по всему, фабрика вовсю заработала с утра — день не выходной и не праздничный, мы точно разузнали. Но наш человек не видел ни единой дымовой трубы, а возле фабрики не протекает не то что речки, даже ручейка...

Это действительно было интересно. Очень интересно. Не фабрика как таковая — она всего-навсего позволяет выдвигнуть довольно убедительную версию о том, что «тарелочки» и прочие поделки изготавливают

не в загадочном Зазеркалье, а прямо здесь — не зря говорят о повозках именно с камнем... А вот другое обстоятельство как раз и делает ситуацию крайне интересной. Станки на большой фабрике должны чем-то приводиться в движение, и уж безусловно не магией, присутствия коей на Нериаде попросту не отмечено. На Таларе и в паре самых развитых держав Сильваны используют паровые машины — ну, учитывая уровень развития Нериады, следует ждать водяных колес, появившихся уже во времена, которые можно сравнить со Средневековьем Земли. Но нет ни дымовых труб, ни реки. Действительно, крайне интересно...

— Если не считать этих двух объектов, все остальное ничем не отличается от того, что заснято во время первого «Невода». Чуть ли не во всем практически повторяет прежние наблюдения. Разве что за шестьсот лет добавились новые улицы и дома, а некоторые старые перестроены — но всевозможные стройки и ремонт или снос старых зданий были много раз замечены и в прошлый раз. Вот и все результаты. Тщательно прочесав свои участки, агенты вернусь в резиденцию, состоялось совещание, я изучил все доклады и отправился к вам. По дороге в «Синюю кошку» меня столь же старательно пасли — сначала пешком, потом, когда я неподалеку от заставы взял извозчика, двинулись следом на своем. По-моему, один вошел за мной следом.

Ну да, подумал Сварог, сидевший лицом к двери. Вон тот, неприметный-незаметный. Привлекший внимание в первую очередь тем, что тоже выглядит живым.

— Что же... — сказал он спокойно. — Чтобы не привлекать лишнего внимания, старательно и не спеша все допиваем и доедаем. Что это за дворяне, которые бросят вино недопитым? Жратву еще можно оставить на тарелках, но вот вино... Оно, кстати, не такое уж скверное, потом закажите еще бутылку, граф. Нам совершенно некуда спешить, у нас масса времени...

Действительно, до темноты еще долго — не выпускать же Шмелей в белый день? Слишком высоко их не поднимаешь, к тому же при удаче они пойдут большими стаями, днем их можно разглядеть невооруженным глазом, так что не будем рисковать. А большие делать нечего, разве что готовиться к королевскому балу, на котором волей-неволей придется присутствовать, но это много времени не отнимет. А на бал нужно ехать — есть шанс и там увидеть кого-то интересного. Хорошо бы...

Он ощущал присутствие Иляны каким-то звериным чутьем, не имевшим ничего общего с магией, — и был уверен, что не ошибается, что ему это не кажется. Чуял — и все тут. К тому же, при подробном разборе предстоящей операции были выдвинуты кое-какие предположения...

Украдкой глянул на шпиков. Те держались совершенно непринужденно, умело притворяясь, что ни за кем не следят, так, покушать зашли. Один наворачивал сосиски и запивал их пивом, второй, натура очевидно более утонченная или просто больший гурман, коротал время в компании бутылки вина и тарелок с закусками. Как это принято у шпиков всех времен и народов, оба наверняка расплатились заранее под каким-нибудь безобидным предлогом, чтобы при необходимости моментально подорваться следом, и не погнался вышибала — вот он, прохаживается, голубь, очень убедительный, как все здешние марионетки, одет подходяще, рожа соответствующая. Ну что же, милые, топайте следом, мы люди открытые, за пазухой ничего не держим, от слежки уходить не намерены — поскольку нет поводов...

Они посидели еще с часок, прикончили вторую бутылку, потом расплатились с приличными чаевыми, поручили служанке поймать извозчика и отправились в резиденцию. Экипажи здесь, как и на Таларе, были поместительные, так что в тесноте, но не в обиде усе-

лись все четверо. Шпики, как и следовало ожидать, потащились следом, тоже на извозчике, судя по быстроте, с какой он объявился, на свое м. Ну и черт с ними. Не стоит рубить хвосты, это-то как раз и вызовет подозрения у тех, кто за всем этим стоит. Коли уж они, надо полагать, неплохо изучили жизнь Талара (их присутствия на Сильване пока не зафиксировано), должны знать: не так уж и редко люди из канцелярии наместника (а то и он сам), переодевшись в туземноe, отправляются в город в поисках развлечений по своему вкусу и разумению. Конечно, тридцать четыре человека — может, и многовато, но для этого есть мотивировка: резиденция появилась на Нериаде после шестисотлетнего перерыва, многим интересно взглянуть на столь экзотические для них места в первый же день.

Конечно, если у шпиков при себе качественные направленные микрофоны, они записали разговор, ничего общего не имеющий с обычным любопытством, от первого слова до последнего. Или в распоряжении хозяев имеются какие-то средства наблюдения, которых наша аппаратура не в состоянии засечь. При том, что вся она — стационарная, установлена в резиденции, а у нас ради пущей конспирации нет при себе никаких детекторов, ничего такого...

И в первом, и во втором случае (гораздо больше верится во вторую версию) они нас быстренько расколют, если уже не раскололи. Но это, в принципе, неважно. Даже если раскололи, не кинутся моментально в атаку не настолько они глупы. Будут какое-то время наблюдать самым пристальным образом — это закон любой спецслужбы, вдобавок можно уже сказать с уверенностью, что логика и способ мышления этих, из Радианта, во многом похожи на наши.

А вот времени мы им как раз не дадим. Все в точности так, как он говорил Яне, нисколечко не совравши: при удаче блицкриг во всей своей красе развернется завтра, спозаранку, при неудаче — все незамедлитель-

но отсюда уберутся, и едва они окажутся в безопасности на орбите, флотилия примется за работу. Не дадим мы им времени. Подумаешь, одна бессонная ночь — для таких случаев и существует синенький «эликсир бодрости», каковой уже не раз приходилось пить, так что все пройдет гладко...

Резиденцию наместника обустроили на пустыре, в полулиге от городской окраины и уардах в трехстах от большого тракта, ведущего из столицы на полдень — кто бы указывал Высоким Господам Небес, где им располагаться? Устроено это было, в общем, из чистой вредности, чтобы затруднить кому бы то ни было наружное наблюдение, вероятность коего учитывали заранее. Чем бы ни располагал для данного случая противник, ему ни за что не устроить поблизости стационарного пункта. Любую аппаратуру придется устанавливать в ближайших домах — а если техника не будет в игре и все ограничится подзорными трубами, опять-таки ближе не устроиться...

Резиденция наместника (они все возводились по единому образцу), конечно же, должна была производить должное впечатление — роскошный дворец странноватой архитектуры, не имеющей аналогов ни в Империи, ни на обеих планетах (как оно и было задумано изначально, чтобы здание отличалось от любых земных построек, а кто-то в свое время решил — зад одно и от имперских тоже). Конюшни, каретные сараи и прочие подсобные помещения в том же стиле. Как водится, окружено все это затейливой решеткой в два человеческих роста — из-за световых лучей густо-алого цвета, временами мерцавших золотыми искрами. Это уже не красоты ради, а пущей безопасности для: дотронешься рукой — останешься без руки, вздумаешь по дурости бодать лбом... Ну, соответственно.

Извозчик, завидев все это издали, поначалу собираясь тормознуть на большом тракте и оставить их там — боязливость вовсе не свидетельствовала о его свободе

воли. Как ни приглядывайся, классическая кукла. Видимо, заложенная ему в голову программа (а такие тут просто обязаны быть) предусматривала типичные для извозчика реакции на разнообразные ситуации. На двух других планетах, кстати, извозчики, в общем, не боятся подъезжать с седоками к резиденциям, но при этом всегда им чуточку не по себе...

Они пустили в ход тоже вполне стандартные ухватки, каких и следовало ожидать от дворян в таких случаях — пригрозили, что, во-первых, уши отрежут, а во-вторых, могут и не отрезать, ладно уж — добавят денежку. Судя по тому, что извозчик согласился на второй вариант и без всякого удивления принял первый, здешним дворянам программа предписывала держаться именно так, как держались бы в схожей ситуации их таларские и сильванские братья по классу...

Должным образом настроенная калитка при их приближении моментально исчезла. Сварог вошел во дворец первым, и, кивнув спутникам, направился на второй этаж, повернув направо, нажал на ручку двери в комнате, куда не мел права входить никто, кроме него и Каниллы.

Помянутая благородная девица (она очаровательный бесенок в юбке, ценный сотрудник и глава Ассамблеи Боярышника) пребывала на рабочем месте, как и два Золотых Обезьяна, которых Сварог вместе с кое-какой аппаратурой из Велордерана привез сюда. Что никаких технических сложностей не составило — Сварог их просто-напросто закутал в плащи до пят и велел надвинуть капюшоны пониже. Так что конспирация соблюдалась в отношении всего персонала резиденции, кроме Каниллы — что персонал принял со спокойствием профессионалов, каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать, если шеф привез с собой двух закутанных с головы до пят незнакомцев, значит, так надо. Никто и не мог предположить, кто они такие, — благо роботы, в отличие от Каниллы, мог-

ли пребывать на своих местах круглосуточно, не нуждаясь в сне, еде и отдыхе.

Вся троица прилежно восседала за пультами, установленными в ряд у левой стены, каждый за своим. Пульты, как обычно, мигали разноцветными огоньками, показывали на экранах загадочные для непосвященных (и для Сварога тоже) разноцветные линии и загадочные символы. Премудрость, в который раз подумал он не безуважения и прикрыл за собой дверь.

Канилла повернулась к нему и встала из-за пульта, пересела в кресло у низенького стола из блестящего металла — тоже своеобразного экрана, которому предстояло заработать при удачном повороте дел. Обезьяны, по своему всегдашнему обыкновению, повернули головы на девяносто градусов, лицами к нему, как это делают совы, тем и ограничились. Ну, глупо было бы вводить субординацию в отношении роботов...

Сварог присел во второе кресло — их тут было только два, для него и Каниллы.

— Результаты? — спросил он.

— Никаких, — прилежно доложила Канилла. — За все время, что вы провели в городе, ни единой попытки к нам проникнуть... с помощью чего бы то ни было, — она подумала и предусмотрительно добавила: — По крайне мере, не наблюдалось ничего, что наша или ваша аппаратура могла бы выявить.

— Вот именно, — проворчал Сварог. В конце концов, аппаратура ларов тоже не способна была засечь работу наблюдательных устройств Велордерана...

— Отрицательный результат — тоже иногда результат, — сказал он старую банальность. — Если у них нет ничего, что мы не способны засечь нашими устройствами, задача облегчается. Если есть... если есть, пожалуй что, усложняется, так бы я сказал. А Радиант?

— Ну, этот постоянно бьет по Талару, Талар сейчас в периоде «встречи»... Сейчас это даже неинтересно,

верно? Все параметры прежние, ничего нового, изменений никаких.

Сварог кивнул. Появился прекрасный способ узнать, когда именно Радиант начнет боевые действия — как только сигнал вместо обычного потока будет содержать какую-то из комбинаций для сработки «тарелочек», считай началось...

— Верно, — сказал он не без угрюмости.

Перевел взгляд на того Обезьяна, что сидел справа, красовавшегося под номером шесть. Их тут было, как легко увидеть, двое, Шестой и Четырнадцатый — и Сварог именно Шестого назначил старшим. Согласно старому армейскому принципу: если группа и состоит всего из двух человек, все равно одного следует назначить старшим. Вот Сварог и назначил старшим Шестого — исключительно оттого, что так быстрее было произносить.

— Докладывайте! Шестой, — сказал он.

Рапорт Шестого оказался еще короче, чем у Каниллы — по излучению Радианта Обезьяны не работали, а насчет остального могли повторить то же, что и Канилла: никаких попыток постороннего вторжения... по крайне мере, с помощью аппаратуры, которую они могли бы засечь.

У него чесались руки испробовать хельстадские системы наблюдения, один из пультов для управления ими и предназначался — но не стоило раньше времени тыкать в берлогу рогатиной, совать палку в осиное гнездо. Только после того, как пойдут в разведку Шмели — и неважно, будет разведка, удачной или неудачной...

— А у вас как дела? — спросила Канилла (от которой в этой операции секретов не было).

— Ничего особенного, — сказал Сварог. — За нами все это время таскались шпики, ничуть не похожие на марионеток. Подобные скорее Иляне.

Потом рассказал о Канцелярии недр, о чуточку странной фабрике (гораздо подробнее в том числе и о

тянувшихся туда обозах с полуночи). Канилла о чем-то ненадолго задумалась, догадавшись, что больше рассказать нечего, отошла к Шестому и негромко с ним заговорила. Насколько рассыпал Сварог, касалось это компьютеров — и потому он понимал не все слова. Усмехнулся, когда она вернулась к столу:

— Нашли общий язык?

— Ну да, — серьезно сказала Канилла. — Сначала я чуточку дичилась, о роботах только читала и видела по телевизору — а в фильмах они иногда очень злобные, замышляют всякие коварства. Потом как-то незаметно разговор пошел о технике, и я с ними освоилась. — Она округлила глаза в неприворном изумлении. — Та-акие компьютерщики, командир! Теперь понятно, почему Элкон у вас регулярно пропадает. Можно будет какнибудь и мне?

— Ну разумеется, — сказал Сварог. — Только сначала нужно здесь разобраться, да так, чтобы у нас не было с ними потом никаких забот и хлопот...

— Командир...

— Да?

— Возьмите меня с собой на королевский бал.

Сварог усмехнулся:

— Хочешь посмотреть платья? Достаточно будет потом изучить старые записи — фасоны с тех времен практически не изменились. Или тебе непременно нужно их увидеть самой?

— Ну, и это тоже, — сказала Канилла, не ответив на его улыбку. — Вот только платья меня сейчас меньше всего интересуют... За вами пустили шпиков... Если они все же нас не подслушивают и не подглядывают, у них есть все основания считать, что мы прилетели сюда на долг. Самый логичный следующий ход в такой ситуации — начать нас разрабатывать, вы сами учили...

— Логично, — вынужден был согласиться Сварог. — Только для этого нужно до нас добраться вживую, а это

нелегко... разве что из зеркала у меня полезет загадочная красотка Иляна... а то и кто-то еще...

— Вот на этом я расчеты и строю, — сказала Канилла. — Вы несколько часов провели в городе, делать было нечего, и я все обдумала. Следите за моей мыслью, командир. Проще и легче всего к нам подкатиться как раз на королевском балу, где мы на их территории, они же люди, у них человеческая логика... Ко мне, можно решить, гораздо легче подкатиться, чем к вам. Вполне может обернуться так, что возле меня объявиться роковой красавчик. Я молодая, очаровательная, а уж прикинуться дурочкой всякая женщина умеет мастерски. Грех не попытать счастья — я имею в виду дела разведывательные — со столь подходящей особой. Предположим, так и произойдет, тем более что я буду играть откровенную блудливость. Если что, к нему я не поеду, скажу, что нам настрого запрещено проводить ночи вне резиденции. Думаю, поверит: вряд ли они интересовались регламентами канцелярий наместников, им это попросту не нужно. Приведу его сюда, попробую разговорить. А если он окажется из тех, кто разговоры откладывает на потом, если попытается очень уж бурно покушаться на мою добродетель, я его без затей срублю парализатором. У нас целый ящик парализаторов. Должно подействовать. Я два раза прочитала отчеты техников, наблюдавших визит Иляны к Орку. Они пустили в ход все датчики и детекторы, какие только имелись. Вывод категорический: это самый натуральный человек, и никто другой...

— Может оказаться так, что она — человек, — сказал Сварог. — Но есть другие, устроенные совершенно иначе.

— Если что, попробую еще убойные приемчики, — безмятежно ответила Канилла, словно отмахнулась. — Вы же знаете, у меня по боевой рукопашке результаты неплохие. Ну, а если и это не поможет, наши люди будут рядом. Это не дворец, а большущий капкан. Скру-

тят, отнесут в виману, и она тут же стартует. А уж на Таларе его быстренько разговорят. Вы же сами говорили, что нам нужен пленный. Что скажете?

— План заманчивый... и довольно толковый, — сказал Сварог задумчиво. — Может закончиться успехом... при условии, что они нас не подслушивают.

— Даже если подслушивают, подглядывают и будут знать заранее, что мы задумали, — какие тут неприятности? Не будут же они на нас набрасываться прямо на балу, вообще в городе. Просто будут знать, что мы знаем, и в соответствии с этим вести игру дальше. Мы же еще здесь не обосновались толком, вы не вручали королю верительных грамот, он только готовит пышную церемонию. А приказ я соблюдаю старательно...

Сварог знал, о чем она — на последнем инструктаже перед отлетом он отдал строжайший приказ всем без исключения: на Нериаде всем до единого ни словечком не упоминать о задуманной операции, о пребывавшей не так уж далеко от Нериады боевой флотилии — именно допуская, что их могут подслушать...

— А если они не смотрят и не слушают — шансы на успех огромные, — сказала Канилла. — Я бы на их месте на такую безобидную приманку клюнула: молодая, красивая, глупенькая, блудливая... И одета соответственно. У них женщины одеваются, как тысячи лет назад — платья до пола, вырезов практически нет. А я поеду в нашем платьице. Кто запретит высокой Госпоже Небес? Я ж на них буду действовать убойно, не хуже «Белого шквала»...

Она крутнулась волчком — медленно, так что короткое платьице и не взметнулось. Сварог вздохнул, ничуть не скрываясь. С Каниллой ему порой бывало трудновато, чисто психологически. Сотрудник отличный, ценный, к дисциплине относится со всем уважением, но частенько при обсуждении самых сложных вопросов и дел держится так, что посторонний, впервые с ней столкнувшийся, сочтет взбалмошной, легкомыс-

ленной, безалаберной. Тут уж действовали въевшиеся в подсознание армейские рефлексы: в армии всегда недолюбливали редкое несоответствие формы и содержания. Люди в погонах обычно, в отличие от штатских, не видят ничего смешного в одной из статей «Воинского артикула» Петра Первого: дабы не смущать начальство, подчиненный должен иметь вид лихой и придурковатый...

— Дело опасное... — сказал он скорее машинально, чем возражая.

— На Той Стороне, по-моему, было опаснее, — сказала Канилла. — Но вы разрешали туда идти не только мне, но и Янке... А уж там гораздо легче было заработать нож под ребро... Вы мне что, запрещаете?

— Да нет, — сказал Сварог, сдавшись окончательно перед ее несокрушимой, в общем, логикой. — Разрешаю. Вообще-то могут и на меня клюнуть...

Он подошел к овальному зеркалу и еще раз с удовольствием обозрел свою физиономию, точнее, чужую. По-человечески она Сварогу не нравилась, от нее тошилило, но вот с точки зрения дела — лучшего и не придумаешь...

Уж его-то эти, из Радианта, прекрасно знали в лицо, так что соваться на Нериаду в своем подлинном облике было бы не самоубийством, конечно, но моментальным провалом. А потому специалисты своего дела изготовили ему «маску» — постоянную, снимавшуюся заклинанием. Великолепная рожа: за лигу видно, что ее обладатель глуп, как пробка, но преисполнен самомнения, чванства, тупой гордыни — то есть великолепный экземпляр для вербовки. Занятно: при изготовлении «маски» в качестве прототипов использовались сразу три реальных фигуры, благородные лары, обладавшие вышеперечисленными качествами в полной мере. Один из них — небезызвестный барон Копер, которого, по уму, давно пора бы загнать в замок Клай, тюрьму Лорс или, по крайней мере, выслать на Сильвану за

все его художества на земле, но, увы, нет юридических зацепок. От него Сварогу достались еще и дурацкие усики — коротенькие, не достигавшие углов рта, закрученные в виде запятой. Хоть какую-то пользу принес, скотина...

Он отвернулся от зеркала, шагнул к креслу. Тут его и накрыло...

Словно могучий порыв ветра пронизал насеквоздь ставшее бесплотным, как туман, тело, ворвался в мозг, промчался меж ребрами и вырвался со спины — но этот шквальный порыв был не холодным, а приятно теплым, всепроникающим, растворившим на миг в чем-то, чему названия не было изначально...

Погруженный в некий мерцающий туман, не дававший шевельнуться, он испугался бы — но страха отчего-то не было, как и любых других чувств. Туман стал светлее, в нем четко проступило изображение здешнего королевского дворца, пышно-старомодного, возведенного в стиле былых тысячелетий — как все прочее, и архитектура здешняя застыла, словно доисторическая муха в янтаре. Эта картина из-под обуви с прорезями, каменная стена вокруг, крыши унылого, болотного темно-зеленого цвета, несоразмерные угловые башенки, слишком тонкие по сравнению со зданием, опять-таки несоразмерные огромные крыши, похожие на китайскую соломенную шляпу низким конусом...

Потом на фоне дворца появилось лицо Иляны, спокойное, надменное, волосы на сей раз не распущены по плечам, а уложены в затейливую прическу, смотрит словно бы свысока. Исчезло, и на смену ему явились другие, проплывая неторопливой чередой, так что их удавалось хорошо рассмотреть — главным образом мужские, хотя появляются и женские, довольно симпатичные, но безусловно уступающие красотой Иляне, лица молодые, пожилые, а то и старые, как из тех, что легко всплывают в памяти, так и совершенно неприметные, словно принадлежащие хорошим шпикам...

Их было много, и на всех, даже неприметных, застыло то же, что у Иляны, выражение холодного презрения ко всему окружающему и всем окружающим. Неприятные были лица, все до одного...

В конце концов они исчезли, туман понемногу стал таять — он почувствовал затылком, всем телом твердый пол, пусть и застланный ковром, услышал звонкий, тревожный голос Каниллы:

— Командир! Командир! Да что с вами?

Окончательно вернувшись в реальность, он обнаружил, что лежит навзничь посередине комнаты, а над ним склонилась стоящая на коленях Канилла, невероятно испуганная, какой он никогда прежде не видел. Нигде ничего не болело, сознание стало ясным — он вернулся...

Сел без малейших усилий, тут же поднялся на ноги. Канилла встала с колен гораздо медленнее, уставилась на него шалыми покруглевшими глазами:

— Что случилось, командир? Это они?

Шагнув к ней, Сварог взял ее за плечи и крепко встряхнул, прикрикнул жестко:

— Кани, успокойся!

Подействовало, она быстро опомнилась — ну, не тот был характер, чтобы сорваться в истерику... Тяжко, облегченно вздохнула, повторила:

— Это они?

— Ничего подобного, — сказал Сварог. — Тут совсем другое. Бывало уже, но редко... Это не они, уверяю тебя...

— Вы никогда о таком не говорили...

— Когда-нибудь обязательно расскажу, — сказал Сварог. — Сейчас не стоит тратить времени, потому что это не имеет никакого отношения к делу.

Уже совершенно точно вспомнил, где с ним случалось подобное прежде — один-единственный раз, слишком необычным было пережитое, чтобы о нем забыть. Интересно... Не то слово...

— Как это выглядело со стороны? — спросил он деловито.

— Вы вдруг замерли, изменились в лице, — прилежно доложила Канилла, похоже, окончательно приведенная в чувство его насквозь командным голосом. — Лицо стало каким-то другим, у меня даже слов нет, чтобы описать... Потом стали... нет, не падать, медленно так опускаться на пол, глаза остекленели, смотрели сквозь меня... сквозь весь мир... Я не знала, что делать...

— Будет время, непременно расскажу, — сказал Сварог. — Главное, это не они. И ничего тут нет страшного... Всего-то...

Он замолчал, повернул голову — пульт Каниллы испускал громкое свиристенье, вспыхнула пара лампочек, на одном из экранов зажегся загадочный синий знак, да так и остался. Обезьяны оставались неподвижными, даже головы не повернули, а их пульты были молчаливыми без всяких звуковых или световых эффектов.

— Кани... — кивнул Сварог в ту сторону.

Но она уже без понуканий бросилась к пульту, упала в кресло, что-то нажала, что-то повернула. Лампочки погасли, синий иерогlyph пропал. Канилла машинально выругалась — не драгунскими словечками, но все же не сочетавшимися с обликом молодой благонравной девицы из знатной семьи, с титулом и положением в светском обществе. Обернулась к Сварогу, разочарованно протянула:

— Рутина... Радиант перестал излучать, значит, либо он обратился к Талару другим полушарием, либо Талар к нему, точно выяснить не стоит — будни... Жаль, я-то думала, что-то полезное... Командир, с вами и в самом деле все в порядке?

— В совершеннейшем, — сказал Сварог чистую правду. — Клясться не буду, поверь уж на слово, ладно? — Он посмотрел на часы. — Ну, пора собираться на бал. Я-то соберусь быстро, но прекрасно знаю, сколь-

ко женщинам нужно времени, чтобы приготовиться к балу во всеоружии...

Канилла живо вскочила:

- Я постараюсь быстро.
- Только ты там не перегибай палку...
- Ну что вы, командир, — улыбнулась она лукаво и загадочно. — Неужели вы еще не открыли, что каждая женщина — актриса в душе? С младых ногтей?
- Давно открыл... — проворчал Сварог.

...Как и следовало ожидать, большой зал с высоким потолком, под которым перекрещивались темные балки из мореного дуба, освещали факелы — как тысячелетия назад. Вот, именно, мухи в янтаре. Даже на Сильване, отстававшей от Талара в развитии техники, давным-давно научились изготавливать керосин и использовать его в светильниках наряду с минеральным маслом. Что же, там не было янтаря...

Впрочем, необходимо уточнить, что света факелы давали достаточно — вставлены в кованые железные держатели на высоте в два человеческих роста очень густо, промежутками не более чем в ладонь, горят ровным жарким пламенем, практически без копоти — это, безусловно, не смола, что-то посложнее. Значит, именно такие факелы, чуть совершеннее вовсе уж первобытных или тех, что горели в Середине Времен (так на Таларе называли те времена, что на Земле назывались Средневековьем), и были уже в обиходе, когда Нериада н а к р ы л о.

Касательно этого имелись некоторые логические неувязки. В точности определить, когда все случилось, невозможно: лишь лет через двести, когда орбитальные убежища беглецов превратились в нечто большее, окончательно оформились в Империю, к другим планетам отправили космические корабли и обнаружили, что на Нериаде словно остановилось время. О причинах никто до сих пор ничего не знает, ученые предпо-

лагают, что это какое-то поле, исключительно потому, что д р у г и х факторов попросту не нашли, много раз брали образцы воздуха, воды и почвы в разных уголках планеты, скрупулезнейше исследовали, но ничего подозрительного не обнаружили. «Положительно, это какое-то поле, — говорил как-то профессор Марлок. — Мы просто не можем его обнаружить нашими приборами. Как не смогли бы обнаружить радиацию магнитометром, не имея ничего, кроме него. Я не настолько самонадеян, чтобы полагать, будто все наперечет поля науки известны...»

Предположим, все так. Но, тем не менее, логические неувязки остаются. Загадочное поле и Радиант как-то между собой связаны, или нет? Или о н и просто высадились — или п р и б ы л и — именно здесь, потому что в других местах не могли бы с ходу подмять под себя планету, а вот с куклами это прошло идеально? С одной стороны, раньше они никак себя не проявляли... или мы просто-напросто ничего не знаем о прежних попытках, оставленных без внимания? Предположим, по каким-то веским причинам они были поначалу слишком слабы, чтобы всерьез строить планы завоеваний Империи, переживали, скажем, свое Средневековье, медленно эволюционировали, развили науку и технику — и наконец, войдя в силу, начали действовать? Никаких убедительных доказательств, фактов нет, одни домыслы...

— Неужели вы и сейчас погружены мыслями в государственные дела, герцог? — раздался справа голос короля.

Свартог моментально вернулся к реальности, ответил со всей светской вежливостью:

— Нет, ваше величество, просто засмотрелся на ваших красавиц.

— О да, они достойны внимания... — ответил король, с некоей вороватостью покосился на супругу, сидевшую с отрешенно-властным видом и вроде бы совершенно не интересовавшуюся их разговорами.

Такое вот величество... Если быть точным, его величество Парташ Девяносто Восьмой — не удивительно, что его порядковый номер крайне удивил бы monarchов Талара и Сильваны, здесь не бывает ни дворцовых переворотов с целью смены династии, ни цареубийств, сущее сонное царство, если династия и пресекается, то чисто по естественным причинам, иногда просто не остается наследников. Кукла как кукла — за сорок, лицо обычное, ничем особенным не примечательное, не отмеченное ни силой воли, ни печатью тиранства — откуда здесь взяться и тому, и другому? Богато одет, декорирован несколькими орденами, полными аляповатой вычурности, один на массивной золотой цепи, другие по обе стороны груди — значит, здесь, в отличие от Талара и Сильваны, короли преспокойно носят ордена своего королевства: даже если допустить, что иные из них вручены заграничными братьями по классу, тот, что на цепи, несомненно, местный — цепь украшена медальонами с гербом Даркаша. Королева ему под стать: красива, примерно того же возраста, но, можно так выразиться, лицо не отмечено признаками яркой индивидуальности, столь же непримечательное, как у супруга. Не видно никаких принцев или принцесс — то ли не достигли еще возраста, позволяющего посещать взрослые увеселения, то ли венценосная чета бездетна пока. А впрочем, такие детали не имеют значения...

Он вновь стал разглядывать танцующих — их было человек пятьдесят. На высоте человеческого роста, на противоположной стене — полукруглый балкон с кованой балюстрадой. Там вовсю старается живой оркестр из полудюжины музыкантов, музыка приятная, мелодичная — но, конечно же, возрастом в несколько тысячелетий. Как все здесь, кроме людей и животных. Танец чем-то напоминает старинную каталунскую тантуру. По периметру зала — полдюжины длинных столов с бутылками, бокалами и закусками, возле них

выжидательно застыли лакеи в раззолоченных ливрех. Несколько индивидуумов мужского пола, явно не намереваясь предаваться вульгарным пляскам, прочно бросили якорь возле столов, несколько пар чинно беседуют, не глядя на танцующих, — по виду парочек, они толи уже состоят в определенных отношениях, то ли движутся к ним на всех парусах.

Что ни возьми, полная аналогия с придворными балами на Таларе. Одно существенное различие...

Происходящее крайне напоминает музыкальный ящик с марионетками, о котором писал в отчете шестьсот лет назад кто-то из наблюдателей. И кавалеры, и дамы, как и все виденные горожане (за исключением шпиков), затянуты в невидимую «вторую кожу» — разве что степени свободы у них другие, приспособленные для исполнения очередной программы. Вроде бы танцуют, вроде бы флиртуют, вроде бы улыбаются друг другу, но каждое движение, каждый жест словно направляются невидимой рукой, отточены и предсказуемы. Словно работает ткацкий или другой станок, набор заранее известных манипуляций, полностью исключающих импровизацию и свободу воли — откуда они у нехитрого механизма?

Что характерно, господа мои, так ведут себя не все поголовно... Сварог при беглых наблюдениях обнаружил четырех, самого разного возраста, от молодых людей до пожилых, державшихся совершенно иначе — подобно тем шпикам, обладающим и свободой воли, и свободой движений. Кажутся живыми людьми, каким-то чудом оказавшимися на экране среди актеров, играющих в костюмном историческом фильме. Возможно, есть и другие такие, не только эти четверо придворных кавалеров — но Сварог пока что не разглядывал в с е х присутствующих. Ну, разумеется, почему бы им не оказаться здесь, таким? Управлять марионетками, надо полагать, не так уж сложно — но гораздо рациональнее иметь среди них ж и в ы х —

чтобы, скажем, быстрее и легче проводить в жизнь ценные указания неведомого центра. Коли уж простые шпики обладают свободой... Вряд ли шпиков специально к прилету Сварога сделали именно такими, освободили от некоего наваждения, от я н т а р я... А вот Иляны нигде не видно... или у нее свой, строго определенный круг обязанностей, не включающих в себя посещение королевских балов? Кто ее знает. Как бы там ни было, даже сейчас, когда бал длится уже не менее часа, порой появляются в широкой арке (дверей нет) новые персонажи обоего пола — видимо опоздание на бал здешнему этикету не противоречит, приходи когда хочешь...

Он без труда нашел взглядом Каниллу, благодаря наряду выделявшуюся в толпе, словно изумруд в россыпи фасолин. Она с самого начала танцевала непринужденно и умело — вообще-то она всегда хорошо танцевала, тем не менее, для того, чтобы моментально включиться в общие переплясы, одного чувства ритма мало, она должна была прилежно изучить старые записи, сделанные наблюдателями в рамках первого «Невода». И правильно. Уж не задумала ли она еще на Таларе этот план — надо признаться, весьма толковый? С ее острым умом — вполне возможно...

Канилла, с полу взгляда ясно, имела большой успех, вокруг нее прямо-таки вились кавалеры всех возрастов, наперегонки бросавшихся к ней, едва должен начаться очередной танец, беспрерывно, судя по мимике, отпускавших комплименты, в перерывах между танцами липнувших с разговорами. Ну, ничего удивительно — программа «Королевский бал» предусматривает именно такое поведение, придворные кавалеры просто-таки обязаны так себя вести, ценители прекрасного. Тем более — незнакомая красавица с отличной фигуркой, подол золотистого платья на полторы ладони выше колен, невиданный здесь вырез...

Плохо только, что ее форменным образом осаждают одни куклы. Никто из той четверки, никто другой из свободных ни разу с ней не танцевал, ни разу не заговорил. Канилла держится непринужденно, выглядит веселой, улыбается очаровательно и часто, охотно болтает — но в глубине души, конечно, должна потихоньку злиться — на крючок насажена аппетитнейшая приманка, а рыба, чтоб водяной задарила, никак не клюет...

Внимание! Сварог насторожился. Очередной припоздавший, наскоро осушивший бокал у стола, огляделвшись, уверенно направился к Канилле и успел, опередив прочих соискателей, пригласить ее на очередной танец. Он, безусловно, из жиных, подобно той четверке, по внешности — именно роковой красавец из очередного телесериала. В точности таких и подставляют красивым дурочкам, вообще женщинам, ищащим романтической любви. Кажется, Канилла рассчитала все правильно — желанная рыбка наконец цапнула приманку. Ну да, танец кончился, и он уводит Каниллу к столу с вином, причем из прежних ухажеров никто и не пытается вклиниться: то ли причиной тому небрежная уверенность, с какой он держится, то ли ему определили такую роль, что куклы держатся в сторонке — скажем, всемогущий фаворит короля или королевы — как нельзя более подходящая должность для введения каких-то новшеств, необходимых именно этим, из Радианта, взять хотя бы королевскую камнерезную фабрику, канцелярию недр — два объекта, своими размерами явно превышающих те, какие потребовались бы для кукол. Сварогу было достаточно времени, чтобы послать запрос и получить ответ, так что можно говорить со всей уверенностью: раньше не было ни фабрики такого размера, ни какой бы то ни было канцелярии, старые записи ничего такого не показывают, так что это явно нововведение... а здесь имеется лишь одна разумная и организованная сила, которой новшества необходимы, — Радиант. Просто некому больше...

Ага, на новый танец он ее не пригласил, так и стоят у стола, оживленно беседуют, Канилла играет глазами со всем прилежанием глупенькой красотки, не отягощенной особой моралью, одаривает его широкими, ослепительными (и блудливыми чуточку, да) улыбками. Роковой красавец, в рамках этикета проявляющий нешуточный интерес к стройным ножкам и вырезу, судя по его поведению и легким, дозволенным правилами приличия прикосновениям к обнаженным локтям, поставил себе простую и конкретную задачу и движется к ней на всех парусах. Так-так-так... Канилла, улыбаясь, отрицательно качает головой, что-то с улыбкой объясняет, красавчик не выглядит огорченным. Кажется, довольно быстро красотка получила предложение поехать к нему домой — музычку послушать, рыбок в аквариуме покормить, посмотреть коллекцию марок. Такие темпы удивлять не должны — и на земных, и на имперских балах подобные парочки, точно знающие, чего хотят, столь же быстро находят общий язык. Поедете в резиденцию? А почему бы ему не поехать? Если они не подслушивали? Ну что же, мы люди гостепримные, хотя сплошь и рядом наше гостеприимство принимает преувеличенные формы, вплоть до немедленного приглашения в гости на Талар, чего сей персонаж вряд ли жаждет...

Краем глаза он видел арку — и напрягся, на мгновение посмотрел прищуром охотника, каким поверх мушкетного ствола радостно выщеливают наконец-то объявившуюся дичь.

В зале появилась Иляна. С видом давным-давно обывкшейся здесь прошла к ближайшему столу, не-принужденно взяла у лакея бокал вина, отпивая деликатными глоточками, разглядывала танцующих с некоторой скукой, знающей все наперед придворной дамы, которой хочется новых развлечений и впечатлений, потому что старые осточертели. Мазнула Сварога внимательным взглядом и вновь разглядывала танцующих.

Он держал ее краем глаза, ощущая тот же охотничий азарт. На сей раз выглядит чуточку иначе: роскошные золотистые волосы уложены в прическу, неизвестную на двух других планетах — но многие из присутствующих дам с такой щеголяют: две косы тугими бараночками прикрывают уши, третья на затылке, две длинных пряди свободно падают у висков. Вместо неизменного простенького платья, в котором она выявлялась на Таларе и на земле, и за облаками — гораздо более роскошное, из тонкой светло-зеленой материи в мелкую золотую крапинку, чеканный пояс низко опущен на бедра и украшен впереди овальным медальоном с каким-то узором — и пояс, и медальон, конечно же, не золотые, только позолоченные — будь они из чистого золота, весили бы изрядно, даже мужчины такую тяжесть не таскают. А вот затейливые золотые браслеты с зелеными камнями на запястьях вполне могут оказаться и золотыми, и уж наверняка из чистого золота, и серьги с такими же зелеными неограненными самоцветами — похоже, янтарь сковал людей во времена, когда гранить драгоценные камни еще не умели, ограничивались шлифовкой.

Очень, знаете ли, интересно... Украшения золотые, с драгоценными, надо полагать, камнями, несомненно, подобранными так, чтобы гармонировали с платьем, но в то же время на лебединой шее, открытой здешним скучным вырезом, — та самая связка полированных каменных брусков, продолговатых, серых с синими прожилками. Довольно-таки странное сочетание — а ведь ничего подобного у прочих дам не наблюдается, на какую ни глянь — на шее, в ушах, на пальцах и запястьях исключительно золото с самоцветами. Положительно, это неспроста, что-то должно означать...

Король склонился к его уху, тихонько сказал тоном матерого заговорщика:

— Я вижу, вы заметили очаровательную графиню Фереташ...

— Ее невозможно не заметить, ваше величество, — сказал Сварог с должной галантерейностью.

— Ну разумеется, любезный герцог. Украшение двора, смело можно выразиться...

— К сожалению, ваше величество, иные украшения, как правило, имеют хозяина...

Король живо ответил:

— Только не в этом случае, герцог, графиня славится свободой поведения... о, я в хорошем смысле! Это означает лишь, что она сама выбирает пути и цели...

Ну да, разумеется, подумал Сварог, вряд ли ей интересно, каковы бы ни были рубежи ее морали, спать со скучными куклами, вряд ли это нужно этим, из Радианта. Спать с собственными инструментами — прямо-таки извращение. Очень похоже, она, подобно земным валютным проституткам, на иностранцах специализируется...

Король вновь покосился на жену, еще больше понизил голос:

— Правда, любезный герцог, это вовсе не означает, что она недотрога...

Судя по тону и ухваткам, ему в этом кукольном театре выпала роль игривого потаскuna, какие среди обычных королей не редкость. Ну что же, не самая незавидная роль, бывают хуже. Интересно только, какая роль досталась его супруге — ревнивой мегере или тихой страдалицы? Среди королев широко представлены те и другие...

— Вот это слышать приятно... — сказал Сварог, ответив на улыбочку короля такой же игривой.

— Что же, вы наш высокий гость. Только предупреждаю заранее — есть ситуации, когда и король неволен приказывать. Вам придется всецело полагаться на себя...

— Я, пожалуй, рискну, ваше величество, — сказал Сварог с ухарским видом.

Король приподнял левую руку и звучно щелкнул пальцами. Лакеи, даже кукольные, всегда на высоте: тут

же возле него материализовался раззолоченный экземпляр в черно-зеленой ливрее — такими уж несколько мрачноватыми были здешние королевские геральдические цвета, соответственно, и знамя у них — черное с зеленым...

— Голубчик, — сказал король небрежно. — Передайте графине Фереташ, что я хотел бы с ней перемолвиться словечком...

Слегка поклонившись, лакей проворно направился к Иляне, и, кланяясь даже более почтительно, что-то сказал. Иляна глянула в их сторону (у Сварога осталось впечатление, что смотрела она не на короля, а исключительно на него), небрежно, не глядя отвела руку с бокалом в сторону (виночерпий его проворно подхватил) и без тени недовольства направилась к ним. Королева все так же отрешенно смотрела перед собой (пожалуй, ей досталась роль Тихой Печальницы), зато король явно оживился, улыбаясь Иляне прямо-таки ослепительно:

— Милая графиня, позвольте вам представить имперского наместника Герцога Кавадора...

При этом во взгляде у него явственно просматривалась тоска — надо полагать, как ему положено по роли, пытался красавицу заманить в постель, а она вряд ли согласилась заходить настолько далеко с одним из своих инструментов.

Ну вот и встретились лицом к лицу... Сварог торопливо встал, уже знакомый с местным этикетом, раскланялся по всем правилам: правая ладонь прижата к сердцу левая — ко лбу. Не самый дурацкий церемонимальный поклон из тех, что встречаются при королевских дворах.

Иляна тоже ответила по всем правилам: скрестив руки на груди, чуть присела, выставив правое колено. Грациозно выпрямилась, посмотрела Сварогу в глаза осмысленным, чуточку дерзким, совершенно ж и в и м взглядом — пожалуй, что оценивающим. Улыбаясь неизменно, сказала с той самой легкой дерзостью,

что красивым женщинам простительна и даже придает им шарма:

— Рада с вами познакомиться, герцог. Вы — первый Высокий Господин Небес, которого мне довелось увидеть своими глазами.

Сварог без особого труда сохранил на лице прежнее заинтересованно-светское выражение. Но вспомнил некоторые эпизоды ее бурной деятельности на Таларе — уж с парочкой Высоких Господ Небес знакома близко, возможно, мы не обо всех знаем, неизвестно еще, как там обстояло с ученым магистром, а то и с кем-то еще, до кого мы пока не добрались. Ну что же, именно таким невинным взглядом умеют смотреть прожженные шлюхи...

— Графиня Ильяна Фереташ...

— Герцог Шерлок Кавадор...

Сочиняя перед отлетом себе новое имя, Сварог подумал, а почему бы не позволить себе безобидную шутку, не способную нанести малейшего ущерба делу? Шутки украшают жизнь... и снимают напряжение перед боем. В этом мире все равно не найдется ни единой живой души, способной шутку юмора понять, только он один...

Он так и не придумал, с чего начать разговор — будь то на Таларе или в Империи, без труда подыскал бы слова, но эта красавца была не из простых... Выручил его король, тихо сказал с понимающим видом:

— Право же, герцог, воспользуйтесь всеми радостями бала. Это нам с супругой этикет велит сидеть, как пришибты, а вас нисколечко не обязывает...

Поклонившись ему, Сварог сделал приглашающий жест, и Ильяна пошла с ним рядом к одному из столов — другому, не тому, возле которого сначала задержалась. Сварог как бы невзначай направил ее к столу, откуда мог видеть Каниллу и ее неотвязного кавалера. Ильяна нисколечко не противилась.

Разумеется, дворцовое вино оказалось гораздо лучше того, каким потчевали клиентов в «Синей кошке». Мари-

онетки они там или кто, но вино делают отличное, еще одно умение, доставшееся янтарю от прежних времен...

Вот теперь, под светло-зеленое и густо-красное вино, разговор быстро завязался — классическая беседа на балу, каскад пустеньких светских банальностей. «Как вы находите наш город, герцог?» — «Он красив, графиня». — «Как вам нравятся наши дамы?» — «Они прекрасны, графиня (следует чуть бесцеремонный взгляд, откровенно раздевающий — в лучших традициях придворных волокит, причем ответный взгляд графини никакого протеста не содержит, наоборот — опять-таки в лучших традициях придворных шлюх)».

Очень скоро Сварог, давно уже не новичок на балах, мог с уверенностью сказать: Иляна не без изящества ведет болтовню в строго заданном направлении: тонкие намеки на извечные отношения меж мужчиной и женщиной, на свою доступность — завсегдатай балов и других светских увеселений такое определяет легко, так что не нужно соответствующей ленточки, какую дамы носят на маскарадах. Сомнений не оставалось никаких: она целеустремленно шла в атаку, как подводная лодка со стороны солнца. Вот только понятия не имела, что противник подобрался ей под стать...

Так, и на противоположной стороне зала события развернулись в нужном направлении: Канилла и ее кавалер идут к выходу, и никто не обращает на них внимания. Сварог перехватил внимательный взгляд Иляны. Спросил:

— Ваш этикет позволяет покидать бал до того, как король подаст знак, означающий, что бал закончен? У нас именно так и обстоит, уходить раньше считается дурным тоном и простительно лишь какой-нибудь деревенщине — но и таких перед балом посвящают во все тонкости этикета...

На сей раз он нисколечко не врал, все так и обстояло.

— У нас то же самое, — сказала Иляна, загадочно прищурилась: — Есть одно-единственное исключение:

когда кавалер и дама уходят вместе. Ваша очаровательная спутница освоилась быстрее, чем вы, а вы на это смотрите совершенно спокойно...

Сварог легонько пожал плечами:

— Какие у меня причины беспокоиться? Дама совершеннолетняя и вправе располагать собой, как хочет. Что заставило вас столь таинственно улыбнуться?

Иляна улыбалась:

— Я просто решила, что вас с ней связывают определенные отношения. Она выглядит слишком молодо для титула коронного советника...

Что ж, логика безукоризненная — и в Империи, и на земле не раз случалось, что облеченные какой-то серьезной миссией благородные господа забирали с собой юных любовниц, приличия ради добившись для них чина в посольстве или резиденции. Вот только наша красавица допустила серьезный прокол: откуда она может знать, какой чин у Каниллы? Из всех здешних обитателей это знал только король, получивший от Сварога за час до бала послание, в котором сообщалось, что герцог прибудет в сопровождении коронного советника, графини Баради — именно такого послания требовал этикет. Значит, у нее есть возможность читать королевскую почту...

Этот ее прокол Сварога воодушевил: лишний раз он убедился, что им противостоят не сверхсущества, не суперинтеллект — это люди, способные допускать проколы и ошибки...

— Вы наверняка знаете, как это бывает, графиня, — сказал он непринужденно. — Влиятельный отец, честолюбивая юная дочка, стремящаяся как раз к чинам и высоким постам...

— Ода, разумеется... Признаться меня только обрадовало, что дело обстоит именно так... — и вновь многозначительный взгляд записной великосветской шлюхи, какие кавалер с опытом должен распознавать моментально. — Герцог, по совести, вам не прискучи-

ло здесь? Танцевать вы не можете, вы не знаете наших танцев и, конечно, понимаете, что выглядели бы неуклюже и смешно, что повредило бы вашей репутации, высокому положению наместника... Вино — не более чем вино, за пределами королевского дворца может отыскаться не хуже...

Да, она шла к поставленной цели, как торпеда — то ли не хотела терять времени зря на долгие прелюдии, то ли, изучив физиономию Сварога, точнее, маску, полагала его именно тем, на кого он был чертовски похож — недалеким типом, с которым можно управиться быстро. Ну что же, корабль охотно поворачивает бортом к торпеде — резиденция и в самом деле представляет собой большущий капкан...

— У вас есть лучшие идеи, графиня? — спросил он.

— Найдутся... Не сочтите меня ветреной, но я бы предложила вам посмотреть мою коллекцию оружия. Мужчины такие вещи обожают...

— Вы правы, — сказал Сварог. — Но вот беда: кое в чем меня ограничивают строгие регламенты. Мне, как и прочим, категорически запрещено проводить ночи вне резиденции. Не сочтите за дерзость, но у меня отыщется встречное предложение: не согласитесь ли нанести мне визит? Я мог бы показать вам свою коллекцию шуртанского хрусталия. Многие наши дамы любят такие вещи, быть может, и вам понравится...

— Охотно, — прищурилась она с ослепительной улыбкой. — Обожаю шуртанский хрусталь...

Очень мило, ни малейших недомолвок не осталось — если учесть тот неоспоримый факт, что никакого такого шуртанского хрусталия в природе не существует...

Четверка лошадей под пронзительно-яростные вопли кучера вынесла карету в распахнутые ворота королевского дворца — стражники в кирасах и непривычного вида шлемах отсалютовали здешним подобием гуф. За воротами стояла темень, лишь кое-где зиявшая

прорехами тусклого света — в уличных фонарях, широких стеклянных цилиндрах с конусообразными железными крышками, чуть приподнятыми над стеклом, чтобы дать доступ воздуху, горели ровным пламенем такие же факелы, как в королевском дворце. Ночная жизнь, как всегда было на такой стадии развития техники, здесь наверняка очень скучна — пылкие любовники, пробирающиеся к предмету своей страсти, да разбойный народ, согласно программе имеющиеся в должной пропорции, да, пожалуй что, спешащие к больным лекари...

Едва карета оказалась за воротами, Ильяна, не теряя времени, придинулась к нему, закинула руки на шею и впилась в губы долгим умелым поцелуем. Пришлось держаться соответственно, так что дорога длиной всего-то лиг в пять, показалась и вовсе короткой. Опираясь на протянутую Сварогом руку, Ильяна спустилась по откинутой приступочке в три ступеньки на мощеный двор, взяв Сварога под руку, направилась, куда вели. И на ярко освещенном дворе, и в блиставших пошлой роскошью коридорах резиденции ее ровным счетом ничего не интересовало — а вот тут она переигрывает, следовало бы проявить толику свойственного женщинам любопытства, как-никак она, по легенде отроду не знавшая другого мира, кроме Нериады, впервые в жизни оказалась в имперском дворце, хотя бы парочку любопытно-восхищенных взглядов бросила вокруг... Что же, это люди, а людям свойственны промахи в игре — тем более что игра не особенно и искусная, коли тебе кажется, что ты имеешь дело с недалеким болваном, не заслуживающим более тонких подходов...

Точно так же не произвела на нее впечатления и роскошно обставленная спальня наместника, ярко освещенная невиданными здесь карбамильскими лампами. Глядя на огромную постель под балдахином из золотистой парчи, она театрально удивилась:

— Куда вы меня привели, герцог? Вы, право же, изрядно напористы, меня это даже чуточку пугает...

Ага, гимназистка, которую, пообещав показать плюшевых мишек, заманили в бордель... Ну, вылитая...

По мановению руки Сварога на столике у постели появился огромный поднос, щедро уставленный бутылками и тарелками, раздалась тихая приятная музыка, по стенам неспешно поплыли разноцветные узоры. Не похоже, чтобы и это произвело на нее хоть какое-то впечатление. Довольно бесцеремонно притянув ее к себе, Сварог сказал ей на ухо:

— Я давно успел убедиться, что женщинам нравится напористость... Пригласить свет?

— А зачем? — тихонько отозвалась Иляна, прямо-таки мурлыкающим голосом. — Он не мешает...

Когда через часок, как это описывал Дюма, восторги влюбленной пары утихли, Сварог потянулся за сигаретой, левой рукой небрежно обнимая прильнувшую к нему нагую растрепанную красавицу, выказавшую немалое искусство в подобных баталиях. Вообще-то ни он, ни она влюбленными не являлись — но в описанной Дюма сцене и д'Артаньян безбожно лицедействовал...

Мимолетно коснулся кончиками пальцев ее каменного ожерелья. Еще в начале процесса он, как и следовало не знающему здешних реалий человеку, поинтересовался, нельзя ли эту вульгарную штуку снять — и выразил неприкрытое удивление тем, что помимо приличествующих dame украшений, золотых с самоцветами, она носит такую дешевку. Иляна пустила в ход уже применявшуюся легенду — это амулет, который здесь никогда не снимают, так что цепочка запаяна в свое время намертво. Как определил Сварог, якобы из пустого любопытства перебираивший каменные бруски, так и обстояло, хоть в чем-то не врала. Цепочка выглядела стальной — ну, именно предвидя такое, он навестил Грельфи, не оплошившую и на сей раз...

— Я себя чувствую пастушкой из сказки, нежданно-негаданно попавшей в королевский дворец, — сказала она доверительно, то есть соврала в очередной раз. — Эта роскошь, эти лампы... Мы ведь сможем теперь посещать Империю?

Сварог наполнил ее бокал — светло-зеленым слабеньkim вином, как она и просила, а себе налил до краев рубинового нектара, здешнего аналога портвейна или таларского гульдеса, — и, в отличие от нее, осушил единственным глотком, тут же налил себе еще — и тоже до капельки отправил по принадлежности. Налил третий, отпил немного. Настала пора играть по намеченному, сделав вид, что его чуточку развезло и никаких подозрений у нее не возникнет, должна же знать, что у каждого своя мера: доза, какую заядлый кутила прикончил исключительно для разминки перед серьезной пьянкой, у другого вызовет как раз нешуточное забалдение...

— Сможете, я думаю, — сказал он, сделав свободной рукой широкий жест. — В отличие от меня...

— Как так? — спросила она то, что спросила бы любая на ее месте, услышав такое.

Сварог приговорил и третий бокал, приобнял девушку, протянул с классическим паяным надрывом:

— А вот так... Со стороны все красиво выглядит — господин имперский наместник, все вокруг сияет роскошью, глупцы завидуют, а на деле... — он налил себе еще бокал, притворяясь, что явственно п о п л ы л. — Коли уж в кои-то веки можно расслабиться без присмотра... Нечему тут завидовать, Ильяна. Имперские наместники и все имеющие чины их сподвижники четко делятся на две категории — карьеристы и ссыльные. Первые с удовольствием служат, делают карьеру. Вторых просто-напросто под благовидным предлогом засунули в почетную ссылку подальше от императорского двора. Впрочем, такое случается и с теми, кого посыпают на две других планеты... Но там далеко не

все ссыльные, а мы тут — все до одного... Ну, в конце концов, проиграл, так проиграл, хорошо еще почетной ссылкой отдался...

— Я и подумать не могла... — сказала Иляна с наигранным удивлением. Потом столь же талантливо сыграла извечное женское сочувствие. — Что-то случилось, Шерлок?

Добавив в голос и жесты еще немного забалдения, Сварог сказал с нескрываемой горечью:

— Когда сюда прибыл наш посланец, чтобы сообщить вашему королю о возрождении наместничества, привез этакий фолиант о положении дел в Империи, о том, из чего она складывается, чем живет. Для короля и высшего дворянства...

— Я тоже прочитала с большим интересом.

Сварог добавил горечи:

— Вот только там ничего не сказано о кое-каких по-таенных пружинах жизни императорского двора... В списке камергеров месте на десятом скромненько значится лорд Сварог. Очень скромный человек, ага... Тварь первостатейная! Фаворит императрицы, давно ее подмали и фактически заправляет всеми государственными делами. Подгреб под себя тайные службы, еще многое, разогнал Палату Пэров и Тайный Совет, чтобы не мешались под ногами... и ничего с ним поделать, сама понимаешь, невозможнo, эта дурочка смотрит ему в рот, и плевать ей, что она более чем кукла в короне... А он творит, что хочет. Надобно тебе знать, что графиня Баради — тоже ссыльная. Отказалась спать с этим скотом, он ее и загнал сюда. Но снаружи все выглядит без изъянов и червоточин: девушка делает великолепную карьеру на императорской службе, в столь молодые годы получила высокий чин... Вот только сидеть нам с ней в ссылке до седых волос... или до того времени, когда, очень хочу надеяться, со Сварогом что-нибудь случится... Мы пытались кое-что предпринять... — он улыбнулся во весь рот и продолжал с цыганским над-

рывом: — И по совести тебе признаюсь, хотели пустить в ход самые решительные меры — живой он опасен даже в опале. Он, сволочь, успел раньше. Подозреваю, кто-то выдал. Или у него были свои шпионы среди нас. В общем, у него не хватило духу ответить крайними мерами — умная скотина, но трусливая. Вот и разогнали в ссылку. Рано радуется! — как частенько с пьяными случается, уныние сменилось неприкрытой злобой, он с яростной гримасой погрозил пальцем мозаичному потолку. — Волка прикончили, а зубы остались. Они, как ни старались, не смогли выявить в сех, кое-кто остался вне всяких подозрений — и вовсе не намерен считать это окончательным поражением. И это далеко не последние в заговоре люди. Мы ему еще покажем, кто кого...

Вот и все, пожалуй, главное сказано. Не стоит перегибать палку и громоздить излишние детали. Она и так услышала достаточно, и это не может ее не заинтересовать: заговор против клятого Сварога, не попавшие в сети легли на дно, надеясь не отсидеться в безопасном местечке, а повторить попытку, учитывая печальный опыт... Конечно, может оказаться, что эти, из Радианта, сочтут, что задуманный ими переворот с убийствами можно претворить в жизнь и без дополнительных сообщников. И все же... В подобной ситуации новые агенты всегда пригодятся, чем их больше, тем выгодней... Ну что ж ты молвишь, шлюха чертова?

С пьяной фанаберией он вновь погрозил потолку:

— Нет уж, старое дворянство этому высокочке еще все припомнит, заявился! Мало ему показалось императрицы в постели, титулов и орденов, захотел в «ночные императоры»... Чем он лучше других? Да ничем! Найдутся люди знатнее...

Замолчал, уставясь в потолок, сердито выдыхал дым. Ильяна легонько погладила его по плечу:

— Какие страсти кипят, кто бы мог подумать... Шерлок, милый, я надеюсь, у вас все наладится. А я... Не знаю, как ты ко мне относишься, но вот ты для

меня — отнюдь не мимолетная прихоть, я хотела бы, чтобы мы подружились...

— Вот совпадение, — он вернулся к прежнему тону беззаботного волокиты. — Мне хотелось бы того же... Знала бы ты, как уныло и безрадостно тут торчать...

— Милый, я постараюсь все сделать, чтобы тебе жилось веселее, — пообещала Иляна, гладя его плечо. — Я как раз устраиваю у себя большой прием в честь церемонии вручения тобой грамот, рада буду, если ты придешь, а я уж постараюсь тебя развеселить, насколько это в моих скромных силах...

— Ну конечно, приду, милая...

Расклад ясен, отметил он. Сейчас она не станет вести дела о вье разговоры — а вот на помянутом приеме, скорее всего, и станут вербовать. Вполне логично. Значит, они ничего не подозревают и не знают, что при любом обороте мы им времени не дадим, начнем уже завтра...

Следовательно, пора кончать игру. К тому же не терпится узнать, как обстоят дела у Каниллы — беспокойства за нее нет никакого, надежнейшим образом прикрыта, как он сейчас, но хочется знать, что там...

Тщательно продумав каждое движение, он произнес полученное от Грельфи заклинание. Почувствовал, как по телу откуда-то от сердца растекается, достигая кончиков пальцев, горячая волна. Теперь следовало быть предельно осторожным, чтобы ненароком не покалечить эту стерву, она нужна живой и здоровой. Сейчас его силы неизмеримо превышали обычные человеческие, он мог указательным пальцем проткнуть кирпичную стену, завязать в узел рельс, переломить, как камышинку, вековой дуб. Через пару минут это с хлынет — старинное заклинание не стоит удерживать в себе надолго, иначе последствия для человеческого организма будут самые печальные — в лучшем случае полный упадок сил и долготе беспамятство, а в худшем... Одними заклинаниями можно пользоваться долго, как зубной щеткой, — а иные лучше использо-

вать, так сказать, в сжатые сроки — за все в этом мире нужно платить, кое-что нелегкодается...

Хорошо, что цепочка не охватывала шею плотно, висела свободно, оставляя зазор пальца в три. Он действовал молниеносно, прежде чем она успела что-то сообразить, запустил под цепочку указательный палец, обернулся вокруг него, рванул...

Цепочка лопнула, как гнилая нитка, полированные камни упали на постель по обе стороны от шеи Ильны — и Сварог соскочил с постели, чтобы обеспечить себе свободу действий при любом обороте событий. Мимолетно задел пальцами левой руки тяжелый золотой графин с выдержаным гиперборейским котрасом — и тот от легкого прикосновения полетел со столика, словно по нему наподдали кузнецким молотом — еще действует...

Горячая волна прокатилась по телу от кончиков пальцев куда-то к сердцу, схлынула. Все в порядке. Готовый ко всему, он стоял у постели и во все глаза смотрел на Ильну. А с ней происходило что-то непонятное: уставившись в мозаичный разноцветный потолок остекленевшими глазами, билась на постели, как оказавшаяся на берегу рыба, тело содрогалось в длинных судорогах, в уголках губ пузырилась слюна, лицо стало каким-то тупым, бессмысленным...

Похоже, догадка оказалась правильной: каменное ожерелье каким-то образом нейтрализует поле, превращающее всех остальных в кукол, позволяющее этим, из Токеранга, сохранять свободу воли и мыслей, то-то цепочка запаяна наглухо — конечно, снимать ни в коем случае нельзя, иначе...

Интересно, что иначе? Сварог наблюдал за ней с холодным любопытством, без тени жалости — с чего бы вдруг? — беспокоясь только об одном: как бы не отдала концы от несомненного шока. В голове, словно птица в клетке, билась единственная лиющаяся мысль — это люди, люди! Равный противник!

Она перестала биться, лежала спокойно, все так же уставясь в потолок, взгляд стал другим — уже не стеклянный, а словно бы затуманенный, грудь поднималась и опускалась уже не конвульсивно, почти в обычном ритме спокойного человеческого дыхания, лицо стало пусты и отрешенным, но все же не похожим на бессмысленную маску...

— Иляна! — громко позвал Сварог. — Что с тобой?

Кажется, она его услышала. Произнесла ровным голосом:

— Со мной... никак... Не понимаю. Где Хозяева? Я не могу без Хозяев, без их дыхания и поддержки...

— Придется обойтись, — сказал Сварог без тени жалости. — Кто ты? Что ты?

— Я — орудие, — откликнулась она каким-то жестяным голосом, напоминавшим некую механическую игрушку. — Я послушное и хорошее орудие, достойное Пещеры...

— Что за Пещера? — спросил Сварог, уже осознавший, что никаких хлопот с этой тварью, несомненно, ставшей такой же куклой, как и почти все здесь, не будет. — Где она?

— Там, где и была изначально, — откликнулась Иляна. От ее голоса мурашки пробегали по коже, настолько он был иным. — С начала времен. Мне нужно ощутить Дыхание Хозяев, иначе я не попаду в Пещеру...

Не похоже, что от нее удастся добиться чего-то более осмысленного... Время сейчас было наивысшей ценностью — и Сварог, отпрянув от постели, схватил свою одежду, вновь очутился в прошлой жизни, где при сигнале боевой тревоги следовало облачиться в форму и запрыгнуть в сапоги как можно быстрее. Покончив с башмаками, коснулся в нужном месте покрытого искусственной резьбой столбика, одного из тех, что поддерживали балдахин. Моментально распахнулись обе половинки высокой двери, покрытой тем же рез-

ным орнаментом в виде виноградных лоз со спелыми кистями. Влетели несколько человек, кое-кто с оружием на изготовку, в том числе и Канилла, выглядевшая воинственной и чуточку возбужденной — ну да, впервые участвовала в очередном деле, как говорили в старину, в качестве активного штыка.

Дула опустились — все оценили ситуацию. Не теряя времени, Сварог спросил:

— Что там, Кани?

— Все, как я рассчитала... — отзвалась она звонким от напряжения голосом. — Не мог не клюнуть на такую лапочку...

— Я видел. Что было в резиденции?

— Тоже по расчетам... он явно решил отложить серьезные разговоры на потом, полез с руками, пришлось упокоить парализатором... Распрекрасно подействовало...

Сварог перевел взгляд на человека, назначенного руководить группой, прикрывавшей Каниллу и обеспечивавшей все дальнейшее. Тот вытянулся:

— Все прошло без сучка, без задоринки, господин генерал.

Его перенесли в виману, и она тут же стартовала. С орбиты передали: квадрантс назад она взяла курс на Талар. Никакого воздействия извне.

— Квадрантс — и никакого воздействия извне... — сквозь зубы процедил Сварог. — Это хорошо, очень хорошо... Рыбачим дальше, — он посмотрел на упершуюся взглядом в потолок Иляну. — Займитесь красоткой. Одевать не стоит — к чему нам лишняя галантность? Заверните в покрывало и быстренько несите в виману. Немедленно на Талар... Подождите!

Он отстранил ближайшего агента, оказавшегося ближе всех к постели, наклонился и собрал светло-серые в красивых синих прожилках камни — большинство остались на разорванной цепочке, только два с нее слетели. Уложил в карман. Кивнул:

— Несите. Все свободны. Канилла, останься.

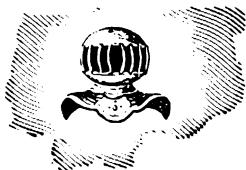
Иляна, пока ее заворачивали в покрывало, не оказалася ни малейшего сопротивления, двое ее вынесли, остальные вышли следом, притворив за собой дверь. Сварог особо хмельным себя не чувствовал, но и трезвым не был после нескольких бокалов здешнего гульдаса. А потому взял с подноса ничем не отличавшийся от других графинчик чеканного золота, большим пальцем откинулся вычурную крышечку и глотнул прямо из горлышка. Как и ожидалось, в следующий миг оказался трезвехоньким, как стеклышко. Канилла стояла, опустив руки с зажатым в правой блестящим цилиндром парализатора — убрать его некуда, карманов в платье такого фасона нет. Судя по очаровательному лицу, возбуждение унялось, азарт схватки прошел.

— Ну, как ты? — спросил Сварог.

Она пожала плечами, глядя с дерзкой бодростью:

— А что со мной будет, командир? Я его вполне грамотно взяла, — она засмеялась. — Вот только он на меня рухнул, как мешок с зерном, пришлось из-под него форменным образом выползать — тут уж никакая рукопашка не поможет, а силы у меня все же не мужские... Гаржак влетел первым, дал ему хорошего пинка, хотя он уже валялся в беспамятстве...

— Ну, от хорошего пинка еще никто не умирал... — задумчиво сказал Сварог. Ну что, глотнем синенького эликсира и пойдем аппаратную? Самое время продолжать...

Глава XI

БЛИЦКРИГ: СКРЫТЬСЯ ОТ ОСЕНИ

Докуривая жадными затяжками, Сварог с неудовольствием подумал, что доктор Латрок может оказаться и прав касательно этого чертова «синдрома штурвала». Если не лукавить перед самим собой, разведку с помощью Шмелей и хелльстадской аппаратуры прекрасно могли провести и Золотые Обезьяны, пока он пребывал на королевском балу. Разумеется, у него имелось великолепное оправдание при неудаче того или другого — а то и обоих сразу попыток: последствия могли оказаться непредсказуемыми, они с Каниллой без всякого прикрытия оставались там, где добраться до них было крайне легко, следовало вернуться в резиденцию, и уж тогда...

И все же, все же... Сколько в этом от холодного делового расчета и сколько от чертова синдрома? Вряд ли доктор Латрок ошибается, он знаток своего дела, а уж на шутку или розыгрыш абсолютно не способен — какие тут розыгрыши, не та ситуация. Возможно, стоит, если все пройдет гладко, и в самом деле сдаться медикам в рамках пресловутого отпуска, работа на износ, тут Латрок совершенно прав, еще никого до добра не доводила...

Еще раз скрупулезно просчитал все — никаких изъянов в инструкциях на случай неудачи. Все здесь находившиеся получили приказ на срочную эвакуацию и готовы к ней. Если случится некая атака, с орбиты ринется эскадрилья корветов и прикроет. Правда, жизнь учит, что противник может поломать самые детальные планы, но это уже вторично...

Он тщательно погасил сигарету в хрустальной пепельнице, придавливая окурком все крохотные искорки тлеющего табака. Надел серебряную митру хелльстадского короля, необходимую в иных случаях. Присел на корточки и поднял крышку плоского серого чемоданчика-футляра. Внутри, в гнездах пластикового листа, аккуратными рядками, десять по десять, лежали Золотые Шмели.

— Свет и окно, — приказал он.

Канилла вмиг оказалась возле выключателя, и в комнате воцарилась темнота, лишь на пультах светилось несколько огоньков. Бесшумно распахнула правую створку окна, в комнате поплыл холодный ночной воздух, забросивший пригоршню снежинок, тут же растаявших.

Пять Золотых Шмелей вереницей выплыли в распахнутое окно. Тот самый расклад, когда началось, и ничего уже нельзя изменить — не в первый раз и, тут к Грельфи не ходи, далеко не в последний...

Кое-какие изменения он внес, насколько оказался в состоянии это сделать. Теперь Шмели передавали все не в его сознание, а на экран пульта Шестого. Он тут же зажегся — часть стены словно исчезла, большой прямоугольник над пультом показывал то, что видели Шмели. В голубоватом инфракрасном сиянии медленно проплывали острые высокие крыши, крытые где черепицей, где крашеной жестью, безлюдные улицы, тусклые фонари, башни королевского дворца...

И н и ч е г о со Шмелями не происходило, ничто им не мешало, не ослепляло, не нападало!

Они довольно быстро прошли над столицей с полуночи на полночь — и Сварог, ободренный первыми успехами,

послал их еще дальше на полночь, над большим трактом, по которому и в эту пору тянулись в город обозы с камнем — интересно, они всегда работают по такому расписанию, или это какой-то аврал? Поди догадайся...

Так, теперь левее, в сторону от тракта... Леса и перелески, голые деревья кажутся мертвыми, узкие петлястые тропинки... И м и ш е нь!

Он обернулся в сторону футляра — и Шмели взмыли рядок за рядком, длинной вереницей ушли в распахнутое окно, по-прежнему обдававшее холодом, ветерком, снегом. Ничего не поделаешь, приходилось терпеть. Взбодренный синим эликсиром, он чувствовал себя свежим и бодрым, исполненным холодной деловитости.

Развернул кресло в сторону низкого блестящего стола, над которым уже поднимались словно бы клубы разноцветного дыма, рисуя объемную картинку того, что видела, зависая над лесом и горами, сотня Шмелей.

Не прошло и получаса, как они увидели Радиант.

Далеко протянулось плоское, как стол, плато с редкими возвышенностями, выходами камня. В одном месте оно в виде неправильного эллипса обрывалось со всех сторон почти вертикальными откосами высотой в пару сотен уардов, образуя низкую котловину, на первый взгляд, самого что ни на есть естественного происхождения — природа откалывает и не такие номера, создает ландшафты и причудливее.

Там, в котловине, расположился Радиант.

Нечто вроде низкого купола, занимавшего почти всю котловину, и вокруг него — с десяток высоких скальных пиков с острыми верхушками, напоминавших ободранные наждаком толстые карандаши. И пики, и купол казались тоже игрой природы, щедрой на выдумки, — но что-то в них настораживало, вызывало смутные подозрения, никак не походило на дело рук человеческих, и все же, все же... Есть некая н е п р а в и л ь н о с т ь.

Сварог послал Шмеля ниже, часть отправил обследовать откосы, часть старательно кружила вокруг Радианта.

Так, в одном месте — узкая расщелина, от которой на плато поднимается довольно крутая дорога. Начинается она возле темного проема, единственного такого в Радианте, петляет меж скалами и лесом уходит в сторону большого тракта и сливается с ним. Это именно *дорога* — по ней ездили или ходили не так уж часто, но все же достаточно долго, чтобы натоптать, сделать заметной для наблюдения с воздуха.

Деловитое кружение Шмелей продолжается не менее квадранса — и никакой реакции противника. Радиант по-прежнему *дрейф*, он не излучает — это полушиарие Нериады сейчас обращено в противоположную сторону от Талара. Окрестности Радианта изучены достаточно, чтобы без труда сориентироваться на местности, свернув с большого тракта. Теперь этот проем, зияющий у самой земли. Там и кончается дорога.

Широкий полукруглый туннель, достаточно большой для того, чтобы в него прошел человек — а вот всаднику уже придется спешиться... Форма слишком правильная, чтобы быть игрой природы. Он уже видел нечто подобное у себя в Хелльстаде — вход в туннель, ведущий в Токеранг. Только у того были чуточку другие очертания, больше всего он походил на половинку эллипса. Но и тот и этот — несомненное творение человеческих рук. А ведь здесь нет той техники, что имелась у токеретов, проем слишком уж геометрически правилен, чтобы быть проубленным с помощью здешних горняцких кирок. Внесем поправку: творение кого-то разумного, так оно будет правильнее...

Несколько Шмелей нырнули в проем. Цвет изменился — погасло инфракрасное сияние, стены и пол туннеля — опять-таки идеально гладкие, обработанные уж никак не кирками, светятся так, что, пожалуй, и человеку не потребуется фонарь, а Сварогу — «кошачий глаз». Стоп!

Поперек тоннеля — силовое поле непонятной природы, за ним, уардах в пятидесяти, тоннель под прямым углом сворачивает вправо, и что там, за поворотом, уже

не увидеть. Не стоит зарываться, вполне достаточно того, что Сварог увидел, что осталось накрепко запечатленным в компьютерной памяти. Для того чтобы завершить дело, необходим подверженный многим опасностям, но самый нужный в такой ситуации инструмент под названием «человек». Есть что доложить Канцлеру — он сейчас на борту одного из крейсеров, повисшего над столицей на «сугробной» орбите...

На экране чуть смазанными полосами неслись скалистые равнины, леса — Шмели на полной скорости уходили от Радианта. Сварог позволил себе чуточку расслабиться, откинулся на спинку кресла, сунул в рот сигарету. Канилла уставилась на него прямо-таки завороженно:

— Командир, вы гений...

— Да будет тебе, — ответил Сварог спокойно. — Ну при чем тут я? Техника прекрасно сработала, только и всего...

— И что теперь? — почти прошептала она.

— То есть как это — что? — жестко усмехнулся Сварог чувствуя, как каменеет лицо. — Теперь — блицкриг...

Впрочем, блицкриг должен был начаться чуточку позже, сначала следовало проверить, как обстоит со в т о р ы м средством, имевшимся в его распоряжении. Надежды на успех нешуточные: коли уж все отлично прошло с первым...

Да нет, не прошло, из чистого суеверия не следует забегать вперед, задание считается выполненным лишь тогда, когда группа вернулась на базу...

Он сидел, глядя на приотворенную створку окна, откуда по-прежнему налетали порывы сырого ветра, а то и горсть снежинок. Наконец Золотые Шмели вереницей потянулись в комнату, летели прямо к футляру и замирали в гнездах. Вернулись без потерь. Дождавшись последнего, Сварог встал и с облегчением захлопнул створку. Вернулся к пульту Шестого. Там, за плечом Обезьяна, уже стояла Канилла, неотрывно глядя на пустой пока что экран.

Подготовка заняла гораздо больше времени, чем обычно — на Таларе все нужные координаты заданы давным-давно, а здесь приходится привязываться к местности... Не менее квадранса на фоне подробной карты столицы светились синие концентрические круги, пересеченные восемью линиями (по числу сторон света и направлений), покачивалась вправо-влево стрелка компаса, вспыхивали и гасли загадочные знаки, которых Сварог не знал, да и не было в том нужды.

Ну, наконец... Канцелярию недр он изучил мельком, хватило пробежки по первому этажу: длинные широкие коридоры неистребимо казенного вида погружены во мрак, самые обычные канцелярские кабинеты, на всех населенных людьми планетах похожие друг на друга, как две капли воды, разве что с поправкой на уровень техники: уныло — аскетичные, скучные. Обширные помещения, занятые длиннющими высокими стеллажами с бесконечными рядами пухлых картонных папок. Этим можно и ограничиться, вряд ли тут найдется что-то интересное — размеры Канцелярии свидетельствуют лишь о том, что горному делу тут уделяется непропорционально много внимания и трудов — но мы и так знаем причину...

Вот и высокая ограда «королевской камнерезной фабрики». На сей раз наблюдения были долгими и скрупулезными. Огромное здание фабрики, несколько домов, крайне похожих на жилые — точнее, на казармы, такой уж у них вид. Несмотря на время — то ли поздняя ночь, то ли раннее утро — в распахнутые ворота въезжают обозы с рудой, тянутся наружу разгрузившиеся. Так и что же у нас происходит с рудой, точнее, с кусками очень знакомого по цвету необработанного камня? Того самого, из которого сделаны «тарелочки» и символы богов и ботинь?

Интересные вещи с камнем происходят. Мешки спускают подвал по кругому деревянному помосту своим ходом... а внизу их подхватывают проворные работники,

перегружают на тележки, увозят по широкому пандусу на первый этаж. А там уже совершенно другой мир, там технологии, превосходящие здешний уровень развития с его кузницами и примитивными станками, которые приводят в действие ремесленник, и трудяга и сам себе механизм. Во всю длину зала (освещенного, блин, электричеством!) тянутся в четыре ряда металлические, несомненно, высокие короба, кое-где отстоящие друг от друга, соединенные конвейерными лентами. Камень загружают в широкий проем первого короба, по конвейерам неспешно проплывают изделия разной степени готовности — и, наконец, из последнего выезжают готовые «тарелочки», которые столь же проворно пакуют рабочие, складывают в ящики из тонких досок, перекладывают стружками, уносят на склад.

Что у нас на втором этаже? Да та же картина, только здесь на выходе — не тарелочки, а символы, которые в соседнем помещении уже вручную дополняют ремешками для ношения на шее. Работа кипит прямо-таки по-стахановски, полное впечатление, что они собирались облагодетельствовать своими поделками всех жителей Талара...

На третьем и последнем этаже — снова символы. Кажется, понятно, почему их больше: «тарелочки» — все же бытовое украшение, не всякий и соблазнится, а вот богов и богинь приверженцы оных, как свидетельствуют доклады людей Интагара, раскупают в гораздо большем количестве. Неплохо продумано.

На третьем обнаружилось не такое уж большое, но крайне любопытное помещение: там стояли прекрасно знакомые Сварогу синтезаторы, неотличимые от тех, что и сегодня применяются в Империи, способные в том числе и изготовить золото из любого мусора, в точности как у классиков. Как две капли воды... Из плоских воронок ручейками текут в небольшие ящики золотые монеты — теперь понятно, почему они так щедры, эти, из Радианта — эта щедрость им ничего не стоит, как

ничего не стоит ларам... Работающие на земле агенты восьмого департамента и девятого стола именно таким образом снабжаются полновесным золотом — разве что синтезаторы настроены так, чтобы выдерживали должную пропорцию золота и серебра. Есть догадки, от кого синтезаторы сюда попали, — и небезосновательные...

Рабочие... Четко делятся на две категории: те, кто занят примитивным трудом, таскают круглое и катают квадратное, судя по пластике движений, несомненно, куклы, а вот те, что наблюдают за работой станков, конвейеров и синтезаторов — очень похоже, свободные, наподобие Иляны. Одежда застегнута доверху, и потому не видно, есть ли у них на шее каменные ожерелья — но они должны быть...

Обезьян мелодично прочесывал один этаж за другим — Сварог пытался найти те дорожки, по которым через Зазеркалье изделия из камня попадают на Талар. Но так ничего и не обнаружил. Ящики с изделиями и золотом оседали на складах. Скорее всего, вход в Зазеркалье находился где-то в другом месте, которое, не зная точно, где оно, никакой техникой не засечь, для этого нужны пленные, способные объяснить внятно — но, учитывая то, что произошло с Иляной, неизвестно еще, окажутся ли они на это способны...

Когда Сварог, увидев все, что хотел увидеть, распорядился прекратить наблюдения, за окном уже обозначился бледный осенний рассвет. Упервшись лбом в прохладное стекло, он долго смотрел на унылую равнину и видневшийся вдалеке большой полуденный тракт, в отличие от полуночно, где во всякое время суток тянулись обозы с камнем, в эту пору совершенно пустой. Ну что же — с богом, потихонечку начнем.

...Трое всадников неслись во весь опор по неширокой, едва различимой с седла дороге, петлявшей между голых корявых веток подступавшего с обеих сторон леса

и скальными выступами. Когда попался прямой участок длиной поболее лиги, Сварог обернулся. Далеко позади виднелись два всадника, казавшиеся совсем крохотными — шпики, прицепившиеся сразу же, едва Сварог с Гаржаком и отцом Роланом въехали в город. Дистанция меж «хвостом» и ними оставалась почти неизменной. Сварог, учитывая, в каком мире придется работать, принял меры заранее. В Саваджо он, понятно, взял бы машину с форсированным движком, а здесь требовалось нечто иное...

Прорабатывая планы самым тщательным образом, он в конце концов вспомнил о «живых минах», которые помимо прочего, производил его подземный завод в Хелльстаде. Точнее, о тех из них, что являли собою великолепную имитацию старых кляч, способных привлечь внимание и вызвать интерес разве что у живодеров. Не так уж трудно было поставить вопрос ребром: может быть, завод способен качественно улучшить продукцию с упором на дизайн?

Оказалось, способен. Нужно было внести в программу небольшие изменения, с чем быстренько справился один из Золотых Обезьяннов. Получилось несколько неотличимых от настоящих великолепных верховых коней, они и на ощупь были теплыми, как живой конь, вот только превосходили в скорости любого живого коня. И таили в себе те же самые бомбы — на всякий случай... Любой здешний всадник от них безнадежно отставал — как это и происходило сейчас со шпиками: сколько бы они ни нахлестывали коней, дистанция не сокращалась. Стальной конь идет на смену крестьянской лошадке, вспомнил он мимолетно и невольно улыбнулся.

Разница в скорости небольшая, каких-то десяток лиг в час — но этого вполне достаточно. Безусловно, не стоит тащить за собой хвост к Радианту — но подходящее мечечко, где нетрудно срубить его тяпкой, уже намечено. Для этого не требовалось особой проницательности: конным следовало ожидать конного же хвоста, ничего ново-

го, все, как на Таларе. А изучить данные аэрошмелесьемки тоже было нетрудно...

Вот он, поворот, за ним густой лес, несмотря на голые ветки, способный легко укрыть всадников от глаз преследователей. Сварог свернул туда первым. Они остановили коней уardaх в десяти от дороги — углубись всадники дальше, дороги бы уже не видели.

— Командир... — тихонько произнес Гаржак, с азартным видом запустивший руку под камзол.

В руке у него оказался большой черный пистолет из арсенала «Рагнарока». Буквально за неделю до рейда Сварог возил графа за облака, где Гаржак прошел неплохой курс стрельбы из многих видов ручного оружия — и сейчас явно горел желанием применить полученное умение на деле.

Сварог недовольно поморщился: при всех своих достоинствах Гаржак еще не достиг черты, за которой человек с более богатым опытом привыкает убивать лишь в случае крайней необходимости. А таковой не имелось. Достаточно было старинного умения Гэйров-лошадников, оказавшегося сейчас необходимым подспорьем — впервые за все время пребывания Сварога здесь.

Решительным жестом он велел Гаржаку убрать пистолет, и граф дисциплинированно подчинился, хотя с гримасой сожаления, промелькнувшей на лице. Ничего, повзрослеет, научится не драться ради драки...

Сварог увидел несущихся галопом всадников, встрепенулся, поднял ко рту согнутую ковшиком ладонь и произнес нужные слова про себя, шевеля губами.

Фамильное умение и здесь прекрасно действовало — кони сбились с аллюра, встали, бороздя задними ногами каменистую землю, едва не сбросив всадников, а потом, поплясав на месте, оскалясь, разбрасывая пену, развернулись и вновь помчались галопом, но уже в обратную сторону, чтобы остановиться лиг через десять, не ближе. Отчаянно пытающиеся как-то укротить взбесившихся ко-

ней всадники исчезли с глаз — и Сварог выехал на дорогу, пустил коня галопом.

Холодный ветер бил лицо тугими струями, превращая лицо в холодную застывшую маску, тяжелые, подбитые беличьим мехом плащи взметывались за спиной так, словно сделаны из тонкого шелка. Небо казалось низким, его затянула сплошная серая пелена, порой разражавшаяся снежной крупкой, обжигавшей лицо многочисленными уколами. Но это лишь придавало бодрости и боевой злости — такая вот окружающая пятница... По таларскому счету, конечно, у них тут свой календарь на который, откровенно говоря, сейчас глубоко плевать...

Увидев справа характерную скалу, заранее назначенную в качестве ориентира, Сварог свернул с дороги. Не стоило подъезжать к Радианту с «парадного входа» — хотя все равно придется именно через него войти внутрь, потому что другого пути попросту нет, хоть ты тресни. И никакого нарушения приказа нет — Канцлер согласился с таким вариантом, ну, а то, что он может оказаться смертельно опасным, уже дело десятое. Можно подумать, впервые. Так что не стоит пугать ежика известным предметом...

Лес кончился, окружающее пространство распахнулось, как театральный занавес, только быстрее. Они перешли на рысь, оставили коней неподалеку от крутого откоса, откуда прекрасно можно было рассмотреть Радиант — именно такой, каким его увидели Шмели, — так что это не наведенный противником мираж, наподобие «голографической завесы», используемой имперскими спецслужбами. Реальный облик врага. Вот она, дорога, вот он, проем...

Кони, разумеется, стояли смирнехонько, в отличие от живых собратьев, ни разу хвостами не взмахнули, не переступили с ноги на ногу, не мотали головами. Вообщество они и на это были способны, но соответствующей команды не получили.

Спрыгнув на сухую каменистую землю, не теряя времени, Сварог вмиг развязал хитрый узел седельного мешка — у него, единственного из троих, он был при себе. Расстегнул у горла большую, массивную застежку-бляху, аккуратно перебросил теплый плащ через седло. Моментально навалился промозглый холод, но ничего тут не поделаешь, приходилось терпеть.

Расстегнул пояс с мечом, вновь застегнул квадратную вычурную пряжку, повесил вряд ли пригодное здесь оружие на луку седла. Перекинул через плечо кожаную перевязь с несколькими кобурами, с которой выглядел как герой какого-нибудь лихого голливудского боевика, но что же тут поделаешь, неизвестно, с кем там придется столкнуться, так что необходимы самые разнообразные стволы, как говорится, на все случаи жизни...

Нахлобучил серебряную митру хельстадского короля, поправил ее, как привык это делать с фуражкой. Набросил на плечи алую королевскую мантию, щелкнул верхней застежкой. Посмотрел на спутников. Брат Ролан, мужик опытный, повидавший виды, держался, как и следовало ожидать — сидел в седле с непроницаемым лицом, готовый к любым неожиданностям. Гаржак, как опять-таки следовало ожидать, прямо-таки пылал яростным желанием пойти со Сварогом, но дисциплинировано помалкивал. Сварог протянул ему черную коробочку, рацию:

— Как обращаться, помните?

— Конечно, командир, — сказал Гаржак с застывшим лицом. — Помню все, что следует сказать, если вы через полчаса не вернетесь или случится что-то, видимое отсюда...

— Отлично, — сказал Сварог.

И взмыл над краем откоса, бесшумно, как призрак, полетел к проему. Если удастся пройти через силовое поле, получаса вполне достаточно для разведки, а чтобы погибнуть при неудаче, вообще нужны какие-то секунды. Идеальный выход при неудаче — попасть в плен. Такой

вариант предусмотрен, в ход пойдет безопасное для лара оружие, так что Сварог имеет все шансы уцелеть посреди катаклизма — еще и поэтому не следовало брать с собой спутников, для них такой финал был бы смертельным...

Он коснулся земли подошвами сапог, встал перед проемом, видел отсюда, что он озарен неярким сиянием, ничуть не ослепляющим, напоминавшим ясный день, не особенно и солнечный. И, не колеблясь, шагнул вперед, откинув мантию за спину так, чтобы в случае чего моментально выхватить нужное оружие. Не было ни чувств, ни эмоций, ни мыслей — как много раз прежде, он превратился в расчетно-наводящую приставку к оружию, не имевшую права на мысли и чувства и уж тем более на эмоции.

Старался ступать как можно тише и мягче — очень уж неприятным эхом отозвались под сводами тоннеля первые шаги. Тихо и пусто. Каменное ожерелье Иляны со старательно запаянной цепочкой давно нагрелось от тела и нисколечко не холодило кожу,

Ага... Вот оно, то самое место. Для надежности Сварог достал из кармана камзола Золотого Шмеля и пустил его вперед. Шмель, трепеща крыльшками, остановился, почуяв поле, примерно в том месте, где Сварог и рассчитывал. Как он ни старался не допустить посторонние мысли — но попробуйте не думать о белой обезьяне... В голове промелькнула мысль: с точки зрения незыблемых законов аэродинамики ни шмель, ни майский жук попросту не имеют права летать — но как-то же ухитряются, стервецы... И давненько уж чешет репу в тягостном раздумье ученый мир, ничего не в силах объяснить...

Взяв застывшего в воздухе Шмеля, Сварог положил его обратно в карман, осторожненько, шажок за шажком двинулся вперед, вытянув перед собой левую руку: если это а к т и в н а я защита, наподобие тех полей, что закрывают на с т о я щ и е резиденции наместников (здешние ф а л ь ш а к и, впрочем, тоже), в худшем случае лишится пальцев, что не так уж и опасно: заклинание,

чтобы остановить кровь, есть, как и другое, позволяющее моментально создать кучу бинтов. Имперская медицина в состоянии регенерировать все, кроме мозга. Придется, будучи пораненным, в хорошем темпе отступить и дать сигнал к атаке — только-то и дел. Правда, нужно учитывать, что те, впереди, получат сигнал тревоги и вдогонку ринется некая стража, если она тут есть — но перевязь при нем, снаружи можно и разобраться...

Силовое поле он миновал беспрепятственно — вполне возможно, догадка оказалась верной, и каменное ожерелье служило еще и чем-то вроде пропуска сюда. За поворотом — такой же коридор, только длиннее, он нисколечко не понижается, идет строго горизонтально... Эх!

Не было ни страха, ни растерянности. Он просто остановился и выдернул из кобуры торт — оружие, рвавшее связи меж молекулами, ту его разновидность, что была предназначена для н е ж и в о г о.

Вторая линия защиты, конечно. Примерно на середине коридора путь преграждала шеренга темно-зеленых ящериц размером с крупную собаку, другие, неведомо как удерживаясь, застыли поперек полукруглого тоннеля, на стенах, на потолке. Было их штук тридцать, этакий пояс в один ряд. Ну?

Сварог сделал пару шагов вперед. Вновь остановился — ящерицы словно ожили, подняли головы, разинули зубастые пасти — одного цвета со шкурой, что ему поневоле напомнило черных пантер Вентордерана.

Пожалуй, он выбрал оружие правильно — было много общего, ящерицы казались ожившими каменными скульптурами, такой уж у них был вид. Ничего странного: эти, из Радианта, мастера проделывать с камнем разнообразные штуки...

Ящерицы двинулись к нему — неторопливо, целестремленно, с хищной грацией, словно бы бесшумно перебираясь в воздухе, подобно капелькам ртути. Вполне возможно, каменное ожерелье служило пропуском и для них — но чересчур опасно экспериментировать,

нельзя подпускать их близко, если навалится вся свора, живым уже не выйти...

Он нажал на спуск, описывая дулом контуры, повторяющие очертания тоннеля. Все происходило в совершеннейшей тишине — ящерицы исчезали одна за другой, превращаясь в облачка пара, медленно тающие под сводом, их становилось все меньше и меньше, пока не осталось ни одной.

Кривя губы в усмешке, Сварог стоял, не убирая оружие. Однако ничего не происходило, никто не появился в тоннеле по его душу. Защита, безусловно, рассчитана на здешних людей с их скромными возможностями, и не более того... Что, если они имели основания думать, что однажды куклы смогут взбунтоваться? Не время строить догадки...

Он двинулся вперед, держа оружие наизготовку.

Добравшись до конца туннеля, увидел Радиант.

Огромная пещера, не имеющая второго выхода, залита тем же неярким сиянием, что и тоннель. Сварог шагал, как во сне, и вскоре остановился, решив, что идти дальше нет смысла, все и отсюда прекрасно видно.

Пещера, где стены и слегка выгнутый подобием купола потолок словно бы выложены черными камнями величиной с человеческую голову, напоминавшими булыжную мостовую. Внутри каждого неторопливо кружили цепочки, ручейки огоньков, главным образом зеленых, но были и рубиновые в гораздо меньшем количестве.

А на полу валялось в разнообразных позах много человеческих скелетов. В ноздри ударила омерзительный запах разложения — ага, вот оно, неподалеку очередной покойник был на полпути к превращению в скелет...

Зеленые и рубиновые огоньки слегка ускорили плавное скольжение, складываясь в новые узоры, помогая — и на Сварога словно обрушилась невидимая волна, несущая в себе злость, раздражение и враждебность. Он не смог определить, что это такое, но знал одно: все эти

вполне понятные эмоции были чем-то иным, холодным, нечеловеческим.

Как волна накатилась, так и отхлынула. Никакого присутствия магии — но если бы он взял с собой спутников, они сейчас лежали бы на каменном полу, в лучшем случае лишившись сознания, а в худшем... Это на него загадочная волна не подействовала ничуть — а обычным земным людям могла принести и смерть...

Нахлынула новая волна, слабее — безграничное удивление. Так вот оно что!

Никаких других хозяев Радианта нет. Только эти. Загадочные камни, наделенные нечеловеческим разумом, виновники всего — в том числе, вполне возможно, и создатели окутавшего Нериаду неизвестного поля, превратившего людей в кукол, освоившие загадочные тропы Зеркалья.

Откуда они взялись, такие? Если предположить, что до Шторма их не было, догадка напрашивается сама собой. На Таларе Шторм, помимо разрушений, создал Хелльстад. По Сильване прошелся жутким катаклизмом, вроде бы не принесшим никаких загадочных чудес. Теперь превратил из обитаемой благополучной планеты в настоящее пекло.

А здесь возник Радиант. Невероятно чуждый человеку разум, в конце концов решивший перейти в наступление. Почему только теперь? Возможно, они неспешно эволюционировали, набирались сил и умений, приобретали новые способности...

Волны раздражения, тягостного непонимания, досады накатывались одна за другой. Не было смысла здесь оставаться — кто знает, какие еще сюрпризы у них в запасе? Отступая спиной вперед, Сварог оказался в туннеле — и, нисколечко этим не удручааясь, припустил бегом, время от времени оглядываясь через плечо.

Оказавшись снаружи, он тут же взмыл в воздух и на предельной скорости помчался к плато, где стояли, по привычке держа коней под уздцы, его спутники, слиш-

ком взволнованные сейчас, чтобы как-то выказать радость, увидев его целым и невредимым.

Выхватив у Гаржака рацию, Сварог нажал клавишу и, когда отозвался звенищим от возбуждения голосом дежурный офицер эскадры, кратко изложил все необходимое. Услышав в ответ, что его прекрасно поняли, отключил связь. Подошел к самому краю высокого откоса и неотрывно смотрел на Радиант, не в силах понять собственных мыслей и чувств — если они вообще были.

Ветер трепал алую мантию, но холода Сварог уже не чувствовал. Рядом плечом к плечу, стояли его спутники, которым так и не выпало ни малейшей оказии проявить себя — но так даже лучше, чем меньше драк, тем спокойнее жить...

Как он и думал, ожидание продлилось недолго, так что оказалось не столь уж томительным. Под серым низким небом показались серебристо-стальные треугольники гвардейских корветов, полдюжины, они бесшумно снижались, выходя на боевой заход...

Повисли над Радиантом совсем невысоко. Казалось, ничего не происходит, не видно никаких световых эффектов — но котловина словно вспутилась, вскипела, поднималось тяжелое темное облако, в конце концов быстро скрывшее и высокие пики (явно антенны здешних излучателей), и Радиант. Все так же, в совершеннейшей тишине, облако распухло,ширилось, почти достигнув кромки откоса, полностью скрыв, затопив котловину. А потом в некий неуловимый миг стало словно бы таять, оседать, открывая возникшую на месте Радианта глубокую, почти геометрически правильную воронку, словно обрезанную снизу, исполинскую, человек на ее плоском дне казался бы муравьем.

Сварог смотрел вниз, замерев статуей, чувствуя, как лицо застыло холодной маской. Как уже случалось однажды, в голове звучал высокий, чистый женский голос, на сей раз другой — голос неизвестной девушки, умершей тысячелетия назад.

*Алео траманте,
беле аграманте,
чедо каладанге,
э виле...
Конеченто ленте,
мале неференте,
теле наджаленте,
таде...
Таре аталантe,
белео цараптe,
чере кондарантe,
годе...*

Незатейливая мелодия, удар барабана после каждой третьей строки, четвертая звучит прямо-таки чеканно, легоньким вскриком. Он понятия не имел, почему к нему так привязалась эта песня, почему он испытывает непонятную смесь любви и ненависти — но подозревал, что это неспроста. Слишком многое, с чем он сталкивался в странствиях и боях, потом напоминало о себе в самый неожиданный момент и самым неожиданным образом...

Не было ни радости, ни тоски, ни тяжкой усталости. Не было вообще никаких чувств. Он смотрел на исполинскую воронку, оставшуюся на месте Радианта, на низкое, грязно-серое небо, в котором давно исчезли корветы, без малейших эмоций. Впервые со времени появления здесь он стал участником чего-то *прежне го* — грандиозной войсковой операции, где ему, если подумать, оказалась отведена роль командира разведвзвода — ну, предположим, успешно выполнившего задание, но это мало что меняет, не вызывая ничего, кроме привычной, отнюдь не буйной радости оттого, что бой наконец кончился.

Не было ни долгих странствий, ни особых опасностей, ни схваток с диковинными тварями или нечистью. Не такая уж долгая технотронная войнушка, завершившаяся блицкригом в лучшем стиле фон Шиффена, разве что

с поправкой на технические достижения времени и века. В схватке, где выжить позволялось только кому-то одному, сошлись примерно равные по силе соперники и каждый располагал чем-то, чего не имелось у противника. В конце концов победил тот, чье оружие давало ему нешуточное преимущество в данной конкретной ситуации: ни один человек не погиб и даже не ранен. То же касается созданий не разумных. Как стояло в титрах какого-то виденного в детстве кинофильма, во время съемок ни одно животное не пострадало. Список боевых потерь чист, как праздничная скатерть, только что постеленная, еще пахнущая крахмалом — так что никаких чувств и эмоций... Итог как итог, не хуже и не лучше многих других...

Он повернулся к спутникам, все еще ошеломленно глядевшим туда, где больше не было Радианта, произнес без всякого выражения:

— Ну что, господа мои, на коней?

И первым вскочил в седло. А все же это здорово, это просто прекрасно — что не приходится ни о ком сожалеть...

ЭПИЛОГ

Он неторопливо шагал по одной из главных улиц Даркаш-Вата — уже без маски, в своем подлинном обличье — отпала всякая нужда в маскировке. Никто не обращал на него внимания — еще один дворянин средней руки, только и всего. Оставался человеком-невидимкой, хотя...

Хотя в поведении горожан произошли интересные перемены, заметные с первого взгляда. Все так же проезжали экипажи и всадники, павлинами держались прогуливавшиеся пешком дворяне, степенно шагали купцы, чиновники и судейские, сутились уличные торговцы с лотками на груди...

И все же что-то изменилось. Теперь люди держались совершенно иначе, исчезло то силовое поле, что укутывало каждую куклу. На многих лицах легко читалась ошарашенность, растерянность, оторопелость. Они ничего еще толком не осознали, но не могли не почувствовать свободы — и не знали, как с ней теперь управляться, походка и движения выглядели чуть неуверенно, как у большого, впервые вставшего с постели после долгих месяцев неподвижности.

Ничего, понемногу придут в себя, как показал старый эксперимент. Многие выглядят так и не проснувшимися

до конца после долгого и тягостного кошмарного сна — но это пройдет. Некоторые воспримут внезапные изменения свободы тела и мысли быстрее и легче других. Взять хотя бы короля, который наверняка не без удовольствия станет вести прежнюю развеселую жизнь игривого потаскуна — так же будет и со многими, чья программа просто-напросто так и перельется в новую жизнь без особых изменений в поведении и обретенном образе мыслей, свободе воли...

Эта их оторопелость как нельзя более благоприятствовала действиям армейцев и спецслужб, которые не проснувшись до конца жители столицы, как показали первые примеры, не замечали.

Полсотни десантников, обрушившись из низкого северного неба, за пару минут заняли «королевскую камнерезную фабрику», не встретив ни малейшего сопротивления: большая часть персонала, все с каменными ожерельями на шее — особо доверенные лица, ага — лежала на рабочих местах в совершеннейшей прострации, подобно тому, как это случилось с Ильной, вмиг лишившейся связи с кукловодами. Их попросту оттаскивали в сторонку, если мешали. Другие, все время пребывавшие куклами, по инерции пытались доделать прежнюю работу, что при отсутствии доброй половины работников было не более чем бессмысленной суетой. Этих быстренько согнали в табунок и со свойственной любой десантуре непринужденностью загнали в один из жилых домов, чему они, в общем, не противились.

Следом нагрянули люди Марлока и всевозможные эксперты всех без исключения спецслужб. Беглый осмотр быстро показал, что Сварог нисколечко не ошибся: камнерезные станки оказались сделанными с помощью старинных имперских технологий, с незапамятных пор пылившихся в Музее техники. Кое в чем повторялась история Брашеро, именно там пошарившего. Синтезаторы современных моделей, один в один. Кроме того, обнаружился источник питавшей фабрику энергии,

опять-таки стандартный генератор апейрона, внутри которого мирно светился золотистый шарик величиной с лесной орех, способный обеспечить питанием на многие десятилетия вперед. В *к р а ж и* как-то плохо верилось. Без участия людей из Магистериума здесь не могло обойтись.

Ну что же, магистр Саторнин уже арестован — без церемоний и соблюдения тайны. Люди Канцлера его повязали прямо в Магистериуме, на глазах у всех, чуточку демонстративно. В том, что он очень быстро начнет петь, как каталаунский соловей, сомнений не было: улик против него целый ворох. Принц Агеляр, стремясь загладить вину и остаться в сторонке, готов выступить коронным свидетелем, да вдобавок над головой высоколобого Дамокловым мечом повисла седьмая статья Эдикта.

Рано делать какие-то заключения, но Сварог, в чем был не одинок, полагал, что перед ними — осколочек заговора Брашеро. Вполне возможно, магистр оттого и спутался с Радиантом, что ему пообещали претворить в жизнь планы Брашеро по превращению всех обитателей двух планет, как ларов, так и землян, в уходящие за горизонт колонны ярых служителей науки. Вполне правдоподобная версия.

Если она верна, высоколобый ученый муж предстает форменным идиотом, не способным просчитывать ходы наперед. Вряд ли Радиант стал бы своими руками усиливать конкурента и позволять ему стать сильнее с развитием науки и техники. Радианту требовалось послушные куклы, не более того. Так что об участии магистра в случае успеха заговора догадаться нетрудно...

Ничего у них пока что не было, кроме версий. Радиант сметен с лица земли, а его «разумные» инструменты наподобие Иляны окажутся совершенно бесполезными, именно потому, что они не более чем инструменты, знаниями обладали лишь уничтоженные хозяева Радианта.

«Коллективный разум... — задумчиво хмуриясь, говорил профессор Марлок. — Любопытно... Надо полагать,

включавший и частичку человеческого — судя по словам Иляны, судя по найденным вами в Пещере скелетам, камни вбирали в себя и сознание людей. Вы наверняка не обратили внимания, но я несколько раз просмотрел ленту с извлеченными из вашей памяти воспоминаниями. У всех скелетов на шее — каменные ожерелья. Когда возникала такая необходимость, их высасывали. Коллективный разум. Обширная делянка для дискуссий, гипотез и предположений, но сейчас никогда этим заниматься...»

Кто доволен жизнью несказанно, так это Марлок. С полуодюжины ближайших сотрудников и он, как ракета, носится по столице, разрываясь меж тем, что ему интересно. Сварог предусмотрительно дал им хельстадских коней — живых они, пожалуй что, загнали бы. Его собственные подчиненные из обеих контор, как и агенты других спецслужб, тоже метались по столице, стараясь обнаружить и отловить «доверенных лиц» — чьи физиономии опять-таки извлечены из памяти Сварога...

Ему еще здесь работать и работать. Хорошо, что донесение моментально ушло на Талар, и Яна за него уже не беспокоится. А кое-кто уже всерьез озабочен собственными проблемами...

Сварог не сомневался: стоит ему вернуться на Талар, вскоре пригласит Диамер-Сонирил и вновь в мягкой дипломатической форме сделает недвусмысленный намек. И Сварог, как в прошлый раз, напишет отчет, из которого будет следовать, что победу, конечно же, одержал именно что восьмой департамент в лице его начальника, а все остальные играли роль чисто вспомогательную. Принц и его канцелярия... чуть не ляпнул по привычке «на белом коне, все в белом». Здесь традиции другие, белый — цвет траурных одеяний, а на белых конях возят исключительно покойников, Победитель, триумфатор здесь предстает на «солнечном» коне, то есть рыжем. Но какая разница... Снова, как в песне.

*Я стою сегодня перед строем,
в этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,
награжден и назван молодцом...*

Уж это непременно. У Диамер-Сонирила хватает недостатков, как у всех, но следует признать за ним и несомненное достоинство — он умеет быть благодарным. На всех, кто каким-то боком причастен к только что отшумевшей операции «Марен», вскоре ливнем прольется немало наград, от скромных медалей до звезд. Самому Сварогу на них глубоко плевать. Еще в прошлой жизни он в свое время исполнился некого спокойного равнодушия к регалиям. Знающие люди подтверждают: нешуточную радость приносит первая награда, как впечатывается в память первая женщина, невзирая на обстоятельства, в которых все происходило. Последующие, помимо легкого удовлетворения, неизменно сопровождаются мыслью: «Ну вот и еще одна...» Волнительная прелесть новизны уже не вернется. Ну что же... Ему самому очередная блямба никакой радости не доставит, а вот Канилле разлапистая, сверкающая самоцветами звезда будет в радость, да и в жизни поможет, репутацию в ученом мире укрепит. Марлок обещал из кожи вон вывернуться, но добиться для нее Золотой Колбы — еще лучше. Да и Гаржау с Интагаром, как и другим, будет радостно...

Он старательно думал только об этом — но прекрасно понимал, какие мысли отгоняет. Мысли о том случае, когда на него неожиданно обрушилась вереница образов — Ильяна на фоне Радианта, лица других «доверенных». И это по всем ощущениям как две капли воды походило на приключившееся с ним в Глане, когда он не обязательный ритуал, как оказалось, выполнил, а всерьез обнялся с Землей-Матушкой к ошеломлению старух-ведуний. Как две капли воды...

— Ничего нового, — сказал профессор Марлок, задумчиво хмурясь. — Давным-давно есть гипотеза, что пла-

неты — живые и даже разумные существа. Конечно, их разум, эмоции, чувства и побуждения не имеют ничего общего с человеческими — но во вред человечеству не направлены, пока оно не станет некой угрозой для планеты. Библиография обширная, — сказал Марлок, — и публикации имперских ученых, и труды земных книжников, вы просто никогда этим не интересовались всерьез, лорд Сварог. Вот только гипотезы так и остаются гипотезами, не получившими научного подтверждения — а то, что пишут книжники, получено эмпирическим путем, и потому для науки аргументом быть не может. Одним словом, никто пока что не занимается этим всерьез, хотя то, что вы рассказываете, безусловно интересно и творением вашего собственного мозга оказаться никак не может. Ну, не до того пока, слишком многое приходится оставлять на потом...

Значит, Нериада... Вполне возможно, Радиант для нее был чем-то вроде злокачественной опухоли, с которой она не могла отчего-то справиться собственными силами. Чуть только позволит основная работа, нужно закопаться с головой, научные материалы подберут Канилла с Элконом, а труды книжников — мэтр Анрах...

Он столь же неторопливо свернулся в ту самую узкую уличку, ведущую к «Синей кошке». Именно там Сварог устроил свой штаб — почти центр города, место удобное, мало ли куда придется срываться, так лучше, чем сидеть за городом в резиденции. Все прошло гладко: еще не вполне прошли гости хозяина навестили двое несомненных дворян и сняли заведение на неделю, объяснив, что намерены как следует отпраздновать там некое торжество, поваров, подавальщиц и слуг привезут своих. На двух других планетах подобное случалось нередко — как оказалось, и здесь тоже, хозяин ни малейшего удивления не выказал, так что силовые методы применять не пришлось. Золото, которым с ним расплатились, было самым настоящим, монеты ничуть не отличались от имеющих здесь хождение...

Как и в прошлый раз, уличка была пуста, и Сварог неторопливо шагал по булыжной мостовой меж двух рядов узких, в пару-тройку окон, домов с высокими острыми крышами, затейливыми водосточными трубами, завершившимися у земли тронутыми ржавчиной и зеленым окислом, головами каких-то мифологических тварей, из разверстых пасть которых струились в водостоки мутноватые ручейки — вновь моросил редкий дождик, временами сменяясь вихорьком влажных снежинок, тающих еще в полете.

— Лорд Сварог...

Сварог резко обернулся. В нескольких шагах от него стоял посреди узенькой улички незнакомец в черном плаще с серым величественным воротником, какие здесь носят небогатые купцы и разные стряпчие невеликого достатка. Узкое брюзгливое лицо с тонкими бледными губами, физиономия ничем не приметная, хотя на шпика не похож, вот только интересно, как он ухитрился незамеченным и не услышанным оказаться за спиной Сварога примерно на середине квартала? Как ни задумался Сварог, а кое о чем автоматически помнил. Никак не смог бы незнакомец красться в своих сапогах бесшумно по булыжной мостовой...

— Не уделите ли мне пару минут вашего драгоценного времени, лорд Сварог? — спросил незнакомец с некоторой иронией в голосе. — Разговор будет интересным...

Сварог, цепко глядя на него, пустил в ход кое-какое умение — до боевых монахов ему было, конечно, далеко, но кое-какая сноровка имелась. Брезгливо покривил губы: вот ты кто... Безусловно, черный. Вот только... Перед ним стояло не создание из плоти и крови, а некая проекция, не имеющая ничего общего с призраками и бесплотными духами. Проекция человека — или создания, имеющего вид человека, находившегося сейчас где-то далеко отсюда. На Таларе подобные визитеры давненько уже не показывались средь бела дня, а здесь держатся нагло, похоже...

— А как насчет «Отходной черным гостям»? — усмехнулся Сварог недобро.

— Ваша воля, — незнакомец покривил бледные губы в подобии усмешки. — Мне, конечно, придется удалиться... но разве вам не интересно знать, с какой миссией меня к вам направил Великий Мастер? Вы всегда были любопытны...

— Ах, вот оно что... — протянул Сварог. — Что же он сам не явился? Ну да, я и запамятовал. Ему сейчас как-то не с руки...

Незнакомец бесстрастно отозвался:

— Ну, в конце концов, у него остается дорога во множество других миров, так что не стоит чваниться мимолетной победой, особо не затрагивающей наши интересы... Лорд Сварог, я прибыл, чтобы от лица Великого Мастера выразить вам искреннюю благодарность за свершенное и поздравить с победой над этими проклятыми камнями, в результате глупой случайности получившими разум. Верить или не верить — ваше дело, но и поздравления и особенно благодарность — самые искренние, горячие. Вы оказали Великому Мастеру серьезнейшую услугу...

— Вы полагаете? — спокойно спросил Сварог.

— Именно так и обстоит, — усмехнулся незнакомец в черном. — Разумеется, вы об этом не подозревали, но с иными серьезными услугами именно так и обстоит... Позвольте, я внесу полную ясность?

— Сделайте одолжение, — сухо сказал Сватрог, отговаря некие неприятные предчувствия, смутные, не оформленные в ясные мысли.

— Все дело в душе, лорд Сварог, — сказал незнакомец. — Несколько тысяч лет здешние жители не знали ни греха, ни добродетели, ни зла, ни добра. Потому что были лишены собственной воли. Соответственно, их души после смерти не попадали ни к Великому Мастеру, ни к... другому. Для них отведено место, куда попадают души тех, кто оказался недостаточно грешен... и недостаточно добродетелен. Предназначенное изначально не для

них одних, но оказавшееся самым подходящим для них место. Вы не можете об этом месте не знать, вы много общаитесь с монахами и этими... служителями.

— Знаю, — сказал Сварог. Неприятные предчувствия охватили сильнее. — И что?

— Вы освободили местных жителей, вернули им свободу воли, — бесстрастно сказал незнакомец. — Тем самым вернули в этот мир и добро, и зло. Они будут воевать, грабить, убивать, насиливать, совершают все мыслимые грехи, и тем погубят свои души. Которым предстоит обогатить сокровищницу Великого Мастера. К нему до скончания времен будут попадать новые и новые...

— Не все, — сказал Сварог, ощущив вокруг то ли холод, то ли пустоту. — Далеко не все...

— Я и не утверждаю, что это будут в с е, — сказал незнакомец словно бы с превосходством. — Однако их будет немало. Вы прекрасно знаете, сколько в этом мире грешников, знаете, что путь греха многим и многим представляется гораздо более легким и привлекательным, нежели путь добра. И знаете, куда этот путь греха ведет... Так что поверьте: благодарность Великого Мастера искренняя и горячая, вы ему оказали неоценимую услугу... Позвольте откланяться, я все сказал...

Он коротко поклонился — и в следующий миг его уже не было в узкой улочке, на мокрой булыжной мостовой. Сварог остался один. Смотрел перед собой невидящими глазами, и душу леденила смертная тоска. Незваный гость не произнес ни слова лжи. Все так и обстояло — не располагая свободой воли и выбора, человек не способен ступить ни на путь добра, ни на путь зла, не может ни спасти, ни погубить свою бессмертную душу.

О т а к о м повороте событий Сварог не задумывался совершенно. Нельзя было иначе, доведись пережить все снова, он поступил бы точно так же, даже зная все наперед. Другое дело, что у победы всегда есть своя цена, и порой она велика, ложится на плечи тяжким бременем, с которым предстоит прожить все отведенное время, и эту

тяжесть не снимут никакие покаяния, никакие свершения во имя добра...

Он долго еще стоял на узкой грязноватой улочке, невидящими глазами уставясь куда-то вдаль так, словно ожидал, будто появится кто-то добрый и заботливый, снимет с плеч неподъемную тяжесть, с которой предстоит пройти всю оставшуюся жизнь.

И прекрасно знал, что на выручку никто не придет, что за иные победы предстоит расплачиваться в одиночку...

Красноярск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. О смерти и жизни	5
Глава II. Девушка из баллады и прочие	35
Глава III. Когда ползают камни	79
Глава IV. Безмятежные пляски.	94
Глава V. «Каменных дел мастера».....	118
Глава VI. Лирические беседы у камина	164
Глава VII. Пощечина и прочие сюрпризы	184
Глава VIII. Новости и разговоры	207
Глава IX. Блицкриг: прелюдия, она же увертюра.....	221
Глава X. Английский джентльмен приехал в Бенарес.....	257
Глава XI. Блицкриг: скрыться от осени	306
Эпилог	325

*Авторы стихов, приведенных в романе:
Франсуа Вийон, Владимир Высоцкий,
Гвидо Гоццано, Ганс Сакс,
Михаил Танич, Николай Тихонов,
Михаил Щербаков.*

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

РАДИАНТ

Роман

Ведущий редактор В. В. Кузьмин

Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой

Компьютерная верстка С. В. Тихомирова

Корректор М. Д. Надёжина

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

**Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.**

Подписано в печать 29.10.2017.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Palatino.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч. изд. л. 11,5.

Тираж 8000 экз. Заказ № 50995.

По вопросам приобретения продукции просим обращаться по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»
**По вопросам розничного приобретения
продукции:**
Интернет-магазин: tdabris.ru
8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46
zakaz@tdabris.ru
**По вопросам оптового приобретения
продукции:**
8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Санкт-Петербург

ООО «Абрис СПб»
**По вопросам розничного приобретения
продукции:**
Железнодорожный пр., д. 20
(м. «Ломоносовская»)
8 (812) 612-11-03, 8 (812) 327-04-50 (51),
факс: 8 (812) 560-24-17
Книжная ярмарка ДК им. Крупской,
пр. Обуховской Обороны, дон 105,
ст. м. «Елизаровская», павильон № 43
8 (812) 335-01-61
Интернет-магазин:
spb-zakaz@tdabris.ru
**По вопросам оптового приобретения
продукции:**
8(812)560-92-73, info@prosv-spb.ru

г. Грозный

ООО «Центр образования «Абрис»
**По вопросам оптового и розничного
приобретения продукции:**
ул. Ильинская, д. 4
8 (929) 246-98-26, 8 (929) 247-05-62
abris95@textbook.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»
**По вопросам розничного приобретения
продукции:**
ул. Достоевского, д. 29, п. 66
8 (4842) 57-58-51
zakazmir40@mail.ru
**По вопросам оптового приобретения
продукции:**
Тел./факс: 8 (4842) 57-58-51/
8 (4842) 53-89-26, 8 (910) 866-51-81
ooomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»
**По вопросам розничного
приобретения продукции:**
ул. Комсомольская, 63
8 (8332) 699-668; 8 (8332) 705-805
AbbrisVTK@textbook.ru
**По вопросам оптового приобретения
продукции:**
Тел.: 8 (8332) 705-805
Интернет-магазин: tdabris.ru

г. Симферополь,

Республика Крым
ООО «Торговый дом «Абрис»
**По вопросам розничного приобретения
продукции:**
8 (3652) 78-83-65; 8 (3652) 78-84-07
krymea-zakaz@tdabris.ru
**По вопросам оптового приобретения
продукции:**
8 (978) 091-05-91
znanie@textbook.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 1

**Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа»**, 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1
Тел.: +7 (4812) 31-11-96. Факс: +7 (4812) 31-31-70
E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВАРОГА

Радиант.....

Никто и не мог предположить, что именно так все обернется на Нериаде. Всего-то планировалось дня за два воспроизвести операцию «Невод». Хотя, конечно, всегда есть шанс, что события встречи с Великим Зодчим могут повториться... Но чтобы получить благодарность самого Великого Мастера?.. Сварог такого уж точно не ожидал.

ISBN 978-5-00111-290-7

9 785001 112907